ПИОНЕР

АВГУСТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год. 8

Не так-то просто напоить телят, даже если их только два! Но Тамара Чоха уже научилась ухаживать за своими подшефными и хорошо справляется с обязанностями телятницы.

За интересное и важное дело взялись пионеры, живущие в колхозе имени Ленина на Полтавщине. Вы прочитаете о них в этом номере.

ВСЕГДА ГОТОВ!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й.

АВГУСТ
№8 • 1958 г.

В этом номере:

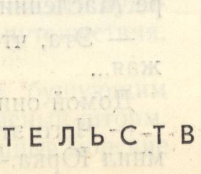
На вклейках:

На вновь возрожденных землях Кырк-кыза. Древняя крепость Топрак-кала. Осень в пустыне.— Картины И. Савицкого.

Косуля. Трясогузка. Аисты.— Цветные фотографии Н. Немнонова.

На обложке:

Рисунок Е. Ведерникова «Веселые туристы».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛУННАЯ ОБЛАСТЬ

Повесть

Виталий ТРЕТЬЯКОВ **Рисунки О. Траскиной.**

1

Огоньков пришел в 5-й «В» в конце четверти.

Маленький, худощавый, с завихрением на челке — будто теленок лизнул языком,— он остановился в дверях. До звонка оставалось минуты четыре. Два пятиклассника по-петушиному прыгали возле учительского стола, стараясь свалить друг друга ударом плеча; мальчишка с широким, скуластым лицом рисовал на доске смеющихся чертиков.

— Новенький! Новенький! — крикнул кто-то.

Огоньков шагнул в класс и на миг растерялся.

— Новенький, садись со мной,— позвал мальчик в опрятной суконной форменке.

Огоньков прошел к его парте, скинул сумку движением плеча.

— Котов Юрка,— отрекомендовался мальчишка. — А ты?

— Артем, по прозвищу Огонек,— объявил Огоньков, и его полные губы расплылись в добродушной улыбке.

Первым уроком была география. Новенький слушал внимательно, подперев ладонями лобастую голову. Только раз он спросил:

— Кто у вас самый лучший по географии?

Юрка оглядел класс, подумал.

— Вон,— указал глазами на вторую парту,— Масленникова Лора.

Огоньков увидел две рыжих, не внушивших ему доверия косички.

— Теперь я буду первым,— заявил он без тени сомнения.— Увидишь.

Действительно, в тот же день новенький удивил класс. Как только Анна Ефимовна объяснила про гейзеры, он стремительно поднял руку и спросил, будет ли изучаться Лунная область.

Учительница вопроса не поняла.

— В Южной Америке, откуда пошла человеческая культура,— пояснил Огоньков.

Анна Ефимовна сказала, что в Южной Америке Лунной области нет. А человеческая культура многообразна, развивалась она издревле у всех народов.

— Ты, верно, слышал какую-нибудь легенду,— предположила учительница.

— И Атлантида — легенда? — недоверчиво спросил Огоньков.

— Вероятно. Но поговорим об этом после урока.

Огоньков как-то сразу потух и, когда прозвенел звонок, не пошел объясняться с учительницей насчет Атлантиды и Лунной области. У задней парты сгрудились мальчишки. Юрка знакомил их с новеньким.

— Это Майборода,— указал Юрка на рослого скуластого паренька.

— Моя борода! — прыснул Артем, сразу припомнив чертиков на классной доске.

Майборода больно провел по голове Огонькова оттопыренным пальцем.

Я тебе покажу: борода! Звонок ты, а не Огонек.

Так получил Огоньков еще одно прозвище — Звонок.

В общем, первый день в новой школе прошел для Артема благополучно. Держался он бойко, перезнакомился со всеми ребятами, а на последней перемене даже подошел к Лоре Масленниковой и громко спросил:

— Эта, что ли, у вас отличница? Фу, рыжая...

Домой они шли с Юркой Котовым.

— Чего это ты на географии врал?—вспомнил Юрка.—Про какую-то Лунную область.

— Врал?! Ну, ты, брат, и темный! — Артем заговорил торопливо: — В Лунную область ни один европеец не может пробраться, потому что кругом горы и тропические леса. Ты идешь, а индеец с дерева из лука — жжик — отравленную стрелу...

— Анна Ефимовна сказала: легенда.

— Анна Ефимовна! — Огоньков сощурился. — Не по программе — она и не отвечает... Молодая учительница.

Стояли последние дни дождливого октября. Деревья раскачивались на ветру, будто силились задержать обнаженными сучьями серые тучи. Заборы от дождей полиняли, и прохожие в мокрых плащах казались сердитыми и печальными. Огонькову подумалось, что в родном городе, дома, как он все еще говорил, даже в эту осеннюю хмурь веселее.

— Скучно у вас,— подумал он вслух. — Город не город, село не село...

— Поселок.—Юрка перескочил через мутную лужу. — Зачем приехал, если не нравится?

— К дяде,— вздохнул Огоньков и добавил очень серьезно, по-взрослому: — Доконал-таки мамку рак. Две недели, как схоронили.

Юрка даже остановился:

— Ну?! А отец? Запил с горя?

Светлые глаза Огонькова вдруг потемнели.

— Отца нету,— сказал он тихо. — Никого теперь нету. Дядька один.

2

Не полюбилось Огонькову на новом месте: и поселок не полюбился и школа. Что это, в самом деле, за школа, если в ней даже физкультурного зала нет и коридоры такие узенькие? К новым учителям тоже не сразу привыкнешь: у каждого свои требования. И с ребятами туго Артем сходился. Правда, он подружился с Юркой Котовым. Это был застенчивый мальчик с ровно подстриженной челкой, с карими грустновато-задумчивыми глазами. С ним хорошо было вести бесконечные разговоры о необычном: о морских путешествиях и пиратах, мечтать о том времени, когда они сами, Артем и Юрка, встав у штурвалов, поведут фрегаты в дальние страны. Из всего класса только Юрка уверовал в Лунную область. Они придумали удивительную игру: по очереди писать судовой журнал воображаемого путешествия. Первую запись сделал Артем.

«Наш корабль движется по бушующим волнам океана. Разыгрался ужасный шторм. Даже бывалые моряки, бесстрашные морские волки, не видели на своем веку такой бури! Мачты скрипят; рвутся, как паутина, натянутые паруса. Я стою у штурвала и веду корабль к цели...»

Записи накапливались. Необыкновенные приключения совершались на каждой странице. Случилось кораблекрушение: наскочили на риф. Разыгралась полная драматизма борьба за места в шлюпке. После двухнедельной схватки со штормом капитан Артем Огоньков, первый помощник капитана Юрка Котов и их боевые сподвижники высадились на необитаемый берег... В команде, конечно, оказались злодеи: бывшие пираты, морские разбойники. Им тоже удалось высадиться. Капитан Огоньков повел свой отряд сквозь непроходимые дебри и горы, туда, где находится Лунная область. Он поклялся все богатства, добытые там, безвозмездно отдать индейцам и освободить их от рабства колонизаторов. Разбойники поклялись помешать благородному замыслу капитана. Две клятвы скрестились в тропических дебрях у реки Амазонки...

Чем кончилась эта волнующая эпопея, неизвестно: судовой журнал погиб от коварной руки Мишки Майбороды. Как-то, получив «двойку» за контрольную по арифметике, Артем загрустил. И в журнале вслед за описанием тропического ливня появились лирические стихи. Особенно удался конец стихотворения, мужественные и горькие, по мнению Артема, строки:

О, скоро-скоро
Уйду я в горы,
И с меня спадут
Оковы тягостных наук.

По рассеянности Огонек не спрятал тетрадь. А когда, вдоволь набегавшись, во время большой перемены вернулся в класс,— так и похолодел. Мишка стоял на парте и, приплясывая, орал во все горло:

О, скоро-скоро
Уйду я в горы...

Ребята покатывались со смеху. Кровь застучала в висках Огонькова:

— Отдай судовой журнал!

Мишка перескочил на соседнюю парту и продекламировал стихи до конца. Потом, размахивая тетрадью и гогоча, запрыгал по партам.

Артем догнал его у стены. Рванул «корабельный дневник» — тетрадь расползлась пополам. Мишка бросил разрозненные листки вверх, и они, как стая голубей, опустились на

крашеный пол. Не будь Мишка таким верзилой, Огонек растерзал бы его. Но кто из 5-го «В» осмелится выйти один на один против Майбороды?! Мишка уселся на парту, расставив на сиденье длинные ноги, спокойно предупредил:

— Попробуй сунься, Звонок! Придумал: Лунная область...

— Лунная область есть! — У Огонькова даже слезы на глазах выступили. — Я про это читал!

— Читал, — усмехнулся Майборода, — «Муху-Цокотуху».

— Не «Цокотуху», научные книги.

— Докажи.

— Докажу!

И Артем Огоньков в присутствии всего класса поклялся, что он или погибнет, или докажет на фактах, что Лунная область действительно существует.

3

Отзвенела дождями осень. Хлопотунья-зима запорошила снегом дворы и улички. Если день ясный, больно глазам от сверкающей белизны. Внимательно приглядеться, — в воздухе серебристые искры — крохотные, неизвестно откуда взявшиеся в безоблачный день снежинки.

Смеркается рано. И как стемнеет, тоскливо становится Огонькову.

Свет уличных фонарей пробивается сквозь заиндевевшие окна. На стеклах — причудливые узоры: белые горы, зубчатые кромки лесов, хрустальные водопады. Сказочная страна. Под верхним переплетом рамы плывут по стеклу диковинные белые птицы. Сюда бы еще вулкан... Артем достает из ящика зазубренный нож и выцарапывает на обледеневшем стекле гигантский вулкан. Потом, забравшись на стол, на самом небе, где плывут по стеклу птицы из инея, пишет большими буквами: «Артем Огонь — открыватель новых земель».

Хлопает дверь, и морозный пар катится по полу. Юрка, притопывая у порога, стряхивает с валенок снег.

— Дяди нет?

Он недолюбливает молчаливого, похожего на большого медведя, дядю, и Огонькову немного обидно: ведь дядя только на вид сердитый.

— Валенки скинь: наследишь, — строго предупреждает Артем товарища.

Юрка разувается, бросает ушанку и шубу на стул.

— Уроки сделал?

Мишка стоял на парте и, приплясывая, орал во все горло...

— Успею, небось. — Огоньков украдкой соскабливает вулкан.

— Я выучил, — без энтузиазма сообщает Юрка и, помолчав, предлагает: — Может, сыграем?

Он принес из дому семь потрепанных, разлинованных в крупную клетку карт и кулечек с деревянными бочонками. Мальчики усаживаются за стол, сдвинув не убранную с обеда посуду. По праву хозяина лото кричать начинает Юрка. Играют без денег, так, ради спортивного интереса. Большинство цифр именуется странными, веселыми прозвищами: 90 зовется «дедом», 77 — «Семеном Семеновичем», а 7 — «кочергой». Если Юрка выкрикнет «дед», Артем обязательно спросит:

— А сколько дедушке лет?

— Три года, — объявляет Юрка, глянув на следующую цифру. Играя, он болтает о всякой всячине:

— По радио концерт передавали по заявкам полярников. «Очки»!

«Очки» — это 8. Артем закрывает восьмерку.

— Гидролог с поселка Мирный Быстров заказал «Амурские волны»... «Барабанные палочки»!

«Барабанные палочки» — это 11. Но Артем забывает вдруг про игру.

— Поклянись! — требует он, приподнявшись со стула.

— Чего поклянись? — обижается Юрка.— Я не жулю: вот же одиннадцать.

— Про гидролога поклянись.

— Ну, клянусь. Быстров Петр Иннокентьевич... Честное пионерское!

— Вот кто про Лунную область знает!

— Знает,— вздыхает Юрка. — А нам что от этого?

Артем теряет терпение:

— Письмо ему написать. Понимаешь?

Утрут они нос Мишке Майбороде! Порывшись в сумке, Артем достает тетрадку по арифметике.

— За арифметику нагорит,— предупреждает трусливый Юрка.

— Пусть. — Огонек вырывает листок. — Как начинать?

— Так и начать: гидрологу Быстрову Петру Иннокентьевичу.

Макнув в непроливайку перо, Артем вывел заглавное «Г», задумался:

— Как пишется: ге или ги?

— Не в этом же дело,— морщит лоб Юрка.— Пиши, как знаешь.

Письмо получилось кратким:

«Мы, ученики пятого класса Котов Юра и Артем Огоньков, просим срочно сообщить, существует ли Лунная область. Потому что в классе у нас идет спор. Ученик Майборода Михаил говорит, что никакой Лунной области нет и что мы лунатики. А Анна Ефимовна сказала: легенда. Но как же ее нет, когда ни один европеец не может туда пробраться?

Еще просим срочно сообщить, где записываются в полярные экспедиции. Все равно кем, можем юнгами. Нужны ли юнги у вас в Антарктиде?»

Артем похолодел...

Юрка предложил закончить письмо словами: «Ждем ответа, как соловей лета». Артем поморщился: несерьезно звучит.

С адресом было потруднее. Как написать? Поселок Мирный, Быстрову? Но кто знает, сколько на свете поселков с таким названием! А вдруг письмо пойдет не туда? Потом, наверное, и номер дома нужно указывать: поселок, небось, громадный. Для Юрки все просто:

— Спросим у Анны Ефимовны.

Нет, Огонек не мог согласиться на это: тайна должна соблюдаться. А вдруг гидролог ответит, что в Антарктике позарез нужны юнги! Если растрепаться заранее, их ни за что не отпустят из школы. Вот когда на руках будет вызов — дело другое, можно всем рассказать. Тогда даже директор школы, даже заврайоно не смогут их задержать!

Адрес в тот вечер так и не написали.

4

На уроках они шептались, как заговорщики. Юрка предложил включить в компанию Лору Масленникову. Огоньку не хотелось связываться с девчонкой: все они нюни. Но другого выхода не было: Лорка — первая ученица, должна бы знать, как пишется адрес.

На большой перемене в буфет не пошли: вели с Лорой переговоры. Договорились легко. Но Огоньков чуть не погубил дело. Когда Майборода стал по обыкновению к нему придираться, намекая на злосчастное стихотворение о бегстве в горы, Артем не вытерпел:

— Скоро утрем тебе нос, коломенская верста!

— Это как? — насторожился Майборода. — Заметку в стенгазету напишете? Испугался я вашей заметки...

Но Майборода испугался: заметив, что Юрка, Артем и Лора после уроков остались в классе, он сбросил с плеча толстую сумку и уселся на первой парте.

— Посмотрим, что вы напишете про меня!

— Сдался ты нам! — озлился вдруг Юрка. — Мы в Антарктиду письмо написали, гидрологу!

— В Антарктиду? — искренне изумился Мишка. — Не дойдет. А дойдет — кто вам ответит? В Антарктиде без вас работки хватает.

— Почему не ответят? — Лора откинула со лба рыжую прядку. — Не хочешь с нами участвовать, ну и уходи, не мешай.

Мишка притих, но в классе остался.

Огонек уже не жалел, что они посвятили в тайну девчонку. Бойкая и сообразительная, Лора, морща лоб, долго колдовала над картой, что-то высчитывала. Потом, осторожно макая перо в чернильницу, чтоб, не дай бог, кляксы не посадить, вывела на конверте красиво и крупно, почти так же красиво, как в ученических прописях: «66 градусов южной широты, 93 градуса восточной долготы. Антарктика. Поселок Мирный. Гидрологу Петру Иннокентьевичу Быстрову».

Прежде чем заклеить конверт, сделали маленькую приписку: «Ученик Майборода Михаил говорит, что письмо не дойдет. А дойдет — вы не ответите».

На почту пошли все четверо. И дорóгой Майборода сомневался:

— Придумают тоже... Не дойдет! Поспорим на сто щелчков?

Почта в поселке маленькая: рубленый дом, в нем всего одна комната. Но перегородки с матовыми стеклами, как в городе, настоящие. С замирающим сердцем Артем подошел к окошечку, приподнявшись на цыпочки, протянул письмо:

— Заказное.

Девушка придвинула квитанционную книжку, хотела писать, но, глянув на адрес, положила на стол карандаш:

— Вас из школы послали?

— Сами,— промолвил Артем чуть слышно.

Девушка взяла другую, очень толстую книгу, полистала ее:

— Такого пункта в перечне почтовых отделений не значится.— И вернула письмо, на котором уже стоял штемпель.

Молча, как провинившиеся, вышли ребята на улицу.

— Что? Я говорил, говорил! — замахал Мишка руками, словно собирался подраться, но было заметно, что и он огорчен.

— Ах, замолчи!—с досадой бросила Лора, и Майборода притих.

Они постояли немножко. Что поделаешь, если письма в поселок Мирный не принимают? Артем и Юрка по-взрослому пожали друг другу руки. Лоре было по пути с Огоньковым. Она шла, о чем-то задумавшись, легонько покачивая желтым портфельчиком. Огоньков искоса поглядывал на пуховую шапочку и рыженькие косички и думал, что эта Лорка, пожалуй, неплохая девчонка: отличница, а не задавала. С такой можно б дружить.

— Ой,— вскрикнула Лора,— коса распустилась! Эти ленты-капрон поминутно развязываются... Заплети.

Огонек готов был провалиться сквозь землю: на виду у всей улицы заплетать косу девчонке!

— Скорее! — Лора встала к нему спиной. — Я же сама не достану.

Артем бросил сумку на снег и, скинув варежки, стал неумело скручивать косу. Ленту затянул так, точно перевязывал пятипудовый мешок. Когда пошли дальше, он уже не поглядывал на Лорину шапочку.

— Не расстраивайся,— сказала она. — Хочешь, я у папы узнаю, как отправить письмо?

Артем упрямо качнул головой. При чем тут папа? Он и дядю может спросить... Нет, у дяди спрашивать бесполезно. Разведет дядя руками: пустяками, мол, занимаешься... Но все равно он докажет, что Лунная область не выдумки. Перепутали что-то на почте. Родственники полярникам пишут? Пишут! А пионеры не имеют права писать?!

На противоположной стороне улицы Артем заметил почтовый ящик и вдруг кинулся через дорогу, оставив оторопевшую Лору.

5

Бывают горести и у двенадцатилетних.

Два с половиной месяца прошло с того дня, как Огонек опустил заветное письмо в ящик,— и никакого ответа... И в школе одни неприятности. Заленился Артем, уроки совсем запустил, и пошли двойки. Особенно не ладилось с арифметикой. Задачи про поезда и бассейны мало интересовали Огонькова. Вода вливается, вода выливается... Вот жил на свете капитан Гаттерас, который даже по аллеям Стэн-коттеджа ходил только на север! Это вот да! И какое значение может иметь арифметика, если ни один европеец не проник в Лунную область, удивительную страну, где золотые слитки валяются на дорогах, как простые булыжники!

На уроках арифметики Огонек сидел тихо, прячась за спины товарищей. Но глянет учительница в журнал — и замрет сердце.

— Огоньков!

Артем поспешно встает, горбится и не знает, куда деть руки.

— Ты задачу решил, Огоньков?

— Решил. Только... дома забыл тетрадь.

Учительница смотрит на него испытующе, и Огонек вдруг сам начинает верить, что он задачу решил, только вот не ту тетрадь принес в школу, в спешке спутал тетради.

— Ну, если решил, иди к доске.

Волнуясь, он переписывает на доску условие. Два поезда движутся навстречу друг другу... Какие поезда? Почему непременно навстречу? А если будет крушение? Учительница снимает и надевает очки. Она всегда делает это, когда начинает сердиться.

— Какой же первый вопрос, Огоньков?

Артем сжимает выпачканными в мелу руками края форменной гимнастерки, безнадежно молчит, и в его васильковых глазах грусть.

— Садись, Огоньков!

Смешок Майбороды будто хлещет его по лицу, и Артем не видит уже ни учительницы, ни класса... только большие глаза Лоры Масленниковой со второй парты.

С того дня, когда посылали письмо гидрологу, у Артема установились с Лорой новые и непонятные отношения. Они почти и не разговаривали. Из школы Лора ходила с подругами, Огоньков—с Юркой. И все-таки Артем считал Лору самым верным и дорогим своим другом. В мальчишеских мечтах и фантазиях о той дивной поре, когда он, Артем Огоньков, прославится, будет великим путешественником, всегда отводилось местечко и Лоре. Они вместе пробирались сквозь джунгли, шагали по гренландским льдам, устремлялись к Южному полюсу, честно разделяя лишения и славу. А иногда Артем просто думал, какое красивое это имя—Лора, и как странно, что он раньше этого не замечал. Если Лоры вдруг не было в школе, он томился, скучал. Вообще, Артем должен был каждый день ее видеть, хотя бы минуту в день, чтобы быть совершенно спокойным.

Артем стал неумело скручивать косу.

Об этом не знал никто, даже Лора. Артем обижал ее: дергал за косы, дразнил «рыжей» и даже «отличницей», будто это было бранное слово. Только Юрке однажды признался:

— Я косы ей заплетал.

И вот Артем с Лорой стали врагами. На всю жизнь!

Случилось это на звеньевом сборе. Обсуждали неуспевающих. Огонек сидел на задней парте и, когда повторяли его фамилию, смотрел на свои подшитые валенки и думал, что если по справедливости рассудить — на что ему арифметика: не в бухгалтера же он собирается. Но когда Лора заговорила о нем, Артем забыл про подшитые валенки, покраснел и сжал зубы. Лора говорила то же, что все: Огоньков позорит звено, позорит отряд, даже всю пионерскую организацию позорит Артем Огоньков. Но ведь это—предательство! Человек, с которым суждено ему было совершать героическое, замерзать на неведомых землях, быть может, питаться корой и сыромятной кожей,— и вдруг такое о нем...

Нет, сдержаться Артем не мог.

— Уж ты бы молчала,— выкрикнул он на весь класс.— Отличница! Отец за тебя задачи решает!

Лора заморгала, оглядываясь по сторонам будто ища поддержки.

— Заливаешь, Огонек,— сказал кто-то.

— А если не заливаю? — Артем понимал, что несет чепуху, но остановиться уже не мог. — Если я знаю точно?!

— Папа объясняет, когда не получается,— залепетала Лора, краснея.

Слова ее потонули в гомоне.

— А сочинения?! — кричал Огоньков, встав на скамейку. — Писали мы сочинение «Зима». Скажешь, тебе дома ошибок не исправляли?!

— Ошибок там не было, только две запятые...

— Липовая отличница! — резал Артем.

Лора хотела что-то сказать, но вдруг отвернулась и, закрыв руками лицо, заплакала. Увидев, как вздрагивают рыженькие косички, Артем понял, что натворил. Стало до того жалко Лору и стыдно перед самим собой, что лучше бы провалиться сквозь землю.

Со сбора он шел один. День разгулялся, и солнце начинало по-мартовски припекать. Сосульки свисали с крыш. Чувствовалось —

скоро весна. Но и это не радовало Артема. Ему было так же тоскливо и скверно, как в тот осенний, промозглый день, когда хоронили маму.

Возле кирпичного дома, на солнечной стороне, мальчишки играли в пристеночек. Монеты, со звоном ударяясь о стену, падали на утоптанный снег. Среди играющих вертелся Мишка Майборода.

— Эй, Звонок! — окликнул Мишка Артема. — Сразимся?

— Денег нет,— хмуро сказал Артем.

— Одолжу.— Мишка погремел медяками.

Артем постоял. Выигрывал юркий парень в коричневой телогрейке и шапке-ушанке. На вид парню было лет пятнадцать, и такие у него были длинные пальцы, что он свободно дотягивался до монеты, упавшей вершков на пять от его гривенника. Артему подумалось, что он мог бы одолеть в игре длиннорукого: что ж, что у того ручища здоровая, надо только бить поточнее. И Огонек не стерпел:

— Дай, Миш, копеечек двадцать.

Первый гривенник он проиграл сразу: слишком слабо ударил, монета упала у самой стенки. Огонек смекнул: забивать надо изо всех сил. И вторую монету так шибанул о кирпичную стенку, что она отлетела шагов на пять. Длиннорукий ударил легко, будто нехотя. Азарт охватил Огонькова. Приноровившись, рассчитал силу удара — монеты легли почти рядом. Но сколько ни тянул Артем пальцы, не хватало каких-нибудь трех сантиметров.

— Каши мало поел! — Парень ударил свободно, с вывертом и положил гривенник в самую точку.

Но разве мог Артем сдаться?

— Дай еще тридцать,— попросил он у Мишки,— чтоб до ровного счета, до полтинника.

— Отдашь? — усомнился Майборода.

— Спрашиваешь! Дома-то деньги есть.

Артему до обидного не везло.

— Пальцы у тебя коротышки,— посочувствовал парень, когда Огонек проиграл и эти тридцать копеек. — Может, в орляночку? Здесь уж рука ни при чем, здесь — кому повезет. Отыграешься...

Артем рискнул отыграться. Сначала он даже вернул тридцать копеек, но потом дела пошли совсем скверно. Когда проигрыш вместе с долгом Майбороде достиг трех рублей, компаньоны потребовали расчета.

— Завтра отдам,— печально пообещал Огонек.

— Ты говорил: дома есть деньги.

Дома лежало десять рублей: дядя оставил на хлеб. Пришлось принести.

Собрав в пригоршню мелочь, парень принялся отсчитывать сдачу. Насчитал два рубля семьдесят — больше не оказалось.

— Во! Может, купишь биту? — Он извлек из кармана медную сплющенную пластинку. — За нее любой даст пятерку.

Мишка подтвердил, что за такую биту пять рублей с закрытыми глазами дадут. И Артем купил замечательную биту. На сердце было нехорошо: чувствовал, что ребята его обманули, но как-то стеснялся сразу от них уйти. Скажут еще: проигрался и распустил нюни, баба! И Артем делал вид, что ему не жалко ни капельки денег, напротив, он очень доволен, что весело провел в компании время.

Они бы расстались, как истинные друзья, но Мишка вздумал ехидничать.

— Ну, как,— спросил он с подвохом,— получил из Антарктиды ответ?

— Не получил,— огрызнулся Артем.

Мишка пронзительно хохотнул:

— Ты еще здесь?! А я думал, ты в горы ушел. Игрунья! Тебе не в пристеночек — в куклы с Лоркой играть. Звонок!

Дальнейшее произошло так стремительно, что Артем не успел осознать, что делает. Сжав кулаки и наклонив голову, он кинулся на обидчика, но в ту же секунду, получив короткий удар, упал спиной в снег. Мишка стоял над ним, держа наготове сжатый кулак. Их обступили мальчишки.

— Вам не подраться, нам не посмотреть,— затянул кто-то.

Артем встал, вытер варежкой вспотевшее вдруг лицо и, не глядя ни на кого, пошел прочь.

6

Дядина комната показалась ему чужой и холодной. Постель прибрана кое-как, на столе немытая посуда, и окна без занавесок смотрят печально. Сразу заметно: здесь живут мужчины.

Артем разогрел щи, поел нехотя. Открыл взятую вчера в школьной библиотеке книгу — нет, не читается. Постоял немного у печки и все-таки заставил себя сесть за уроки. Надоели придирки: Огоньков плохо учится, Огоньков — лодырь. Вот он возьмется и выучит. Главное — сила воли. А сила воли у него — будь здоров! Любой позавидует!

К удивлению Артема, задача решилась легко. Но неожиданная радость как-то сразу померкла. Что он скажет дяде про день-

ги? Да в деньгах ли дело... Если вдуматься, нескладная у него жизнь. Одни неудачи. Разве мало на свете людей, которые прославились в его годы?! Гаврош, Дик Сэнд, сын полка Ваня Солнцев. А Радик Юркин! Про Радика знает теперь любой. А наверно, и Радика считали когда-то самым обыкновенным мальчишкой. Радик доказал, на что он способен. А он, Артем Огоньков, ничего доказать не может... Хоть бы гидролог Быстров ответил! С ответом гидролога Артем связывал большие надежды, даже продолжал верить, что Быстров пригласит его в Антарктиду и вся жизнь тогда круто изменится. Но гидролог молчал. Почему?

Этот день показался Артему томительно длинным.

Вернулся с работы дядя.

— Где это тебя подсветили? — спросил он, едва взглянув на племянника.

— Ударился... об дверь.

— Об дверь?! — Дядя усмехнулся, но сейчас же опять стал серьезным. — На работу ко мне учительница приходила, классный руководитель.

— Зачем?

Огонек почувствовал недоброе.

— Жаловалась: учишься плохо. Чтобы контроль обеспечить. Ты, Артем, понимать должен... Я мало учился, теперь жалею.

— Задачу вот сделал. Проверьте.

— Проверять я все не поспею.— Дядя откинул люк подпола, собрался достать картошки. — Сам понимаешь, не за материнской спиной живем. Надеяться не на кого, сами за все в ответе... Хлеба купил?

— Нет. — Артем поперхнулся, что-то тяжелое и горячее подступило к самому горлу. — Я... Деньги я потерял.

Дядя покачал головой, пошарил в карманах. Огонек стоял не дыша, боясь поднять глаза.

— А мелочь откуда? — спросил дядя, глянув на стол, где лежала сдача с десятки.

Артем не ответил.

— Откуда мелочь?

— Только вы не сердитесь! — Огонек прижал руки к груди. — Я отдам... Я в пристеночек проиграл.

— В пристеночек?! — Дядя дернул его за ворот рубахи, и Артем увидел на миг покрасневшее лицо и колючие сузившиеся глаза.

Что произошло, он не сразу понял. Показалось, что качнулись вдруг стены и потолок зашатался. Дядя сразу отпустил его.

Жгучее, нестерпимое чувство стыда и обиды придавило Артема. Ничего не видя от затуманивших глаза слез, он сделал три шага и, нащупав руками стенку, прижался к ней головой.

В комнате было тихо, как в дремучем лесу.

— Не доведет это все до добра,— сказал дядя и, одевшись, ушел из дому.

В эту ночь Огонек долго не мог заснуть. Никому он не нужен. Дядя так и сказал: «Не за материнской спиной живешь». И Лора выступила против него, и гидролог Быстров не ответил. Артем смотрел на темные окна, слушал, как скребется под полом мышь, и тяжелое чувство одиночества давило его.

В детстве обиды забываются быстро. Артем успокоился понемногу, вспомнив, что всем великим исследователям сначала выпадали на долю тяжелые испытания. Робинзон Крузо наперекор воле родителей отправился в путешествие — и прославился на весь мир. А если он, Артем Огоньков, докажет, что существует Лунная область, первым проберется туда? Тогда сам Быстров пожалеет, что не взял Огонькова юнгой в Антарктику.

И Артем живо представил, как в этом поселке, где его обыграли в пристеночек и побили, будут торжественно встречать покорителей Лунной области. И он, Артем, по прозвищу Огонек, прошагает под марш в первом ряду героев, вернувшихся из чудесной страны. Рослый Майборода подойдет к нему и, протянув руку, скажет: «Забудем прошлое. Я был неправ. Лунная область действительно существует». Еще как существует! И Артем это докажет.

Огонек решил действовать.

7

Артем вошел в класс, стараясь ни на кого не глядеть: ребята заметят синяк, Майборода будет хвастаться. И Лоре стыдно в глаза взглянуть. Все же он заметил рыженькую головку. На сердце стало теплее. Прошел к своей парте и сел, уронив лобастую голову на сжатые кулаки.

Первым уроком была арифметика. Он не встал, когда учительница вошла в класс. Она отметила отсутствующих и сразу же вызвала:

— Огоньков.

Артем поднял голову:

— Я отвечать не пойду.

— Почему? Снова не делал уроков?

— Сделал. Проверьте. Просто не могу отвечать.

— Хорошо,— сказала учительница,— на перемене объяснишь мне причину.

— Ты что, сдурел?! — зашипел Юрка.

— Ничего не сдурел. — Огонек снова опу-

стил голову на руки. — Зачем я пойду отвечать, если все равно учиться не буду?

— Как не будешь?

— Очень просто. Убегу. В Лунную область.

Глаза у Юрки вдруг округлились. Он смотрел на друга, как смотрят в зоопарке на диковинного слона:

— Как же туда добраться?

— Пустяки... До моря в поезде, зайцем. А там...— Огонек придвинулся к другу.— У дяди часы, карманные. Сунуть первому попавшемуся матросу,— в трюме спрячет.

— Значит, ты украдешь? — уточнил Юрка.

— И украду,— сурово сказал Огонек. — Украду. Мне теперь все нипочем,— но тут же добавил помягче, словно оправдываясь: — Многие знаменитые путешественники так начинали.

Он взял с Юрки страшную клятву: молчать. И когда Юрка поклялся тенью самого капитана Немо, Артем понял, что его бегство — дело решенное.

Вместе вышли из школы.

— Понимаешь, дело тут у меня.— Артем остановился.— Ты иди. Он протянул приятелю руку.

Юрка потряс его руку, потоптался на месте:

— Не забывай, пиши, если что... Прямо на школу.

— Как доберусь, напишу,— пообещал Огонек. — А то и с дороги.

Расстались без лишних слов. Юрке очень хотелось спросить, какое это дело задерживает Огонькова у школьных ворот, но он не спросил: надо же быть мужчиной.

Ребята гурьбой высыпали на школьный двор. Мальчишки хватали пригоршни липкого снега, и скоро во дворе завязался горячий бой. Каждого выходящего встречали снежными залпами.

В этой веселой кутерьме Артем искал глазами белую шапочку... Лора сошла с крыльца и побежала под градом снежков. Она пролетела мимо Артема, веселая, легкая, и, переведя дыхание, пошла тише.

— Лора,— позвал Огоньков.

Девочка не остановилась. Артем догнал ее и пошел почти рядом, немного сзади.

— Ты, Лора, не обижайся,— заговорил он,— сам не знаю, как это все получилось...

Она обернулась, посмотрела ему в глаза:

— Отстань. Не люблю врунов.

Минуты две шли молча. Она впереди, Артем — в двух шагах сзади.

— Думаешь, не понимаю, что говорил неправду? — начал опять Огонек. — Понимаю. Потому и прошу прощения... А если ты такая злюка, что будешь весь год сердиться,— ну и сердись. Сколько хочешь.

— Ах, я нисколечко не сержусь,— пожала Лора плечами. — Но зачем ты придумал такое?

— Разозлился я, вот зачем. Навалились на одного. Думаешь, очень приятно?

— А ты учись лучше.

— Я бы рад,— вздохнул Огонек. — Не могу.

— Почему? — Лора смотрела открыто, и не было в ее глазах прежнего отчуждения.

«Ей хорошо: и мать и отец»,— подумал Артем и печально проговорил:

— Не интересуюсь я арифметикой этой. Другими науками увлекаюсь.

Лора не нашлась, что ответить. Конечно, если человек науками увлекается, не мудрено и отстать по арифметике.

— Вот у меня что есть.— Огоньков достал из кармана купленную за пятерку биту.— Чистая медь!

Лора скинула варежку. И Артем, подавая биту, прикоснулся к ее теплой ладони. Захотелось крепко сжать Лорины тонкие пальцы. Но Артем поспешно отдернул руку.

— Ты увлекаешься нумизматикой? — Она произнесла это слово четко, почти по складам.

— Чего? — не понял Артем.

— Когда человек собирает монеты, медали разные, это и называется нумизматика.

— Нет,— тряхнул головой Огонек,— это не медаль. Просто бита: в вышибалку играть. А я увлекаюсь... неисследованными местами земного шара, белыми пятнами.

Лора сказала, что тоже очень интересуется «белыми пятнами» на географической карте. Только пятен этих совсем мало осталось.

— На наш век хватит,— заверил ее Огоньков.— А биту бери насовсем. На память.

— На память? — В глазах Лоры засверкали веселые искорки.— «В горы» опять собрался?

— Мало ли что в жизни может случиться,— уклончиво ответил Артем.— И вообще,— он посмотрел себе под ноги,— прощай. Может, не увидимся долго. Не думай, что я вредный такой человек.

8

Артем вытряхнул из сумки учебники, подержал их на руке, будто взвешивая, и опять аккуратно сложил. Достал из шкафа шер-

стяные, связанные еще мамой штаны. И их сунул в сумку: дорога дальняя — пригодятся. Что еще требуется в дорогу? Взять разве хлеба? До Одессы. А там моряк, который спрячет Артема в трюм, будет кормить... Он отрезал большой ломоть черного хлеба, намазал маслом, густо посыпал сахарным песком. Чтобы сахар не ссыпался, накрыл вторым ломтем. Сверток в сумке не помещался, и Артем подумал, не оставить ли все-таки дома учебники: зачем они в путешествии? Но книги так и не выложил: запихал с трудом хлеб в карман пальто.

Можно было идти, распрощавшись с дядиной комнатой, с тихим поселком и ребятами в классе, к которым он стал привыкать. Огонек опустился на стул, и глухая, как в срубе степного колодца, тишина поразила его. Раньше Артем не замечал этой тишины, как не замечал одиночества. Теперь она беспокоила.

Как был, в одежде, он лег на кровать и, уткнувшись в подушку, заплакал. Он и сам не знал, о чем плачет. Может быть, о маме, которой никогда уж не будет с ним рядом. А может, оттого, что приходится ехать в какую-то Лунную область, когда другие ребята живут спокойно: играют в снежки, получают хорошие отметки по арифметике... Но что поделаешь, если все так сложилось?

Артем вытер заплаканное лицо и вспомнил вдруг про часы, которые надо украсть. Карманные, старые, они висели на гвоздике у кровати. Артем снял часы, приложил к уху — идут. Металлический холодок приятно защекотал ладонь, и Артем вдруг понял, что не может украсть. Он перенесет все лишения, готов на любые муки и испытания. Пусть пираты пытают его огнем! Но быть вором!.. Артем повесил часы, взял сумку и вышел на улицу.

От поселка до станции два километра. Артем шел быстро, почти бежал. Он очень боялся встретить знакомых. Казалось, попадись кому-нибудь на глаза — и без разговоров вернут домой. Но дорога была безлюдна. Изредка проезжали от станции грузовики, и тогда Артем сворачивал на обочину и шел по хрустящему насту.

Сплошные серые облака заволокли небо, крупными хлопьями повалил снег. И Артем сразу представил, что шагает он по безбрежной равнине где-то у Южного полюса, и почувствовал себя очень большим и сильным. Как это приятно — чувствовать себя сильным!

Снег сыпал и сыпал. Белыми стали земля и небо. И все пространство между землей и

Артем вдруг понял, что не может украсть...

небом заполнили танцующие снежинки. Артем шел, не чувствуя ни усталости, ни печали. Даже забыл на время, куда и зачем идет. И не было больше ни ссоры с Лорой, ни неприятностей из-за проигрыша, ни острой обиды на то, что гидролог Быстров не ответил. Существовал только снежный простор и он, Артем Огонек, вольный, как птица, большой и смелый, как капитан Гаттерас. Он мог бы сейчас все: перед целым классом признаться, что напрасно обидел Лору, первым протянуть руку дружбы Майбороде и, конечно, мог бы открыть и Северный полюс, и Америку, и морской путь в Индию, если бы этого не сделали счастливцы, родившиеся гораздо раньше него.

9

На станции безлюдно и тихо. Ручейки рельсов убегают вдаль, за опущенный семафор. Поезда не видать. На запасных путях — запорошенный снегом товарный состав.

Артем побродил возле станционного здания, прошел по путям до отдаленного семафора. Руки и ноги начали коченеть, и бодрое настроение, с которым шел он сюда, таяло, точно звуки удаляющегося оркестра.

Снегопад прекратился, но небо оставалось серым и хмурым. И будто темнее стало и сумрачнее кругом. В сердце мальчика за-

ползла тревога. А если поезда не будет до ночи? Железнодорожники могут заметить, что он тут бродит без дела, и его заберут.

Артем перешел железнодорожное полотно и спрятался за товарный состав. Стоял долго, пока совсем не окоченели ноги. Холодный ветер дул в спину, от тяжелой сумки ныло плечо. Так можно и насмерть замерзнуть... «Сосчитаю до шестисот и уйду,— подумал Артем.— Чем я виноват, если поезда нет!» Он стал считать вслух, пританцовывая от холода. Честно просчитал шесть раз по сто. Подождал еще минут десять и решил возвращаться домой, как вдруг отдаленный гудок прорезал тишину. Артем вздрогнул: поезд! А вдруг товарный? На товарняке не поедешь. Вдалеке показался дымок, еле заметный на фоне серого неба.

Нет, это был не товарняк. Пассажирский зеленый поезд подошел к станции. Огонек побежал вдоль состава, еще не зная, на что решиться. Он слышал где-то, что можно ездить в ящиках под днищем вагона. Но как заберешься в ящик? И страшновато: вдруг ящик на ходу оторвется?

Показаться на платформе Артем боялся. Он добежал по путям до хвоста поезда, вскочил на подножку. Нет, дверь не заперта. Юркнув в тамбур, заметил на платформе проводника, но в ту же секунду вместе с входящими пассажирами оказался в вагоне. Отдышавшись, примостился на краю скамейки.

Гудка паровоза Артем не слышал. Лишь ощутил, как вагон легонько толкнуло, и тусклые тени качнулись в окнах. Захотелось выбежать из вагона, спрыгнуть, пока не поздно. Ноги не повиновались. Проплыла за окнами водонапорная башня, замелькали красные товарные вагоны, стоящие на путях. И Артем понял, что уезжает и изменить ничего невозможно.

Он огляделся. Это был бесплацкартный вагон, людный и шумный. Пассажиры коротали время за разговорами, смеялись. В дальнем конце вагона плакал ребенок. Женщины, сидевшие напротив, негромко беседовали. Артем понял из разговора, что маленькая старушка едет на свадьбу дочери, что детей у старушки четверо: трое закончили институты, а младшая, что замуж выходит, из десятилетки пошла на фабрику, ватерщицей. Полная женщина вслух заметила, что это, должно быть, обидно для материнского сердца.

— Чего же обидно? — улыбнулась старушка, и лицо ее как-то вдруг посветлело.— Я на фабрике сорок лет. И должность что ни на есть простая: шпульница...

— Будет тут станция Кочмари,— громко сказали сзади.

Артем обернулся. Возле окна, друг против друга, сидели мужчины. Один — усатый, в пальто с черным воротником; другой — невысокий и сухощавый, в распахнутой меховой куртке.

— Формировались мы в Кочмарях. В сорок третьем...

Поезд юркнул под мост, в вагоне стало темнее, гулкий шум притушил голоса.

— Помоги-ка, милый, чемодан на полку поднять,— попросила старушка.

Чемодан был тяжелый: видно, шпульница везла на свадьбу много подарков.

— Куда же ты едешь? Один...

— Куда надо, туда и еду,— угрюмо буркнул Артем.

— Да ты, парень, ершистый.— Мужчина в меховой куртке в упор смотрел на Артема.— Разве так отвечают старшим?

— А что я особенного сказал? — Огонек втянул голову в плечи и поглядывал, как зверек, исподлобья.

— Современное воспитание! — шумно вздохнула полная женщина.

«Сейчас позовут проводника — и пропал»,— подумал Артем.

Его спас молодой человек, появившийся вдруг в проходе.

— Есть любители забить флотского? — выкрикнул он, постукивая костяшками домино.

— Это можно,— оживился усатый.— Напарник имеется?

Между лавочек поставили два чемодана, один на другой. Молодой человек высыпал костяшки на чемодан.

— Ну-ка, малец, марш на полку! — скомандовал он Артему.

Лежа на полке, Огонек успокоился. Будто поезд уносил от всех бед, неприятностей. А что впереди — об этом как-то не думалось. Свесивши голову с полки, он с мальчишеским любопытством смотрел в окно. Проплывали заснеженные поля, перелески, крохотные, словно елочные игрушки, станционные будочки. И странно: все ближнее бежало назад, а дальнее — деревья, одноэтажные домики — плыло за поездом, будто боялось отстать.

Внизу заспорили о воспитании. Полная женщина сетовала:

— Грубиянами дети растут, ни порядочности, ни благородства...

Лежа на полке, Огонек успокоился.

— Это еще доказательства требует,— заметил мужчина в куртке.

Чего же доказывать? — Она покосилась на полку, где, притихнув, застыл Огонек.

Огромные серые тени поползли по полям, и Артем подумал о том, как велика земля: едешь, едешь — и нет ей конца и края.

10

Незаметно Артем задремал. Проснулся — в окнах черно, в вагоне горят вполнакала тусклые лампочки. Он сразу припомнил все события этого дня — и испугался. Таким одиноким и маленьким почувствовал себя Огонек в поезде среди незнакомых людей, что слезы сами навернулись вдруг на глаза. Но Артем не заплакал: смахнул рукавом слезу и плотнее сжал зубы. Так он лежал долго и слушал, как стучат колеса и поскрипывают стенки вагона.

Дневная сутолока улеглась, в вагоне стало скучнее. В домино уже не играли. Старушка дремала, уронив седую голову на чемодан. Только мужчины, сидевшие у окна, разговаривали негромко.

— Мы порой к этой братве несправедливы. Все кажется, сами-то были лучше. Старая песня! — рассуждал мужчина в меховой куртке.— Я вот одного паренька до смерти не забуду... Случай, может быть, исключительный, но факт. Был я в войну танкистом, водителем. На юго-западном тогда отступали. Вошли мы на рассвете в село. Обстановка — сам черт не поймет, где свои, где чужие. Немец и ударил с фланга, из рощи. В мою машину угораздило бронебойным, в башню. Командир — насмерть, стрелок-радист тяжело ранен. А со мной оказия получилась... Оглушило — и ничего не вижу, только пламя горящей избы трепещется перед глазами. Выводить надо машину — не могу. Дергаю без толку фрикционы, кружусь на месте и плачу... Заглушил мотор, приподнял ощупью люк. И вдруг, поверишь, слышу: «Дяденька, может, помочь?» Не поверил сначала: чудится, что ли? Нет — мальчишеский голос. «Ты,— спрашиваю,— откуда?» «Местный». «А ну,— кричу,— залезай! Садись рядом». Он влез, в щеку мне дышит. «Указывай,— говорю,— дорогу. Куда ехать?» И вот, поверишь, был этот паренек моими глазами, пока я машину не вывел.

Мужчина помолчал, задумчиво постучал о ладонь мундштуком папиросы.

— Подобные случаи были,— согласился усатый.

Артем встал как вкопанный, руки безжизненно опустились.

Стало совсем тихо. Только в противоположном конце вагона все еще не унимался ребенок. Артем вспомнил о доме. Дядя теперь, конечно, ищет его, и в школе все знают... И Артем почувствовал неприятный, пронизывающий, словно в морозную ночь, озноб.

Старушка подняла голову, посидела минуту, перебарывая тяжелую дремоту. Платок, укрывающий ее плечи, распахнулся, и Артем заметил на вязаной кофточке орден. Огонек удивился. За какие подвиги могли наградить старую женщину? Он знал, конечно: и за многолетнюю образцовую работу дают ордена. Учителям, например, полярникам, пограничникам. А шпульницам разве дают? Старушка поправила платок, зевнула, прикрывая ладонью рот. Достала из чемодана хлеб, вареные яйца.

— Слезай-ка, сынок, поужинаем,— пригласила она Артема.

— Не хочется,— глотнул Огонек слюну и, чтобы показать, как он сыт, провел ребром ладони у подбородка.

— Куда же ты все-таки едешь?

Артем смутился:

— К бабушке... В Кочмари.

— Кочмари? — оживился мужчина в куртке.— Сейчас сходить.

За окнами в ночной темноте замелькали редкие огоньки. Поезд замедлил ход.

— Вот они, Кочмари! — Мужчина припал к окну.

Артем слез с полки и пошел в тамбур. А что было делать? Сам придумал бабушку в Кочмарях — никто за язык не тянул.

Он сошел на перрон и поежился: такая стояла глухая морозная ночь. Первой мыслью Артема было сесть поскорее в другой вагон. Но у дверей стояли проводники, и пройти было совсем невозможно. Мальчик побежал вдоль состава, охваченный страхом, что может остаться на глухой станции в морозную ночь. Но в это время загудел паровоз, и вагоны, качнувшись, сначала медленно, потом быстрее, быстрее поплыли мимо, сверкая желтыми окнами. Артем встал как вкопанный, руки безжизненно опустились.

Прогромыхал последний вагон. Поезд растаял во мгле. Только красная звездочка путевого фонарика еще некоторое время светилась вдали.

11

Через два дня будущий путешественник и исследователь, неутомимый энтузиаст географии из 5-го «В» ехал домой в сопровождении милиционера. Задержали его железнодорожники в Кочмарях. Два дня, пока наводили справки, просидел Огоньков в детском приемнике. Там и познакомился с веселым майором милиции Иваном Васильевичем Ермолаевым. Разговор у них сразу пошел начистоту, откровенный. Ермолаев по секрету признался, что лет тридцать назад, будучи беспризорником, тоже замыслил побег в жаркие страны: холодноват был для бездомной братии континентальный климат. Но вместо Африки угодил Ермолаев в детдом. И ничего, не жалеет. Выучили его, воспитали. И вот бывший беспризорник — майор милиции.

— Ну, будешь еще путешествовать? — спросил Иван Васильевич при прощании.

— Не буду,— пообещал Огоньков.

— Вырастешь — и пожалуйста.— Майор улыбнулся.— Хочешь — на север, хочешь — на юг. Не возбраняется.

— Видно будет,— вздохнул Артем.

И вот снова лежит он на верхней полке и, свесив лохматую голову, смотрит в окно. И опять удивляется, как велика и обширна наша земля.

Ехали в отдельном купе — ни шума, ни оживленных привлекающих разговоров, ни домино. И, может, поэтому Артем все думал и думал, стараясь разобраться в новых мыслях и ощущениях. Он по-новому, будто впервые, увидел заснеженные поля, тихие полустанки, строящиеся в степи города. Вот за эту простую суровую землю дрался на фронте слепой танкист...

— Дяденька, вы были на фронте? — вдруг спросил он своего провожатого.

Пожилой милиционер ответил не сразу:

— А как же... Три года на передовой.

— За что воевали солдаты?

— Как за что? — удивился милиционер.— За нашу страну.

— Знаю,— сказал Артем.— Любовь к родине. Называется патриотизм. Верно?

Милиционер кивнул, думая о чем-то своем, давнем и, видимо, не очень веселом.

До места добрались к полуночи. Артем обрадовался и удивился немного, когда, выйдя из вагона, увидел знакомую ссутулившуюся фигуру. Дядя стремительно подошел к нему и, обняв, подержал за узкие плечи, будто хотел удостовериться, цел ли племянник. Потом протянул руку милиционеру:

— Спасибо. Телеграмму вашу вчера получил.

Где-то звякала четко капель. Ночной воздух, пахнущий талым снегом, был неподвижен и тепел. «Значит, взаправду весна»,— подумал Артем.

Дядя пригласил милиционера к себе ночевать.

— Не могу,— милиционер приложил ладонь к козырьку,— со следующим поездом возвращаюсь. Служба.

— Жаль. Очень жаль.— И по дядиным глазам было видно, что ему действительно очень жаль, что этот человек не может воспользоваться его гостеприимством, а должен в глухую ночь снова куда-то ехать.

За станционной оградой Артема вдруг охватило странное чувство. Все казалось непривычным и новым, будто он не был здесь целую вечность. И поселок выглядел ночью уютным и чистым.

— Голову ты с меня снял, вот что,— сказал дядя беззлобно.

Артем залепетал что-то в свое оправдание.

— Не нужно! — Дядя крепче сжал его руку.— Не будем больше об этом, Артемка.

Дома, когда, поужинав, Артем лег спать, ощущение покоя и счастья переполняло его. Как это действительно хорошо: мягкая постель, чистая простыня, тикание часов в тишине и то, что за окном, на дворе, совершается в эту ночь нечто великое, удивительное — тают снега, звенит веселая капель, с треском расходится лед на реке! Идет по земле весна... Засыпая, Артем подумал: как хорошо, что не взял он тогда часы, не опозорил своего честного имени...

Весна действительно пришла в ту ночь. Огонек сразу почувствовал это, как только утром вышел на улицу. Густой и теплый туман стоял над землей, и слышались всюду какие-то новые, бодрые звуки: бродили под снегом талые воды; липы с гулкими шлепками стряхивали с ветвей отяжелевший снежный покров; галдели растревоженные теплом воробьи. За ночь так развезло, что с трудом можно было перейти улицу. И уже кое-где выбивались на волю говорливые, стремительные ручьи.

Артем скинул рукавицы, распахнул ворот пальто и шел, наслаждаясь ласковой теплотой, будто льющейся с самого неба.

Завидев кирпичное здание школы, Артем смутился. Не осмеют ли ребята за неудачное путешествие? Мишка не даст житья... А если не пойти в школу сегодня? Можно прогуляться до станции, а к обеду вернуться домой. Никто не узнает. И погода хорошая... Он постоял, размышляя, правильно ли поступает, и решил, что поступает разумно.

Повернув за угол, Артем пошел побыстрее и скоро почувствовал себя совершенно счастливым. Приятно бродить, зная, что целый день твой и никакие заботы не обременяют тебя. Он вдыхал влажный утренний воздух и радовался тому, что скоро стают снега, зазеленеет трава, первый весенний гром гулко прокатится, отдаваясь вдали, и зашелестит по веткам цветущих деревьев обильный весенний дождь... Возле полинявшего за зиму серенького забора заметил Артем ручеек. Холодная струйка несмело выбивалась из-под наста. Опустившись на корточки, Огонек принялся разгребать снег, чтобы помочь ручейку выбраться на свободу.

— Огоньков! — послышалось сзади.— Что ты здесь делаешь?

Артем обернулся и от неожиданности сел на снег. Лора смотрела на него ясными смеющимися глазами.

— Я? — Артем покраснел.— В школу рано... прогуливаюсь.

Он протянул девочке мокрую руку.

— Пойдем,— просто позвала Лора.

И он пошел за ней, покорный и тихий, подчиненный таинственной силе, которую Лора и не подозревала в себе. Артему хотелось сказать ей что-нибудь особенное, важное, но ничего такого он придумать не мог. Только у самой школы несмело спросил:

— Ты стала бы дружить с таким мальчишкой... как я? И чтобы никто не знал.

— Почему чтоб не знал?

Артему казалось, что если все знают о чьей-нибудь дружбе, это самое обыкновенное товарищество, что ли. Не так интересно. А вот если никто не знает, это совсем другое. На мальчишеском языке нет точного слова для обозначения этого «совсем другого». И Огонек не ответил Лоре: постеснялся, да и не успел, они вошли в школу.

В классе мальчишки обступили Артема, тормошили его, жали руки. Даже Мишка Майборода, дружески хлопая по плечу, повторил несколько раз: «Молодец, Огонек, доказал!» Артем растерялся, не понимая, в чем дело. Неужели весь класс узнал о побеге? Подлетел Юрка и, схватив за руку, потащил Артема за собой в коридор.

— Ответ пришел, чудачина! Вчера всему классу читали!

Стремительно перескакивая ступеньки, они побежали по лестнице. Юрка без стука ворвался в учительскую и скоро вышел оттуда сияющий, со сложенным пополам синим листком. Дрожащими пальцами Артем развернул бумагу. Телеграмма из Мирного! Артем не думал, что могут быть такие длинные телеграммы. В ней было сказано:

«Ваше письмо получил. Ждите подробного ответа кораблем. Вы, наверное, имели в виду государство инков. Оно существовало на территории Перу до завоевания Южной Америки колонизаторами. Об инках вам подробно расскажет учитель истории. Лунной области не существует, но дел на земле от этого нисколько не поубавилось. Учитесь — у вас впереди большие дела и трудные подвиги. Желаю успехов всему пятому классу. Теперь сомнения Миши в том, что письмо дойдет, видимо, рассеяны.

С приветом Быстров».

Значит, письмо дошло! У Огонька даже дух захватило. Шутка ли! Корабль, который доставил их письмо в Мирный, пересек Балтику, Северное море, Атлантический и Индийский океаны, спустился к самым южным широтам. Не мудрено, что так долго ждали они ответа.

— Это сколько же будет километров? — спросил Артем друга.

— Анна Ефимовна говорила, что тридцать тысяч.

Зазвенел, заливаясь, звонок. Юрка дернул за рукав Огонькова:

— Опоздаем — на урок же не пустят.

Артем послушно пошел, но на лестнице еще раз перечитал телеграмму.

12

Нелегко расставаться с заветной мечтой. Когда в классе объявили, что на первом занятии исторического кружка учитель расскажет об инках, Артему стало немножко грустно. Инки не Лунная область. Об инках написаны толстые книги, все открыто, изучено... Выходит, не суждено ему быть исследователем.

Все-таки на занятие кружка Огоньков пришел. Он сидел тихо и рисовал на обложке тетради горы, и лучистое солнце, и индейцев в головных уборах из перьев павлина.

Михаил Иванович, учитель истории, повесил карту. Как два огромных глаза, не мигая, смотрели круглые полушария, и трудно было представить, как это на бумажном полотнище умещается вся земля, с океанами, многолюдными городами, непроходимой тайгой.

— Вот здесь,— показал Михаил Иванович,— в Южной Америке, находится Перу, латиноамериканское государство. А полтысячи лет назад жили здесь инки.

«Ничего интересного,— решил Артем.— Ну, жили, потом все умерли. Если б сейчас...» И он нарисовал над головою индейца отравленную стрелу; с наконечника стрелы капала смертоносная жидкость.

Но когда Михаил Иванович рассказал, как близ древней столицы инков ученые раскопали храм, стены которого были выложены золотыми плитами, у Артема заблестели глаза. Ведь и он говорил, что в Лунной области золотые слитки валяются на дорогах, как простые булыжники. Значит, правильно говорил!

Дальше пошло интереснее. Оказывается, когда испанцы завоевали страну, последний инкский вождь Манко перешел на их сторону. Нет, Манко не был предателем! Он решил выведать военные тайны испанцев. Собрав армию, Манко осадил захваченную

врагами столицу. Он научил инков пользоваться огнестрельным оружием, заставил пленных служить в его армии оружейниками, пороховщиками.

Артем очень ясно представил, как, по-испански одетый, на отбитом у врагов горячем коне мчится Манко по искрящейся гравием высокогорной дороге, а вслед за ним движется несокрушимое войско. Инки идут в поход! И первый раз в жизни Огонек позавидовал простому учителю: вот если бы он, Артем, столько знал, если б его ребята слушали, как слушают Михаила Ивановича! Все-таки учитель — интересная должность!

Когда занятие окончилось, ребята столпились у карты. Артем отыскал крохотную страну с загадочным наименованием Перу. Страна как страна — зеленые и коричневые пятна, прорезанные синими ниточками рек. Но ведь здесь жили инки!

— А как доехать до Мирного? — Юрка повел пальцем по континентам и океанам. Путь до Мирного был велик, очень велик.

— Сдавайтесь! Я Манко! — Не зная, куда девать неуемную лихость, Мишка Майборода оттеснил Юрку от карты, хлопнул по плечу Огонькова.— Когда будем писать гидрологу?

— Напишем,— неопределенно пообещал Артем.

— Давайте сейчас.

Это была идея! Писать поручили Лоре: красивее ее почерка в классе не сыщешь.

— Начать так,— командовал Мишка.— Исторический кружок, глубоко проработав тему об инках...

— Сначала поблагодарить бы за телеграмму,— вставила Лора.

— Поблагодарить? — Мишка секунду подумал.— Можно...

Про Лунную область они не вспоминали. Кто его знает, откуда взбрела на ум Огонькову эта Лунная область. Может, придумал когда-то, а потом и сам поверил в свою странную выдумку. Лунной области не существует. Ну и что же из этого? Ведь дел на земле нисколько не поубавилось! Существуют суровая Антарктида, покоренная человеческим мужеством Арктика, необозримая пустыня Гоби, вершины Тибета... Много дел на земле! И Артем, и Юрка, и Лора, и Миша Майборода еще будут — не юнгами, нет,— будут капитанами в великих открытиях, походах и путешествиях.

Леонид АГЕЕВ

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Это нам с рассвета не спится:
распахнем окно в небеса —
птицы, птицы, певчие птицы —
развеселые голоса!
...Ловят их силком — на приманку
и, поймав, продают
на толкучке, где спозаранку
разноликий сходится люд.
...Умирают птицы в неволе,
век недолгий не долетав.
Дайте небо им, дайте поле
с предрассветным запахом трав!
Пусть поют тяжелые ветки,
провода и ржи бурелом,
распахнитесь, ворота клетки,
опустей, проржавевший дом!
...Вышли в поле мы — к солнцу лица,
долго слушаем небеса —
птицы, птицы, певчие птицы —
развеселые голоса!

ЛЕСОСПЛАВ

Был лесосплав, и по реке
лениво бревна плыли...
Разлапясь на сыром песке,
медведи воду пили.
Напившись, утирали рты
мохнатыми руками,
покачиваясь, шли в кусты
и спали в птичьем гаме...
Усталые, усталые,
как будто лес сплавляли,
как будто тяжко стало им —
плечи отмахали...
Не верьте им, дебелым!
Медведи — симулянты!
Где слыхано, чтоб делом
бывали они заняты?
Все сказки, все побасенки...
Устало пили воду?
Стащили улей с пасеки,
Нажрались меду.

Голоса Востока

Два года тому назад, в конце 1956 года, в столице Индии Дели собрались на свою первую конференцию писатели стран Азии. Впервые встретились знавшие прежде друг друга только по книгам литераторы Китая, Индии, Пакистана, Кореи, Бирмы, Вьетнама, Японии, Ирана, Непала, Цейлона. Тут были писатели и поэты разных взглядов, разных направлений. Но все они сходились в одном: если народ встал на борьбу за свое счастье и свободу, писатель должен быть в первых рядах борцов.

Слово писателя, песня поэта должны быть верными помощниками в этой борьбе — звать, вести за собой, вооружать сильных и ободрять слабых.

На конференции в Дели советская делегация предложила вторую конференцию писателей азиатских стран провести в столице Советского Узбекистана — Ташкенте. Участники конференции горячо поддержали это предложение.

Так и решили: осенью 1958 года в Ташкенте вновь соберутся писатели стран Азии. Но за эти два года большие события произошли в мире.

Могучим и бурным потоком разлилась борьба всех угнетенных народов за свою национальную независимость. Впервые за многие века на борьбу против колониального гнета поднялись народы африканского континента.

Вот почему по предложению писателей Египта и Арабского Востока было решено: созвать в октябре 1958 года в Ташкенте конференцию не только стран Азии, но и Африки.

Чтобы познакомить вас с поэзией хотя бы некоторых стран, которые будут представлены на конференции в Ташкенте, мы печатаем здесь эти стихи.

Вряд ли нужно рассказывать о странах, в которых родились эти стихотворения, о людях, которые их написали. Об этом лучше всего вам скажут сами стихи.

Но об одном из них, пожалуй, все-таки придется сказать несколько слов.

Молодой иракский поэт Абд аль-Ваххаб аль Баяти — активный участник борьбы иракского народа за свою национальную независимость. В 1948 году он участвовал в восстании против англичан и, после того как восстание было подавлено, жил в Сирии.

Стихотворение его, которое вы прочтете в нашем журнале, посвящено борцу за свободу Франции, видному деятелю Французской коммунистической партии Габриэлю Пери, расстрелянному немецкими фашистами в годы оккупации.

Все стихи печатаются в переводе **А. Янова.**

Маленькое и большое

Наджми АФАНДИ

«В зерне чуть заметном
огромные скрыты деревья,
если сеять разумно его»,—
говорится в пословице древней.
В крошечном темном зрачке
помещаются горные кряжи,
поля необъятные, нивы на тысячи
сажен.

Из маленьких речек
рождается ширь океана,
из высохшей лужи —
промозглое тело тумана.
И узкие строчки
слагаются в мудрые книги,
из букв рождается слово,
исполнено смыслом великим.
И в маленьком сердце
могучие чувства таятся...
И маленьким детям
великие подвиги снятся.
Пусть мал ты, мой сын,
если правилен путь твой и светел,
ты будешь большим человеком на
свете!

Индия.

Уличные торговцы

Октай **РИФАТ**

Эй, вы,
весь день надрывающие горло на улицах!
Ты, продавец газет,
маленький умница,
ты сидишь на углу
и играешь монеткой с приятелем.
Ты правильно делаешь:
такие больше подходят тебе занятия.
Ты, мороженщик,
переходящий с места на место,
попробуй
верни себе беззаботное детство!
Вы, торговцы, соловьи моего сада,
корзины на ваших плечах, как горки,
в них дыни, как солнце,
видны из-за туч винограда...
Кто лучше вас знает,
как сласти восточные горьки!

Пусть ваши корзины
станут перышка легче,
снимайте их живо, расправьте сутулые
плечи!

Я куплю у вас персики, груши, гранаты
и прохладный, со льда, мандариновый сок,
я куплю у вас все...
Но тогда,
когда буду богатым,
а пока
пожелайте мне счастья, торговцы,
и продайте мне
лука пучок.

Турция.

Почтовые марки

Мелих Джевлет АНДАЙ

Отца в доме нет.
Есть портрет на стене.
Вместо горки подушек —
лишь тени в пустующих нишах.
Никого не боясь,
озабоченно возятся мыши.
Отца в доме нет.
Есть портрет на стене...
Есть почтовые марки
с надписью: «Детям погибших».

Турция.

Астролог

Байрам АТ-ТУНИСИ

Он судьбы предсказывает по звездам,
бродячий астролог, нищий.
Он говорит нам, что рано иль поздно
найдем мы то, что ищем,
он предсказывает нам хорошее,
только хорошее, ему не жалко...
А сам он
в чужом халате поношенном,
худ и черен, как галка.
Его самого обманули звезды.
Ах, кто их поймет, эти звезды!
Но если бы он
вот тому чужестранцу в аллее,
тому, что пухнет от золота,
как сдобное тесто,
предсказал паралич, малярию
и тысячу всяких бедствий,
чтобы тот испугался
и дорогу забыл к нашей двери...
Вот тогда бы астрологу я поверил.

Египет.

Габриэлю Пери

Абд аль-ВАХХАБ аль БАЯТИ

Я помню живое лицо твое у стены
в рамке черной кладбищенской
тишины,
и залп, как пощечину по лицу,
и эхо, раскатистое, как в лесу...
Стоя лицом, как солдат,
принял ты смерть.
Если на свете есть бог,
пусть он мне даст
так умереть!
Ты слышишь, за гробом шагают
друзья, Габриэль,
ты слышишь, как ожил,
как гневно бурлит твой Марсель,
как плачут вокзалы
и камни с тобой говорят,
камни прошлых и будущих
баррикад,
ты слышишь, они поднимаются,
брат!
А сердце Марселя гудит, как набат...
Когда мне от пули убийц
суждено будет пасть,
я хочу, чтобы мертвым
имел я такую же
власть!

Ирак.

Азбука

Камаль АММАРА

Отец мой не знал даже азбуки,
подписываться не умел,
и весь его скарб
уместился б, наверно, за пазухой.
Он верил мулле,
он всю жизнь копался в земле...
Он однажды сказал мне:
— Вот мулла говорит, что аллах
сотворил нашу землю,
и порядки на ней,
и людей,
все как есть, даже душу и тело.
Если так,
то неважным мастером был аллах
и лучше б не брался за это дело...
Сколько книг я с тех пор прочитал,
сколько сам написал!
Сколько зорь я встречал в чужеземных
краях,
сколько будней и праздников...
Да, я вижу: неважным мастером был
аллах...
А отец мой не знал даже азбуки.

Египет.

НАХОДКА

Рассказ Иосифа ДИКА.

Рисунки Ф. Лемкуля.

Витя шел по бульвару удивительными зигзагами... Не обращая внимания на прохожих, он устраивал... взрывы. Подойдет к одной куче листьев и по ней ногой — трах! Подойдет к другой и снова — трах! А листья, как из пушки,— вверх! И долго летают в воздухе!

Витя — белобрысый мальчик с бледненьким лицом и синими большими глазами. На нем кепка козырьком на затылок, через

плечо на веревочке висит портфель, от которого пахнет скипидаром.

Для того, чтобы портфель выглядел новым, Витя чистит его ваксой.

Мальчику хочется есть. Сегодня мама дала ему на завтрак рубль, но Витя потратил деньги не по назначению. Он купил себе бумажные пистоны и забавлялся ими во время школьных перемен. Пистоны оглушительно стреляли, когда по ним били каблуком, и все ребята завидовали Вите.

Но вот Витя погнал по бульвару какой-то упругий газетный комок, который выскочил из кучи. Витя бил по нему и с разбегу, и с места, и «через ножку». Наконец, подогнав комок к выходу с бульвара — здесь уже проходила трамвайная линия,— Витя положил его на блестящий, будто отникелированный рельс и топнул по нему ногой.

Вдруг перевязанный веревочкой комок развернулся, и Витя увидел под ногами... деньги. Это были двадцатипятирублевки, лежавшие на рельсах, словно синий веер.

— Клад! — прошептал Витя и, моментально схватив деньги, прижал их к груди и что есть силы понесся домой. Ему все время казалось, что за ним кто-то бежит.

«Фу, черт! Даже не верится! — подумал Витя, взлетев к себе на третий этаж.— Вот бывает же: шел, шел и нашел».

Он быстренько сосчитал двадцатипятирублевки. Их было ровно двенадцать, новеньких, хрустящих.

«Обалдеть можно! Триста рублей!»

У Вити вдруг отчаянно заколотилось сердце и что-то сжалось в животе. Ему было и радостно и страшно. Нет, этого никогда не может быть, чтобы на улице просто так деньги лежали. Их, наверное, кто-нибудь специально положил, проверить людскую честность. Но все-таки кто же будет бросать специально такие деньги на землю? Видно, они кем-то потеряны! И, значит, их можно тратить!

Дома Витя незаметно от мамы спрятал в темный чуланчик деньги. Там лежали старые галоши, газеты, утюги, бутылочки из-под лекарств, и туда редко кто заглядывал.

За столом он сидел молча, уткнувшись в тарелку. Запах картофельного супа приятно щекотал ноздри, но зачем наедаться супом, когда можно пойти в магазин и взять двадцать пирожных, даже тридцать?! А что если правда купить тридцать пирожных, угостить маму, всех соседей и самому наесться на целый год?

А еще можно накрыть во дворе стол и поставить на него всяких яблок и печений, а потом позвать всех ребят. «Что за праздник у вас?» — будут спрашивать прохожие, а ребята хором ответят: «Это Витя Сверчков угощает! Он добрый». Но, конечно, все это глупости. Яблоки и пирожные съешь, а назавтра все равно опять их захочется. Надо что-нибудь из вещей купить, чтобы надолго хватило. Но что? Ботинки? Шапку? Пальто?

Витя почувствовал, что голова у него пошла кругом. Ему так спокойно жилось, а теперь прямо места себе не найдешь. Маме деньги показать — начнет спрашивать, откуда взял, и еще, чего доброго, отнимет. Надо, скажет, найти хозяина... А где его найдешь?! А ребятам показать — позавидуют или скажут: «Давай тратить на всех»... А жалко их без толку тратить...

После обеда Витя решил пойти на улицу, чтобы прикинуть, на что можно потратить деньги с толком. Шагать по проспекту с деньгами было очень приятно. Первым делом он выпил стакан газированной воды за сорок копеек и разменял первую бумажку. Потом он зашел в рыбный магазин и съел пирожок с вязигой и бутерброд с красной икрой. Вязига от обыкновенного риса отличалась лишь тем, что пахла рыбой. И Витя понял, что потратил шестьдесят копеек без толку. А может быть, и с толком, потому что в следующий раз он никогда не купит такого пирожка.

Есть больше не хотелось, и тогда Витя поехал в мебельный магазин. То, что он задумал, было просто невероятно. Он решил купить шкафчик, погрузить его на такси и привезти домой. Мама ахнет: «Откуда это?». Но возвратить истраченные Витей деньги она уже не сможет: «Купленный товар обратно не принимается».

Но в мебельном магазине была толкучка: привезли алюминиевые кровати-раскладушки,— и Вите расхотелось покупать шкаф. Он решил ехать в зоопарк.

В центре парка на маленьких ослах и пони по кругу катались маленькие ребятишки. Витя сначала прокатился на осле, потом на пони, а в другом месте зоопарка залез на верблюда. По бокам верблюда висели две корзиночки, и справа от Вити вдруг очутилась какая-то девочка. У нее были длинный нос и светлые волосы, а на макушке висел голубой бант, который развязался. К Витиному верблюду за хвост был привязан другой верблюд, и когда караван под предводительством старика с кожаной сумкой и билетиками, как у кондуктора, тронулся, девочка схватила Витю за руку. Витя хотел отдернуть руку и сказать: «Чего хватаешь-

ся?» — но, увидев, что девочка побледнела, успокоил ее:

— Это еще ничего, а других вот тошнит.

Караван медленно двигался по аллеям. Справа и слева в высоких клетках рычали тигры, выли шакалы и летали попугаи. А в огромном котловане с каменным барьером по серым скалам ходил белый медведь.

Свою спутницу по каравану Витя потерял в толпе в ту же минуту, когда девочка вылезла из корзинки на деревянный помост. Потом он ее увидел с мамой около газетного киоска. Но подойти к ней не решился. И стало Вите почему-то грустно. Нет, надо было бы взять с собой кого-нибудь из знакомых мальчишек.

Побродив еще немного по аллеям и съев три эскимо, Витя отправился домой.

И хотя мама всегда говорит, что деньги летят очень быстро, при подсчете оказалось, что за целый день было истрачено всего-навсего семь рублей.

В чуланчике Витя начал заворачивать в чистую газету свое богатство и вдруг обнаружил в старом бумажном комке записку. Как он раньше не обратил на нее внимания?

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с днем рождения. Целую. Сережа».

Витя вздохнул. Вот не было печали — хозяин нашелся! Шел, наверное, к маме и потерял. Но нет ли адреса еще на бумажке? Нет! И значит, у этих денег все же Витя хозяин! А почему теперь Витя хозяин?

Витя вдруг представил себе незнакомую «мамочку». Она почему-то походила на Пелагею Павловну, жившую под Витиной квартирой. Маленькая, морщинистая старушка в черном платке. У нее был только один зуб, впереди. Витина мама в праздники всегда угощает Пелагею Павловну пирогами. Старушка тоже имела где-то взрослого сына, но в каком городе он жил, Витя не знал.

Вечером, когда Витя лег спать, в животе у него что-то урчало. Наверное, переел мороженого. Вите захотелось сразу уснуть, и он стал считать слонов... Раз слон... два слона. Но вдруг Вите показалось, что вместо слонов он считает свои деньги. Да, да, у него в руках деньги, как синий веер. И даже больше,— он стоит в магазине и покупает велосипед и два пирожка. А затем к нему подходит верблюд и по-человечьи говорит: «Ага, попался! Теперь я скажу старушке!» И Пелагея Павловна хочет укусить Витю своим единственным зубом.

Витя проснулся в шесть часов утра. «Что же делать?! — думал он.— Ну, хорошо, положим, я деньги как-нибудь верну хозяину. Но ведь это благородный поступок! А кто о нем узнает? Может быть, сходить с этими деньгами в «Пионерскую правду»? Главный редактор, конечно, сразу распорядится, чтобы Витю сфотографировали и написали о нем такую заметку: «Вчера ученик 4-го класса «Б» Витя Сверчков нашел крупную сумму. Не истратив ни копейки, Витя решил вернуть деньги пострадавшему. Пионер просит пострадавшего зайти по адресу: 4-й Колобовский, дом № 27, квартира № 8. С часу дня до шести вечера. На снимке: Витя Сверчков с деньгами».

Но этот план Витя отклонил сразу. Ну, положим, что редактор напечатает такую заметку. Ее все прочтут, и тогда любой человек сможет прибежать в редакцию и сказать: «Отдайте! Это я потерял!»

А как его проверишь?! Но, конечно, для

этой проверки можно будет отвести специальный кабинет, и Витя будет сидеть за большим столом. Теперь пускай кто хочет идет. А он каждого будет спрашивать: «А как вас зовут?» Вот тут-то он их и поймает! Но нет, наверно, никто не придет за чужими деньгами.

В общем, после долгих размышлений Витя решил, что, как бы он ни хотел вернуть хозяину деньги, вернуть он их едва ли сможет. Не найдешь человека. И, следовательно, эти триста рублей он может тратить с легкой душой!

С этого дня у Вити началась веселая неделя. Он почти каждый день ходил в кино. Покупал себе шоколадные конфеты, пирожные, приобрел в спортивном магазине ручной силомер, купил на подставке рыбий скелет, в магазине ДОСААФа увидев старый, ржавый телеграфный аппарат, тоже его купил. Зачем ему были нужны силомер, рыбий скелет, телеграфный аппарат, он и сам не знал, но все-таки обладать такими вещами было очень приятно. Витя спрятал их в чуланчике и иногда сжимал в кулаке силомер и рассматривал устройство рыбьей головы. А телеграфный аппарат он разобрал и превратил в кучу интересных деталей.

На последний рубль Витя купил себе «уди-уди» — смешную пищалку с резиновым чертиком на конце.

Деньги пролетели быстро, незаметно, и теперь без них Вите было как-то легче. Не надо ходить по магазинам, не надо бояться, что про деньги узнает мама.

А в субботу папа принес с завода получку — пятьсот рублей за полмесяца. Они взяли с мамой в руки карандаши и стали распределять деньги на питание, на оплату квартиры, телефона, газа, на трамвайные расходы, на папиросы папе, на парикмахерскую.

Папа был серьезен. Он сокращал то «папиросную» статью, то «киношную».

— М-да! — говорил он.— Тут надо бы выкроить что-нибудь Витюшке или на ботинки, или на зимнюю шапку. А то замерзнет скоро паренек.

— Ну, давай выкраивать,— отвечала мама, и они снова писали на бумажке цифры.

Перед ужином папа торжественно сообщил, что зимняя шапка уже «выкроена» и надо завтра же пойти за ней в магазин. А иначе деньги можно распустить по мелочам, и тогда будущий помощник — Витя — простудится, останется «без головы».

— А пальто, брат, мы тебе еще через месяц соорудим. Вот я на сверхурочную работу останусь,— улыбнулся папа.

— Ладно, я подожду,— сказал Витя и подумал, что если бы он не истратил те триста рублей, то пальто можно было бы купить хоть сегодня. Но постойте, на каком основании он мог на эти деньги покупать пальто? Он что, заработал их? Нет! Это были чужие деньги! И может быть, незнакомый Сережа вот так же, как и папа, сидел и «выкраивал» на обеды, на одежду для своей матери. А Витька взял и «махнул» их в два счета! Не понес в милицию, не настаивал на розысках хозяина, а потихоньку, как жадный человек, проел их, протратил. Ведь, честное слово, можно было в милицию отнести! И может быть, нашелся бы этот самый Сережа. Вот бы обрадовался! Полмесяца не зря работал!..

У отца было усталое лицо. В тонких упругих пальцах с въевшейся в них металлической пылью карандаш еле заметно дрожал. У отца всегда пальцы чуть-чуть дрожали, когда он приходил с работы,— это Витя заметил давно. Но сегодня ему особенно больно было это видеть. Ему почему-то казалось, что и у неизвестного для него Сережи были такие руки.

ПОДВИГ ЮНГИ

В. ТИХОМИРОВ

Поселок Гранитный!

Нет, не ищите его на картах и в справочниках. Совсем недавно появился он в далеком Заполярье. Имя ему дали под стать обличью суровой здешней природы. День и ночь здесь бьются о прибрежный гранит крутые белогривые волны Баренцева моря. Я вслушиваюсь в их грозный грохот и снова вспоминаю полярную весну сорок четвертого года...

В то время я, военный корреспондент, был послан газетой в этот район. Здесь шли жестокие бои с фашистами.

Я приехал на базу торпедных катеров как раз, когда они возвращались из боевого похода. Они выполнили трудное задание. И сразу после боя, прямо на пирсе, командир соединения вручал награды. Медаль Ушакова получил совсем молодой моряк, юнга отделения мотористов Саша Ковалев.

Я уже слышал о его храбрости, о его необычайном хладнокровии. Мне рассказывали, за что он получил орден Красной Звезды. На катере, где служил Саша, осколком вражеского снаряда был во время атаки тяжело ранен сигнальщик. Сигнальщика вызвался заменить Саша. И вот он на мостике, чтобы следить и докладывать командиру, где ложатся вражеские снаряды.

Артогонь усиливался, а катер летел вперед, прямо на фашистский транспорт, который надо было потопить.

— Аппараты! — отдал приказание командир катера старший лейтенант Кисов.

Залп. Торпеды выпущены. Два взрыва... Катер стремительно разворачивался для отхода. Но вражеские батареи отрезали ему путь ураганным огнем. Снаряды рвались вокруг катера. Стоять на верхней палубе под огнем Саше было и непривычно и страшновато. При каждом разрыве голова как-то сама собой вжималась в плечи.

Но командиру необходимо знать, как ложатся вражеские снаряды, чтобы быстрым и точным маневрированием вывести катер из-под огня. И Саша, забывая страх, нес свою службу.

Взлетая с волны на волну, жестоко сотрясаясь при каждом ударе, шел катер. Он оторвался от противника, он уже подходил к базе.

— Спасибо, Ковалев! Настоящим моряком будешь! — сказал юнге командир после боя.

* * *

Самым торжественным днем детства, запомнившимся Саше навсегда, был день, когда его приняли в пионеры. Когда он вернулся с этого сбора домой, его пришел поздравить Тихон Сергеевич Терехин — старый большевик, участник штурма Зимнего дворца, давнишний друг их семьи.

— Помни, Саша, тебе вручена частица революционного знамени. — Тихон Сергеевич осторожно поднял за уголки галстук.— Носи его с честью.

Детство оборвалось внезапно и страшно.

Воскресным утром 22 июня 1941 года Саша купался в Финском заливе... А вечером он вместе с ребятами грузил вещи своего пионерского лагеря. Лагерь эвакуировали, уже был слышен гром артиллерийской стрельбы.

Война!

Саша пошел работать в судоремонтные мастерские. А когда узнал, что в школе юнг объявили набор, поступил туда.

Свой пионерский галстук Саша взял с собой. А когда его приняли в комсомол, он достал красный галстук, бережно завернул в него новенький комсомольский билет и спрятал под тельняшкой, у самого сердца...

Вот и все, что успел рассказать мне Саша в тесном кубрике торпедного катера. Громкая трель сигнала боевой тревоги прервала наш разговор. Саша снова уходил на боевое задание...

Я уехал с базы, думая обязательно еще раз повидаться с этим славным парнем. Но повидаться не пришлось...

* * *

В ночь на 9 мая 1944 года торпедные катера были в боевом поиске: охотились за вражескими судами.

— Прямо по курсу два корабля противника,— доложили старшему лейтенанту Кисову.

Это были быстроходные сторожевые корабли фашистов. И тотчас наши торпедные катера пошли в атаку.

Наглухо задраены люки моторных отсеков. Яростно ревут дизеля... На катере Кисова у моторов держит вахту юнга Ковалев.

Рука привычно лежит на регуляторе. Глаза, не отрываясь, следят за показаниями приборов. Вот резко прыгнула стрелка машинного телеграфа. Эта стрелка передает мотористу приказы командира.

А расстояние до вражеских кораблей с каждой секундой стремительно сокращается... Прорвавшись сквозь огонь «сторожевиков», катера с двух сторон атакуют их. Выпущены торпеды. Взрыв! Один из сторожевиков подорван. Резко накренившись, катер Кисова отворачивает влево и, оставляя за собой густой шлейф дымовой завесы, ложится на курс отхода.

Даже не видя, что делается наверху, Саша, закупоренный в своем отсеке, отчетливо понимает маневры корабля... И все же очень хочется выглянуть хоть на мгновение, посмотреть, как товарищи. Что там у них наверху?

Вдруг резкий, тяжелый удар встряхнул катер. Его атаковали фашистские самолеты. Они заходят с разных сторон, бросая бомбы.

Героически сражается команда катера.

На корме комсомолец Валентин Жуков. Осколки дерева и металла, поднятые взрывом, ударили его в лицо, но Жуков не оставил поста. Огонь охватил сложенные на корме дымовые шашки. Клубы едкого дыма высоко поднялись над палубой. Дышать стало трудно. Напрягая последние силы, Жуков сбросил горящие шашки в море.

Пулеметчик-комсомолец Владимир Кузьменков неотступно следит за небом. Снова заходят на бомбежку самолеты! Кузьменков быстро разворачивает навстречу пулеметные стволы. Нажимает на спуск. Вот задымился бомбардировщик... Клюнул носом и рухнул в море. Один есть!

Но с другого борта на маленький отважный корабль пикирует второй самолет. Бомбы сыплются в воду, ложатся вокруг катера.

Одна разорвалась совсем рядом. Катер подбросило. Загорелись ящики с боеприпасами, угрожая взрывом. Секунды решали судьбу катера, и боцман Павел Простов, комсомолец, бросился в огонь.

— За борт их!..— кричал он, хватая ящики, по которым, обжигая ему руки, бегали язычки пламени.

...Всего этого Саша видеть, конечно, не мог. Но он и не видя знал, что идет тяжелый бой. Стрелка машинного телеграфа прыгала по шкале, один за другим передавая Саше приказы командира: «Полный вперед», «Стоп», «Полный назад», «Малый вперед». Катер маневрировал, все время менял ход, ускользая от бомб и снарядов.

Мотор дышал жаром. Стрелка указателя оборотов напряженно дрожала на красной черте предельного давления.

И вдруг снова взрыв. На этот раз осколки попали в моторный отсек. На какое-то мгновение Саша потерял сознание, но тотчас пришел в себя, быстро вскочил на ноги и огляделся вокруг. Из пробоины в трубе коллектора била струя горячего пара, смешанного с маслом и бензином.

Саша бросился к коллектору, но тут же отскочил, встреченный обжигающим ударом струи.

Неподалеку лежал раненый старшина. Он медленно приходил в себя. Юнга наклонился к товарищу.

— Мотор! Мотор!..— пробормотал старшина.

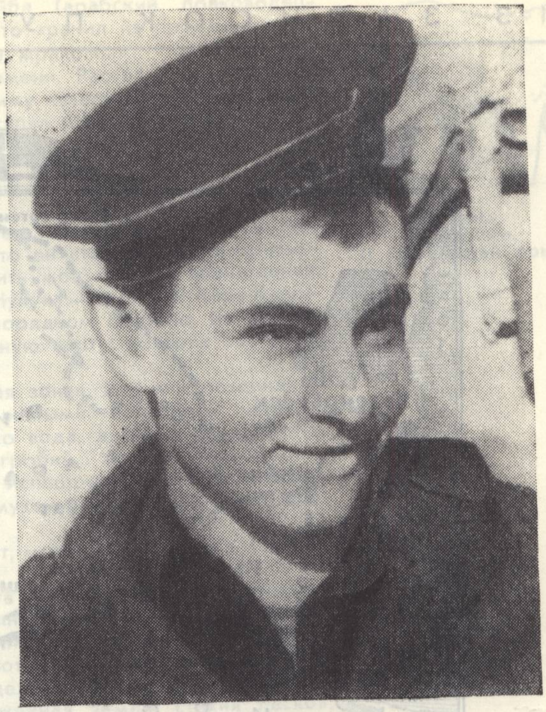
Саша вернулся к мотору. Горячая струя все с такой же силой хлестала из пробоины. Мотор резко снижал обороты. Вот-вот совсем остановится.

А машинный телеграф приказывал: «Самый полный вперед».

Что делать? Саша ясно понимал: если мотор остановится, кораблю смерть...

Тогда, кинувшись вперед, Саша накрыл пробоину ватником и, навалившись грудью, прижал его к коллектору.

Пар и горячее масло быстро пробились сквозь ватник. Ударила нестерпимая боль ожога, но Саша только крепче прижимался к коллектору... Старшина, превозмогая боль от ранений, подавал сигналы наверх. В моторный отдел спешили подвахтенные. Юра Мыловский подоспел первым.

Юнга Саша Ковалев.

— Пробоина,— тихо сказал ему Саша.

Подвахтенные быстро заделали брешь...

...Сашу вынесли на верхнюю палубу. Здесь он ненадолго пришел в себя. Над ним склонился командир.

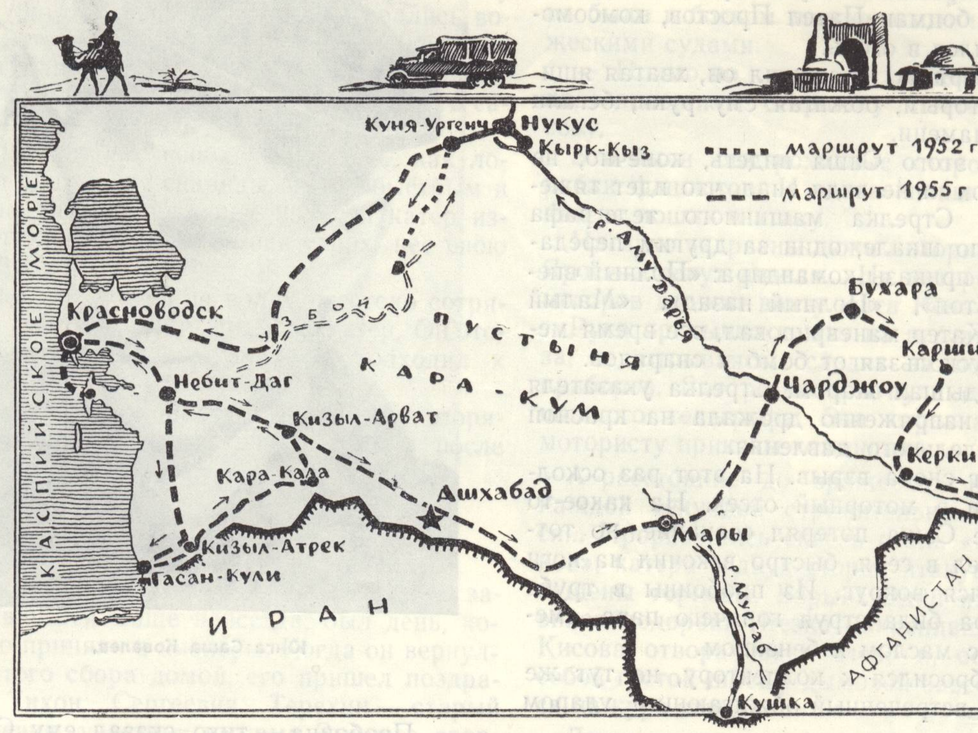
— Жив корабль? — спросил Саша.

— Жив! Это ты спас его,— ответил Кисов...

А бой продолжался... Катер вырывался из кольца врагов, стремительно маневрируя. Он вырвался... Сошедшие на берег моряки знали, что не вернуться бы им, не шагать бы по земле, если бы Саша не отдал свою жизнь в этом бою.

* * *

В поселок Гранитный дорога одна — морем. На крутом скалистом берегу виден памятник. На нем портрет юнги, почти мальчика, и короткая надпись: «Юнга Саша Ковалев погиб в море при выполнении боевой задачи 9 мая 1944 года».

ТАЙНА ПУСТЫНИ

И. САВИЦКИЙ

Рисунки автора.

Счастливый день

«Неужели это правда?» — с такой мыслью я засыпаю и просыпаюсь. А проснувшись, с радостью убеждаюсь, что это не привиделось мне во сне: я в самом деле художник Хорезмской экспедиции Института этнографии Академии наук, руководимой известным ученым Сергеем Павловичем Толстовым, в самом деле еду на днях в глубины Средней Азии, чтобы вместе с энтузиастами-археологами разгадывать тайны пустынь...

Даже удивительно, как осуществились мои самые заветные мечты. Во-первых, Средняя Азия... Я влюбился в нее с тех пор, как два года провел в Самарканде — городе, где на каждом шагу встречаешься со сказкой из «Тысячи и одной ночи». Влюбился в архитектуру, в яркие одежды жителей, в густо-синее небо, в вечный праздник лета, солнца...

Под среднеазиатским солнцем все предметы принимают особую окраску, там они как-то особенно отражают свет друг на друга. Мы, художники, называем это богатством «рефлексов»... Даже тени там какие-то светящиеся. Писать такую природу — наслаждение, пытаться передать ее колорит, освещение, насыщенный солнцем воздух необычно интересно: ведь тут каждый раз приходится решать все новые и новые живописные задачи.

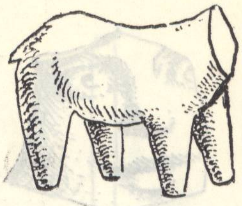
Словом, передо мной, как художником, открываются заманчивые перспективы. Но мало того: моя работа будет связана с археологией, которую я еще подростком полюбил почти так же, как живопись. Как увлекательные романы, читал я книги С. Толстова «Древний Хорезм», «По следам древнехорезмийской цивилизации»...

И вот теперь я сам буду работать под руководством этого ученого, сам, своими глазами увижу развалины древнего Хорезма, некогда могучего государства, которое много раз безжалостно разрушалось завоевателями...

Вспоминаются строки великого хорезмийского ученого ал-Бируни, их приводит Толстов в своей книге:

«...И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба (арабский полководец-завоеватель) всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их преданья, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком...»

Этот «мрак» царил в науке еще до недавнего времени. Рассеять его помогла и помогает «толстовская» экспедиция, и теперь я тоже приму известное участие в этом благородном, увлекательном деле... Скорее бы уже наступал день отъезда!

Фигурка животного. II век нашей эры.

Первое знакомство

Мы выехали из Москвы 14 июля 1950 года... С тех пор прошло восемь лет; за эти восемь лет я так часто повторял этот маршрут, что он стал для меня привычным, как дорога домой. Сейчас мне хочется восстановить мои первые впечатления.

До Чарджоу мы доехали поездом, а дальше, до Нукуса — столицы Кара-Калпакии,— летели. Впервые в жизни я сел в самолет. Нас порядком болтало, но все же я с жадным любопытством всматривался вниз, в рельефную карту, которая постепенно развертывалась за крылом самолета.

Серовато-желтая и зеленоватая земля — «культурная зона», как мне пояснили,— была разрезана на аккуратные прямоугольники коричневыми полосками арыков. Виднелись спичечные коробочки домов, над ними, точно вода, дрожали прозрачные струи воздуха. Показалось кладбище с ячейками надгробий... И вот под нами — сплошное желтое, такое скучное на вид пространство, испещренное еле заметными серовато-черными точками кустов, точно засиженный мухами, пожелтевший от времени лист древнего пергамента.

— Пустыня,— сказал один из моих попутчиков.— Вот, можете любоваться, так сказать, с птичьего полета...

Но, сказать по правде, у меня пропала всякая охота любоваться этим безрадостным зрелищем. Впервые за наше путешествие я внезапно полностью отдал себе отчет, что часть Средней Азии, куда я попаду, ничем не похожа на ту цветущую, благословенную, изобильную страну, на тот «сад роз», который до сих пор был мне знаком... Конечно, я знал, что еду в пустыню, но одно дело понимать умом, другое — увидеть глазами... Так вот она, пустыня — сухая, выжженная земля, стихия песков, стихия смерти... Разве можно полюбить это безжизненное, убийственно-однообразное пространство, разве отыщешь в нем какую-то красоту?.. А ведь без этого нельзя писать... Сердце у меня тоскливо сжалось.

Однако мне не пришлось долго раздумывать. Самолет основательно тряхнуло, и мы пошли на снижение... Приближался Нукус.

Русло Узбоя возле караван-сарая Талайхан-ата.

Вот она — пустыня!

Теперь, когда я знаю нынешний Нукус, город с новыми домами, с гладким шоссе, идущим от аэродрома, мне нелегко восстановить в памяти Нукус тех дней: еще незастроенные пыльные пустыри, которыми мы шли тогда.

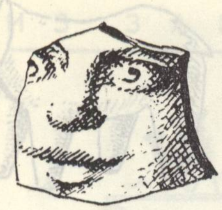
...В Нукусе нас ожидали машины — грузовики, крытые фанерой и брезентом. Мы двинулись дальше, навстречу пустыне.

Мы ехали по местам, виденным нами с самолета, но здесь, на земле, все это приобретало уже иной характер. Дорога шла вдоль Аму-Дарьи; прибрежные леса — «тугаи» — несказанно оживляли пейзаж, и я не мог отвести глаз от их ярко-зеленой, свежей зелени... Вдруг машина остановилась.

— А ну, выходи! — сказал шофер.— Шалманить будем!

Оказалось, пески в этом месте перехлестнули дорогу, машина могла забуксовать. Пришлось «шалманить» — подкладывать под колеса ветки колючих кустарников. Мы изо всех сил помогали шоферу; было около сорока градусов в тени, и пот лил с нас градом...

Но все же трудно было не залюбоваться удивительным контрастом, который предстал перед нами, едва мы вышли из машины... По обе стороны дороги друг против друга лежало два разных мира. Один — тот, что находился на стороне реки,— был самой жизнью. Здесь зеленели, отражаясь в воде, деревья, стоял шелест и ще-

Часть стеклянного сосуда в виде головы. VIII век нашей эры.

бет, из гущи ветвей то и дело вспархивал либо ярко-голубой сизоворонок, либо оранжево-черный удод — птичка, которая, рассердясь, забавно топорщит хохолок...

А на противоположной стороне, там, где реки не было, все казалось мертвым, как на Луне. Там вздымались безжизненные, немые склоны, поросшие колючкой, волнами громоздились пески и белели под солнцем бесплодные солончаки... Впервые во всей наглядности я уразумел простой закон: вода — это жизнь.

Из-за разлива Аму-Дарьи нам пришлось сделать крюк. Машина пошла в гору... Далеко на небе вырисовалась не то высокая скала, не то башня. Да, конечно, это башня... Я подумал о развалинах хорезмийских замков, к которым мы приближались, и с волнением спросил:

— Что это?

— Чильпык,— нехотя ответил шофер, точно самое название было ему неприятно.— В общем, «башня молчания»... Туда покойников свозили, чтобы их клевали птицы.

Я уже слышал об этом хорезмийском обычае. В древние времена трупы не предавались земле. Кости умерших складывали в особые ящики на ножках — «оссуарии», после того как дикие птицы и ветры обнажат эти кости. Мертвых поднимали на вершины скал, иногда на таких «кладбищах» воздвигались башни. С жутковатым чувством вглядывался я в очертания мрачной «башни молчания».

Запомнились мне также Каратау — «Черные горы». Мы уже видели их раньше, с самолета, и с высоты они представились мне действительно густо-черными. На земле горы оказались скорее синевато-коричневыми, а при приближении я стал различать оранжево-красные, розовые и даже белые тона. В одном месте отроги гор походили на древних ящеров. В более низких местах к бархатистым, точно покрытым тенью, склонам подступала разлившаяся река, образуя цепь блестящих озер. На светлой поверхности плавали утки, а между зарослями бродили белые цапли редкой красоты, и все вместе было так необычайно, так сказочно-прекрасно, что все мои опасения насчет однообразия здешней природы развеялись. «Пускай пески пустыни мрачны и однообразны,— подумал я,— зато как хороши оазисы!»

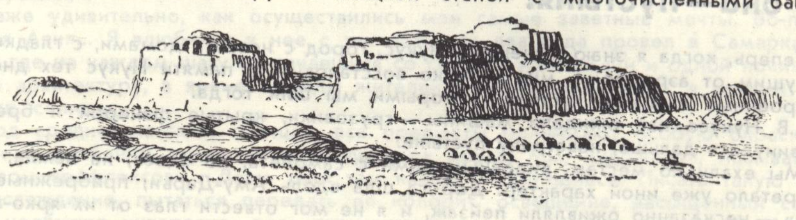
Я и не предполагал еще в то время, что вскоре сама пустыня покорит меня своим величием и поэзией. Но и тогда сердце мое забилось, едва на горизонте появились очертания гиганта, древнего дворца Топрак-кала — конечной цели нашего путешествия. Как грозный страж пустыни, высился на холме этот трехглавый колосс, такой величественный, такой могучий, что вначале он показался мне скорее высоким холмом о трех вершинах, чем развалинами сооружения, созданного руками человека.

Дворец хорезмшахов

Здесь, на раскопках древнего хорезмийского города, и работал тогда отряд экспедиции, к которому мы должны были присоединиться. У подножия холма был разбит лагерь, белели палатки археологов, большая палатка — столовая, кухня, которую позже, уже при мне, засыпало песком... Но мы, новоприбывшие, едва взглянули на место, где нам предстояло жить.

Забросив вещи в палатку, мы стали подниматься на Топрак с северной стороны. Вот наконец мы в «зале царей», о котором так много слышали. Но прежде чем говорить об этом зале, пожалуй, следует сказать хоть несколько слов обо всем Топрак-кала, хотя многие из вас, возможно, уже читали о хорезмийских раскопках.

Топрак-кала, подобно другим древним хорезмийским городам-крепостям первых веков нашей эры, окружен мощной стеной с многочисленными башнями.

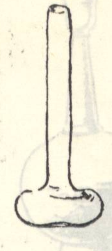
Крепость Топрак-кала, построенная в III веке нашей эры.

Город состоит из огромных домов, рассчитанных на множество семей. Но даже и эти громадные сооружения кажутся карликами по сравнению с замком правителей древнего Хорезма. Шах, по повелению которого строился замок, наверно, решил поразить всех его грандиозностью. Но, желая блеснуть своим величием и богатством, он, как видно, торопился... Во всяком случае, кирпичная кладка дворцовых стен в отличие от других более ранних сооружений сделана небрежно, крупные сырцовые кирпичи положены крайне неаккуратно. Это, конечно, сказалось на прочности: замок шахов разрушился значительно раньше, чем весь город... Но развалины его величествен-

ны, им суждено было сыграть немалую роль в науке и пролить свет на многие страницы древней истории народов Средней Азии.

«Зал царей», куда мы поспешили, был нам уже известен по рассказам товарищей. Слушая объяснения и вглядываясь в древние стены с остатками росписи, я пытался представить себе эту огромную комнату в ее былом великолепии; белые и красные лилии, написанные на синем фоне, глубокие ниши, а в нишах — монументальные сидячие фигуры: цари, окруженные членами семьи и свитой.

Найденные обломки статуй дают полное основание считать, что здесь находилось нечто вроде портретной галереи «сиявушидов» — потомков легендарного царя Сиявуша. Царь этот, как рассказывает легенда, поражал всех своей необычайной красотой. Блистая золотым шлемом, невредимо пронесся он на своем черном коне сквозь пламя... Правнуки Сиявуша, в частности тот самый шах, который в третьем веке нашей эры построил этот дворец, видимо, не желали уступать в могуществе и блеске своему славному предку.

Стеклянный флакон VIII века.

Впоследствии я близко ознакомился со всеми помещениями замка: с залом, где на стене сохранилось изображение арфистки, с «комнатой воинов», комнатой «с кругами»... На моих глазах был освобожден из-под слоев песка «зал с танцующими фигурами». С восторгом рассматривал я остатки хорезмийских фресок — стенной живописи — яркое свидетельство того, что культура древнего Хорезма была высока и своеобразна. Я зарисовывал архитектурные детали и античные предметы и постепенно так полюбил эти развалины, полные молчаливого, сказочного величия, что мне захотелось писать Топрак во всех его видах, при самом различном освещении... А для этого, думал я, надо пожить хоть несколько дней в замке совершенно одному, в тишине... Это намерение мне удалось осуществить гораздо позже, в 1956 году.

Привидения Топрака

В то время экспедиция вела раскопки на крепости Кават-кала, километрах в десяти от Топрака. Я договорился с начальством, меня заботливо снабдили продуктами и главной драгоценностью — бочкой воды, и вот друзья провожают меня на несколько дней в «замок шахов».

— Смотри, Игорь! — шутят они.— Говорят, туда время от времени жалует сам шах Сиявуш...

— И птица Ангка прилетает, та самая, чей сын угробил царя Барака...

— А еще там видели белую женщину!..

Друзья, конечно, смеются, но Бабаджан-ака, один из старейших рабочих, тот и впрямь смотрит на мою затею неодобрительно... Не то чтоб он верил в привидения, но... мало ли что может случиться с человеком в пустынных развалинах!..

— Адам-яман! — предостерегает он меня. В точном переводе «адам-яман» значит «плохой человек», но эти слова могут относиться и к «нечистой силе»...

Так или иначе, я на Топраке. С трудом мы, вдвоем с провожающим меня другом, вкатываем бочку на северную площадку...

— Не боишься? — спрашивает меня друг, уходя.

— Ничего... При мне оружие,— говорю я, показывая на лопату.— Пусть приходит даже сам его величество Сиявуш... Посмотрим, кто — кого!..

Я спускаюсь вниз и провожаю друга до машины. Мимо Топрака проходит колхозная дорога. Чабан медленно гонит по ней стадо; он видит, как я, помахав рукой вслед машине, один возвращаюсь к замку. И, видимо, догадавшись о моих намерениях, подходит ближе.

— Адам-яман! — говорит он уже знакомые мне слова и качает головой...

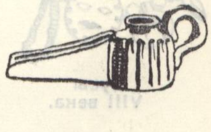
С помощью нескольких слов и жестов я пытаюсь объяснить ему, что не верю в привидения, и поднимаюсь наверх.

Итак, за дело! Прежде всего нужно спрятать воду. На Топрак иногда заглядывают любопытные с дороги, они могут выпить воду, и тогда весь мой план будет сорван.

Выкапываю яму на площадке, опускаю туда бочку и прикрываю сверху ветками саксаула. Кстати, это предохранит воду от нагревания.

Продукты я распихиваю по разным покоям шаха: если и унесут, то, по крайней мере, не все сразу... Ящики с красками оставляю на северо-западной башне. Для спальни я выбрал южную башню, самую высокую. Здесь моя постель, рядом со мной очень важный предмет — лопата, орудие защиты от всякого рода «адам-яманов».

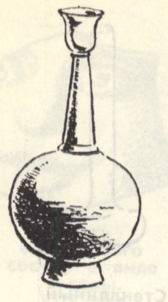
Пока я был занят приготовлениями, совсем стемнело. На небе, прекрасном, высоком, звездном небе пустыни, встала огромная среднеазиатская луна. Светло так, что можно читать. Голубоватые тени ложатся на развалины, глубже зияет чернота провалов, но все это не страшно, а чудесно... Я укладываюсь на свое ложе, и мне до того спокойно, что даже хочется вызвать у себя чувство страха, то самое, какое бывало в детстве, когда слушал страшные истории. И я возобновляю в памяти легенды, связанные с древним Хорезмом...

Светильники XII—XIV веков.

Кто может сюда ко мне явиться?.. Может быть, тот самый дэв — дух, который по приказу пророка Сулеймана уносил в изгнание провинившуюся райскую красави-

Графин
XIV века.

цу пэри. По дороге дэв влюбился в пэри, остался с ней в месте ее «ссылки», и от их детей будто бы произошли жители древнего Хорезма. «Поэтому женщины-хорезмийки прекрасны, как пэри, а мужчины злы, как дэвы»,— заключает свою эту легенду рассказчик.

А кто эта «белая женщина», которую кто-то видел в развалинах?.. Может быть, это сказочная героиня другой крепости — Гульдурсун, изменившая отцу и своему народу ради юного завоевателя и жестоко казненная тем, ради кого она пошла на измену... Что ж, мне любопытно было бы взглянуть на эту злополучную красавицу!..

И едва у меня мелькает эта мысль, как внизу раздается треск и чавканье, до того отвратительное, что оно никак не может принадлежать красавице Гульдурсун. Мне приходят на ум сказки об оборотнях и вурдалаках. Конечно, кто же в это верит, а все же мне как-то не по себе... Оставаться на башне или спуститься вниз, поглядеть?.. К чавканью прибавилось рычание... Какой-то «адам-яман» явно пожирает мои продукты! Схватив лопату, я осторожно спускаюсь вниз... И в голубоватом лунном свете я вижу, как большая собака — я узнаю ее, это собака чабана! — с аппетитом доедает мой хлеб.

Гоню собаку и возвращаюсь на свою южную башню. Хлеба, конечно, жаль, но все-таки мне весело: по крайней мере, будет что рассказать товарищам... Теперь в Топраке совсем тихо, спят в лунном свете покои шаха и развалины древнего города, где некогда кипела жизнь... Какое-то невыразимое, опьяняющее чувство охватывает меня, может быть, чувство жизни и ее красоты, особенно сильное в этом лунном царстве мертвых... И вот, точно выражая мои чувства, с дороги доносится песня. Поет женский голос. Обычный, несколько заунывный восточный напев плывет над пустыней, и впервые в жизни я вдруг ощущаю самую суть восточной музыки, ее неразрывную связь со звездным высоким небом, с песчаными просторами. В этой протяжной песне — и любовь, и печаль, и надежда...

Да, конечно, чтобы почувствовать полнее искусство какого-либо народа, надо пожить жизнью этого народа, окунуться в стихию, где это искусство зарождалось!..

...Девять дней провел я на Топраке в полном одиночестве... Я писал Топрак утром, когда он поражает красотой своих нежно-перламутровых красок, днем, когда он сер и суров, вечером — в багряных лучах заката... До сих пор я с благодарностью вспоминаю эти девять дней.

...А лопата мне все-таки пригодилась. Как-то, когда я работал в одном из узеньких коридоров замка, на меня сверху, буквально с неба, свалилось какое-то двухвостое чудовище. Приглядевшись, я понял, что это змея, которая заглатывает ящерицу. Я убил змею лопатой, а ящерица, живехонькая, выскочила из змеиной пасти и бодро юркнула в одну из щелей.

Кой-Крылган-кала. IV—II или I век до нашей эры.

Сокровища пустыни

В течение пяти лет я участвовал в раскопках на Кой-Крылган-кала — крепости, затерявшейся среди барханов. Изо дня в день я присутствовал при том, как люди извлекали из песков монеты и осколки тысячелетней давности, сам кое-что находил и все больше втягивался в это увлекательное занятие.

Как-то я рисовал на башне соседней с нами крепости Ангка-кала, название которой связано с мифической птицей Ангкой, о которой здесь уже упоминалось. Вглядываясь вдаль, я заметил очертания небольшого замка, до сих пор мне неизвестного. Воды при мне было немного, но расстояние до замка показалось мне недалеким, и я решил обследовать его поближе.

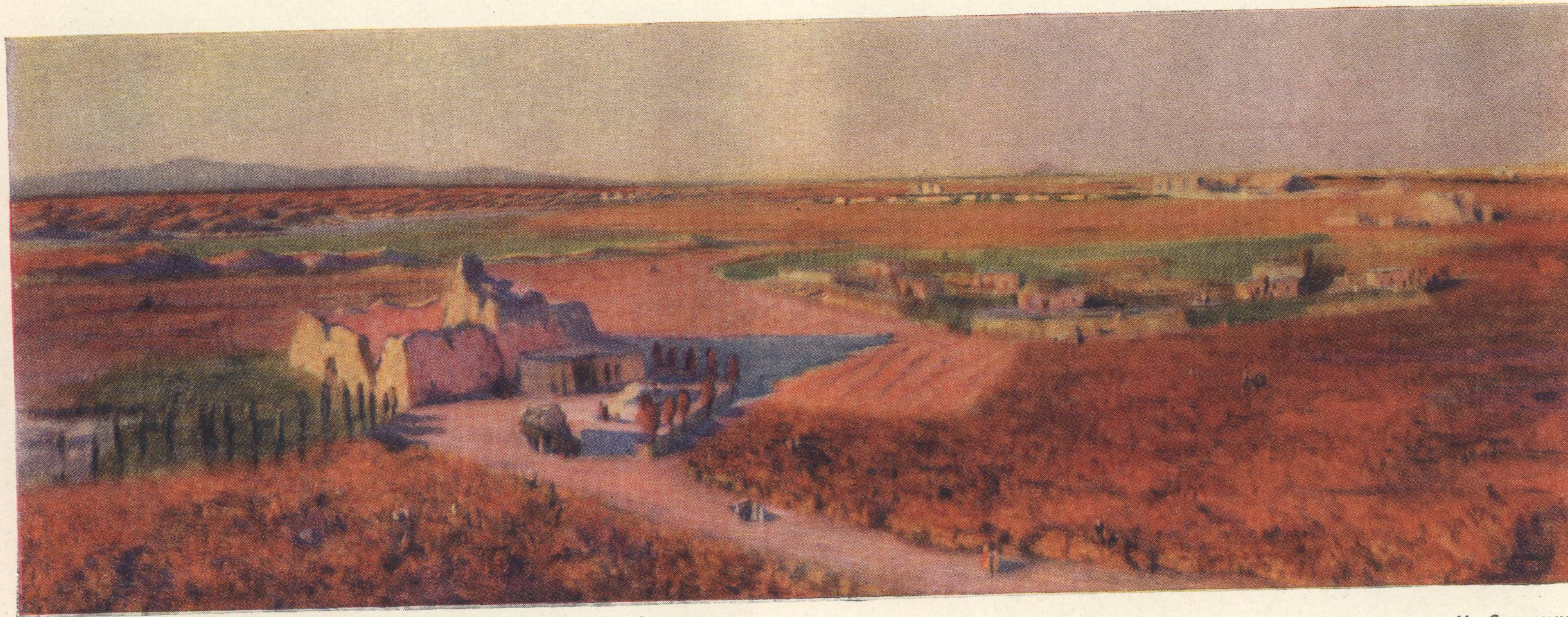

Бусы
VIII века.

Я двинулся в путь. Впервые я шел по барханам совершенно один, путь оказался не из легких. Жарко было, как в духовке, пески дышали пламенем, и уже по дороге туда я изрядно устал.

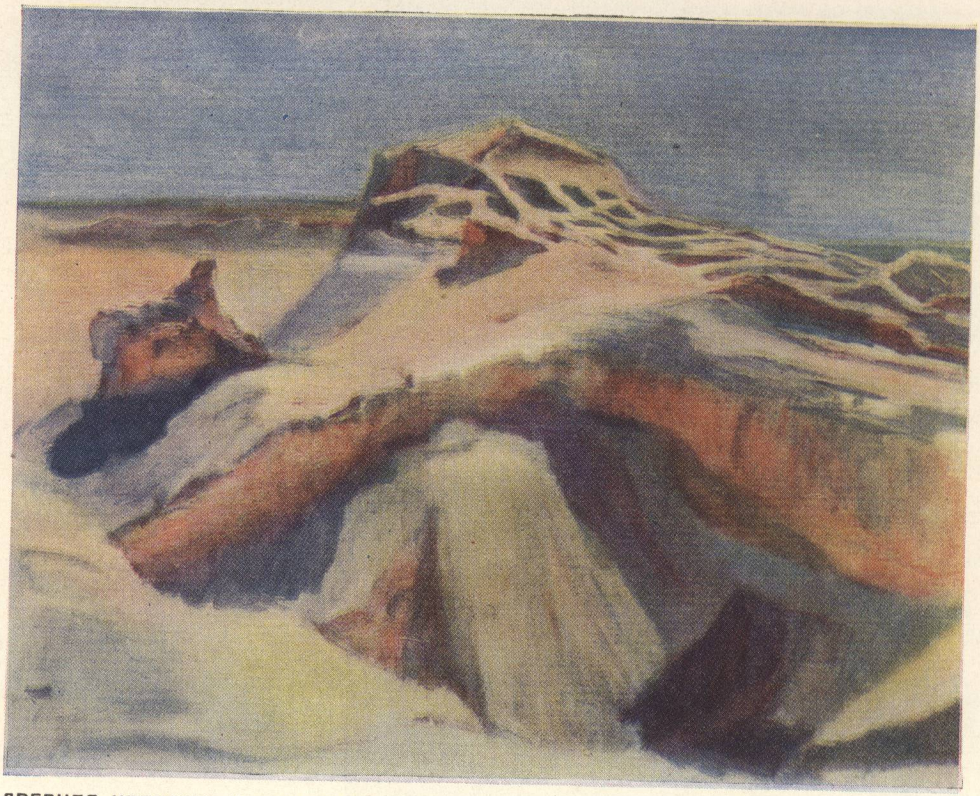

Ангка-кала. Построена в III—II веке до нашей эры.

И. Савицкий.

НА ВНОВЬ ВОЗРОЖДЕННЫХ ЗЕМЛЯХ КЫРК-КЫЗА.

ДРЕВНЯЯ КРЕПОСТЬ ТОПРАК-КАЛА. И. Савицкий.

ОСЕНЬ В ПУСТЫНЕ. И. Савицкий.

Наконец я приблизился к стенам замка, сильно засыпанным песками. Песок под стеной показался мне ярко-белым; вглядевшись, я понял, что это вовсе не песок, а мелкие, как мозаика, белые кости... Звериные, человечьи?.. Вдруг среди белой мозаики что-то блеснуло. Я наклонился. Стеклянная бусина, другая... А вот обломок бронзового украшения... Забыв о жаре, я ползал по раскаленному песку часа полтора. За это время я собрал около трехсот различных бусин и несколько бронзовых украшений, в том числе обруч с нацарапанным на нем изображением собаки или волка.

Вода у меня кончилась. До лагеря же было часа четыре ходу. Солнце пекло невыносимо. Ноги в тяжелых брезентовых сапогах — иначе обожжешься! — тонули в рыхлом песке... С великим трудом дотащился я до лагеря и свалился в тени палатки.

Там меня и увидели товарищи и, выслушав мой рассказ, нещадно изругали.

— Ты знаешь, куда тебя носило?.. Это же «крепость погибшего ягненка». Представь себе, поднялся бы буран!.. Пропал бы там, один, без воды, не лучше этого ягненка!..

Я понимал, что они правы, но все же с торжеством показал свои сокровища. Оказалось, что все найденное мной относится к первым векам нашей эры. Больше 1 500 лет пролежали эти вещи в земле!..

С тех пор, несмотря на все предупреждения, окрестности Кой-Крылган-кала стали моим родным домом. Правда, теперь, отправляясь в путь, я уже запасался водой... Время с двенадцати до пяти ввиду страшной жары было у нас в лагере временем отдыха. В эти часы я и отправлялся на поиски сокровищ.

Сокровища пополнялись. Я отыскал фрагменты очень интересных статуэток, мужские и женские головки статуэток начала нашей эры, черепки античной посуды. Все это после тщательной склейки — занятие тоже очень интересное, хотя и трудоемкое! — я, разумеется, отдавал экспедиции.

Оссуарий. I—II век нашей эры.

И вот в 1953 году примерно в километре на север от крепости я подобрал фрагменты какого-то большого глиняного сосуда... Сосуд был сделан в виде человеческой фигуры.

Я побежал со своей находкой к Толстову. Осмотрев фрагменты, он определил, что это части оссуария — вместилища для костей умершего... По найденным фрагментам общий вид оссуария можно было представить себе только весьма приблизительно.

На другой же день я снова был на том же самом месте и снова поднял несколько фрагментов. Добравшись домой, я немедленно занялся склейкой. И вот постепенно передо мной возникла фигура хорезмийца: поджав под себя ноги, он сидел на ящике... Головы и рук у хорезмийца не было.

С тем мы и покинули эти места.

Осенью я поехал писать в колхоз, расположенный в нескольких километрах от места моих находок. От крепости меня отделяли гряды песков, и на этот раз «начальство», то есть Толстов, строго-настрого запретило мне отправляться в пески одному... Но я вспомнил о своем безголовом хорезмийце... Мог ли я устоять перед искушением?..

Короче, в первый же день я двинулся в путь. И вот на знакомом мне месте я обнаружил новые кусочки... Как я их не заметил прежде? Очень просто. Они были скрыты под барханами, а барханы имеют обыкновение передвигаться.

Я приложил фрагменты друг к другу и вскрикнул от радости. В руках у меня была голова!.. Вот борода, глаза, вот лоб и волосы... Только носа нет...

Где же нос? Не быть же моему хорезмийцу без носа, наподобие гоголевского майора Ковалева?!

Нос я искал вплоть до сумерек. Когда солнце зашло за барханы, я все-таки нащупал его в песке. Я возвращался домой в темноте, по временам утрачивая чувство высоты и срываясь вниз с гребней барханов. Временами мне казалось, что я сбился с пути... Но, видимо, боги Хорезма хранили меня, и я благополучно донес до колхоза голову хорезмийца.

Я очень гордился своей находкой и, торжествуя, повез ее в Москву. Но показать ее Толстову ни я, ни товарищи долго не решались: ведь я слово дал никуда не ходить из колхоза!.. Наконец все же я одолел свою нерешительность и явился к Толстову с головой хорезмийца и с собственной повинной головой. Но Толстов так обрадовался находке, что даже забыл меня отругать.

Теперь этот оссуарий в Ленинграде, в музее Института этнографии. Но когда мне вновь случается попасть на место моих находок, я нахожу все новые и новые детали статуи, постепенно появляющиеся из-под песков.

Сосуд X века.

Цветущая пустыня

Я уже рассказывал, что пустыня при первом знакомстве показалась мне безжизненной, скучной... Но прошло некоторое время, и я понял, как я ошибался.

У пустыни множество различных обликов, и она далеко не всегда мертва. Встречаются в пустыне барханы, поросшие травой, и в жаркие летние дни она пахнет необычайно приятно степной ромашкой и полынью.

Рыбацкое поселение Казак-Дарья.

И, может быть, вы мне не поверите, но дважды в год пустыня цветет!.. Весной и осенью пробуждается в мертвой пустыне жизнь, расцветают розовые, синие, белые цветы!..

Это зрелище особенно поразило меня в Туркмении, в крепости «Калалы-2». Крепость эта расположена высоко, на бугре, с которого открывается широкий вид на окрестность.

Отсюда я увидел необыкновенный сад, в который превратилась вдруг пустыня. Колючие кусты покрылись прозрачными белыми и розовыми цветами, красные солянки всех оттенков образовали причудливые клумбы... Это зрелище я попытался передать красками на полотне. Один из таких этюдов помещен здесь, в журнале.

Пески отступают перед человеком

Но как ни красива подчас пустыня, все же она враг человеку. Чем глубже проникал я в жизнь Кара-Калпакии, чем ближе знакомился с ее народом, тем горячей принимал к сердцу упорную борьбу здешних жителей со смертоносными песками. В начале моей работы контрасты между зелеными оазисами и мертвой пустыней казались мне просто красивыми, интересными, я относился к ним как поверхностный наблюдатель. Но постепенно я понял внутренний смысл этой смелой и упорной борьбы жизни со смертью, людей с жестокой природой.

Изменились и мои взгляды на археологию. Раньше она увлекала меня только как наука о далеком прошлом. Теперь на живых примерах я убедился, что археология в силах помочь живым, современным людям в их насущных нуждах.

Я видел это на Кырк-Кызе. До недавнего времени многие ученые уверяли, что «усыхание» Средней Азии, наступление песков — нечто неизбежное, неотвратимое. Толстов всей своей работой доказал, что жизнь, то есть вода, в пустыне была уничтожена не стихиями, а людьми.

Определив время происхождения некоторых древних памятников, он установил, что в иных местах, теперь пустынных, в древности были каналы, прорытые людьми, и высохли эти каналы из-за войн и нашествий.

То, что разрушено человеческими руками, может быть человеком же и восстановлено.

Мне довелось наблюдать это в колхозах, поборовших пески вплоть до крепости Кырк-Кыз. Здесь был вновь восстановлен древний канал, и жизнь снова возвращается на эти поля.

Я был здесь впервые в 1953 году, когда культурная полоса была еще совсем узкой и поля время от времени заносились песками. На моих глазах уничтожались барханы, их опахивали со всех сторон тракторами, заравнивали бульдозерами... Теперь большой участок земли освобожден от песков, на нем зеленеет хлопок, хотя поля еще со всех сторон окружены песчаной пустыней.

Эту борьбу с пустыней и первые победы человека над ней я хотел показать на картине, которую вы видите на вкладке. Я писал ее в каракалпакском колхозе имени Ворошилова, много раз переделывал и, должно быть, еще не раз переделаю. И хотя на картине нет людей, главная тема ее — человек, его борьба с природой, с пустыней, со смертью. Эта тема открылась мне и стала мне кровно близкой в песках пустыни.

«СДАН В БАГАЖ»

Рассказ Лины НЕЙМАН.

Рисунки В. Сигорского.

Кто не знал в Петербургском университете студента Дмитрия Мануильского? Первый весельчак, шутник, затейник, он всегда приносил с собой смех и веселье.

Случалось, что Мануильский неожиданно исчезал из университета. Ну, что ж, это было его дело.

Существовали однако «людишки» (иначе их не назовешь!), которые интересовались тем, где пропадает Мануильский. Шпики следили за всеми революционно настроенными студентами, знали их в лицо, доносили о каждом их «подозрительном» шаге. А Дмитрия Мануильского вообще нетрудно было заметить. Околачивающимся вокруг университета шпикам хорошо знакома была его невысокая подвижная фигура, живые, ясные глаза и слегка вьющиеся светлые волосы под синим околышем студенческой фуражки. Его громкий голос можно было узнать издалека.

Однажды Мануильский пропал надолго. Он был на подпольной работе на флоте, среди матросов. Никто тут не знал его настоящей фамилии, он носил кличку «Митька». Но шпики выследили его, Мануильский был арестован и сослан на север.

Случилось это осенью 1905 года, когда народ поднялся против царской власти, когда все живые силы страны объединились во всеобщей забастовке. Приостановилась работа на фабриках и заводах, встали повсюду железные дороги, погас свет, не текла вода из кранов, умолк телефон, закрылись магазины и склады...

— Студенту Мануильскому исполнилось двадцать два года, когда замкнулись за ним тяжелые двери Вологодской тюрьмы. Он знал, как нужны именно теперь люди для революционной работы, и рвался на волю.

В тюрьме студента полюбили. Он не терял бодрости и оставался таким же веселым и остроумным, как всегда, таким же хорошим товарищем.

Тюремный режим в то время ослабел. Тюремщики были напуганы мощным революционным движением. Случалось, что революционеры нападали на стражу, проникали в тюрьмы и освобождали арестованных. В Вологодской тюрьме двери камер иногда стояли открытыми, и арестованные могли ходить из камеры в камеру. Даже митинги устраивали.

Мануильский забрел однажды в женскую камеру. В углу на гвоздике висела громадная шуба заключенной Берты Чудак. Не снимая шубу со стены, Мануильский завернулся в нее с головой — и нет арестанта. А когда стража ушла, началась серьезная беседа. Мануильский говорил о ходе революции, о всеобщей забастовке.

Но вот в тюрьму проникло тревожное известие. Политических заключенных отправляли на поселение в Архангельск сроком на три года, а Мануильского высылали отдельно в далекую, суровую Якутскую область, и на целых пять лет. Товарищей Дмитрия это тревожило.

В тюрьме начались сборы. Готовилась в дорогу и Берта Чудак. Отец ее жил в Харь-

кове. Он сложил все вещи дочери в большую корзину и отослал ей в тюрьму. «Может быть, вещи пригодятся на поселении в трудную минуту»,— думал старик.

Но Берта думала иначе. Зачем ей столько вещей? Лучше часть их раздать нуждающимся товарищам, а остальные переложить в маленькую корзинку, чтобы избавиться от лишнего груза. И вот Берта вынимает последние вещи из большой корзины. Мануильский стоит тут же.

Мысль о побеге пришла им в голову одновременно. Берта тихо и серьезно сказала:

— Вот что, попробуй-ка сядь.

Мануильский шагнул в корзину, как в лодку, и ловко уселся, подогнув ноги. При его небольшом росте корзина оказалась впору. Мануильский поднял голову:

— Пожалуй, выйдет!

К Берте раз в неделю приходили товарищи с воли. На ближайшем свидании она сообщила им о своем плане. Идея понравилась. На воле стали готовиться к выполнению задачи: надо было собрать деньги, запастись одеждой, найти надежную квартиру.

Партии заключенных одна за другой уходили в ссылку.

Кто-то из товарищей, сидевших в камере с Мануильским, заявил тюремному начальству, что хочет отослать домой ненужные ему на поселении вещи. Это не вызвало подозрений. Вещи были уложены в Бертину корзину, при этом присутствовали начальник тюрьмы и надзиратель. Сквозь все четыре стенки корзины продели шнуры. На свече разогрели сургуч. Пристукнули его большой тюремной печатью. Казалось, все кончено. Остается только прийти за корзиной с воли... А на самом деле надо было еще открыть корзину и посадить в нее человека. Но дальше что? Может быть, корзину не станут осматривать при выносе из тюрьмы: ведь она уже осмотрена. Однако поручиться за это никак нельзя. Во всяком случае, печать должна быть цела. Не то корзину непременно проверят.

Вологодская тюрьма, как и всякая другая, была богата людьми любых специальностей. Среди уголовных нашелся мастер и на такие дела. Он отрезал ножом печать. Тут же лишние вещи выбросили. «Пассажира» посадили в корзину. И мастер так ловко срастил шнур, что никак нельзя было решить, в каком месте он перерезан.

Это было в два часа дня. «Пассажир» спокойно сидел в корзине и ждал «отправки». Ничего другого ему не оставалось делать. Он ведь теперь только тюремный груз. В четыре часа к воротам тюрьмы подъехал извозчик. Часовой в тулупе, с винтовкой за плечами, ходил перед воротами. Он подошел к извозчику. Узнав у сидевшего в пролетке человека, в чем дело, часовой медленно снял с пояса ключи и так же медленно отпер ворота.

— Вот туда иди.— Часовой указал по направлению конторы.

В конторе сидел помощник начальника тюрьмы.

— Я за корзиной,— сказал приехавший.— Скоро ли смогу ее получить?

— Корзина готова! — ответил помощник, а сам ни с места.

Время точно остановилось. Наконец помощник вышел и велел надзирателю сходить за старостой камеры.

Староста был свой же товарищ, «политический», человек высокого роста, крепкого сложения, со спокойным, непроницаемым лицом.

— Вы приехали на лошади? — спросил он.— Корзина тяжелая...

И товарищ с воли понял, что означает этот вопрос: спрятать Мануильского в корзину удалось.

Он вышел из конторы и в ожидании корзины долго ходил по двору перед воротами. И снова время, казалось, остановилось, и тишина была какая-то особенная, угрожающая. Как долго не несут! Не случилось ли чего?!.

Но вот вдали гулко застучали сапоги. Кто это идет? Выносят корзину, или, может быть, тайна раскрылась и теперь идут за ним, приехавшим с воли?

Показались начальник тюрьмы, надзиратель. За ними шли двое арестантов с большой корзиной. Даже издали было заметно: они сгибаются под тяжестью ноши. Однако двигались они быстро. Это были молодые парни, одетые в тюремные, серые куртки и такого же цвета маленькие шапочки — обычная одежда уголовных. Они протолкнулись боком в калитку и, все так же сгибаясь под тяжестью, направились прямо к пролетке... Так, значит, все в порядке?

И как бы в ответ надзиратель гаркнул:

— Стой! Нужно проверить печать...

Неужели сейчас все сорвется?!

Но начальник небрежно бросил:

— Да ведь в камере смотрели уже...

Арестанты между тем поставили корзину на заднее сиденье и как ни в чем не бывало ушли обратно.

Приехавший вздохнул, не спеша забрался на сиденье. Извозчик дернул вожжами, и лошадь затрусила по узкой улице. Обернуться, посмотреть, ушли ли начальник с надзирателем, заперли ли снова калитку тюремных ворот?! Нет, нельзя! Быть может, они стоят и смотрят вслед. А вдруг сейчас начнется погоня? Вдруг выстрелят прямо в спину?!

Но позади было тихо! Вот уже показались городские дома. Вот проехали улицей, свернули в переулок. Здесь уже никто не видел, как пролетка с корзиной отъезжала от тюрьмы. Покружились по переулкам. Вот и дом! Седок расплатился с извозчиком, один втащил корзину в комнату и, как только двери были вплотную закрыты, лихорадочно разрезал веревки, поспешно поднял крышку.

Из-под вороха тряпья и одежды высунулась голова Мануильского. Он казался спокойным, точно совершил самое обычное путешествие. Только глаза блестели сильнее обычного.

В тюрьме очень скоро поднялась суматоха. Шутка ли: из тюрьмы вынесли в корзине политического преступника! Неслыханная дерзость!

В городе об этой «дерзости» много говорили. Положение Мануильского было крайне опасным. Его искали и в любой момент могли найти. Товарищи думали отправить Дмитрия по железной дороге. Его чисто-начисто выбрили, надели на него широченную юбку, кофточку, платок — словом, загримировали под деревенскую женщину. Но потом передумали. Уж очень много шпиков шныряло на вокзале, надо было переждать. И только через три недели Мануильского вывезли из города на лошади, в санях, закутанного в большую шубу с высоко поднятым воротником. Выехав из города, без конца кружили проселочными дорогами. Встречались лицом к лицу со стражниками. Но у Дмитрия были подложные бумаги, и с ним ехал его «родной брат», один из товарищей по работе.

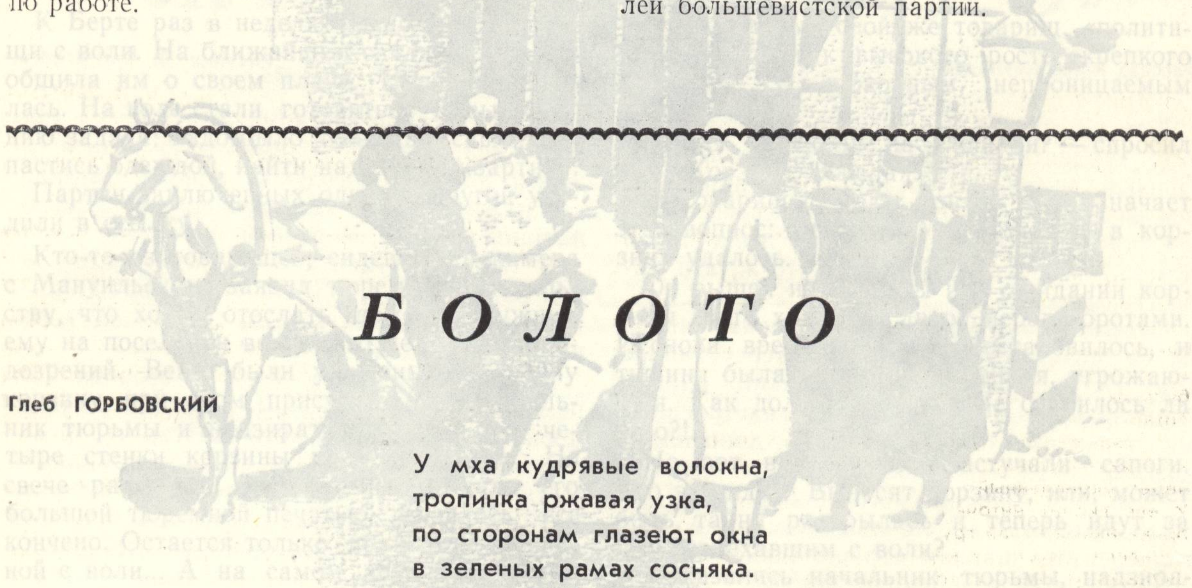
А месяц спустя было получено известие, что побег удался и Мануильский вне опасности.

Все это мы узнали от старой большевички Берты Моисеевны Чудак, которая была одновременно с Мануильским в Вологодской тюрьме и которой принадлежала чудесная корзина.

Но когда план Берты Моисеевны был приведен в исполнение, ее в Вологодской тюрьме уже не было: ее сослали в Архангельск, и там она получила удивительную телеграмму:

«Дмитрий сдан в багаж».

С тех пор прошло много лет. Товарищ Мануильский всю жизнь отдал революционной работе и был одним из крупных деятелей большевистской партии.

БОЛОТО

Глеб ГОРБОВСКИЙ

У мха кудрявые волокна,
тропинка ржавая узка,
по сторонам глазеют окна
в зеленых рамах сосняка.
А ты идешь —
ружье под мышкой, —
забыв асфальтовую гладь,
до сумерек без передышки,
не собираясь уставать...
И не беда, что утки где-то,
куда и вовсе нет пути...
Моей добычей будет лето,
короткое,
как этот стих.

А. ДОРОХОВ

Рисунки Ю. Кискачи.

Всѐ здесь казалось непонятным и странным...

На асфальте стоял легковой автомобиль. Вместительная машина на пять пассажиров. Подошел человек в комбинезоне, отвернул несколько гаек. А затем... подхватил на руки массивный кузов с дверьми и окнами и унес, словно картонную коробку.

В большой стеклянный ящик вроде аквариума поставили новенький электрический мотор. Потом поднесли шланг и наполнили ящик водой. «Ну, погиб мотор!» — успел подумать я. Но человек включил рубильник, и покрытый водой мотор... спокойно заработал.

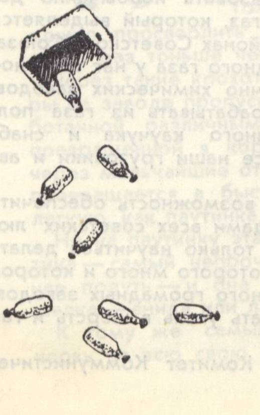
К тяжелой, двухпудовой гире привязали тонюсенькую, как паутинка, ниточку. Конец ниточки продели через укрепленный на потолке блок и потянули. И еле видная ниточка не оборвалась, а... подняла привязанный к ней груз.

Человек вынул из кармана небольшой кошелечек. Вытащил из него что-то сложенное, как носовой платок, и встряхнул. В руках у него оказался прозрачный и легкий... плащ с капюшоном.

— Незаменимо при неожиданном дожде, — сказал человек, — не промокает даже под ливнем.

Подъехал грузовик с ящиками, полными бутылок с молоком.

— Сюда, что ли? — спросил шофер и начал разгружать машину. Один ящик выскользнул у него из рук, и бутылки посыпались прямо на асфальт. Но, падая, они не разбивались, а... подпрыгивали, как мячики.

Таков был этот необыкновенный мир, в котором я оказался, отправившись по заданию редакции знакомиться с новыми материалами, изготовляемыми химиками по заказу инженеров. Искусственный мир, создаваемый не природой, а человеком.

ПРИРОДА ГОВОРИТ: «НЕ МОГУ»

В течение многих тысяч лет природа поставляла человеку материал для любых его выдумок: дерево и камень, кожу и шерсть, металл и воск.

И вдруг наступил момент, когда природа оказалась бессильной ответить на требования человека. Это произошло совсем недавно — на исходе первой половины нынешнего века.

Человек задумал летать быстрее звука, подыматься к планетам, опускаться на дно океанов. Человек захотел сделать теплые меха, красивые ткани доступными каждому, а новые дома — легкими, удобными и дешевыми. Человек решил заставить работать на себя таинственные силы атома.

Оказалось, что для всего этого непригодны те материалы, которые существуют в природе. Нужны такие материалы, каких у нее нет.

Нужен, например, сплав, который не боялся бы пули, но был прозрачен, как стекло, и гибок, как картон.

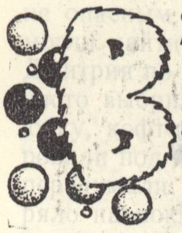
Нужен такой камень, который был бы тверже гранита, но не тонул бы в воде.

Нужны меха и ткани, для получения которых не надо разводить миллионные стада овец.

Словом, нужно многое такое, чего до сих пор на земле не было.

Эти материалы надо было создать заново.

ЧЕЛОВЕК ХОЗЯЙНИЧАЕТ В МОЛЕКУЛЕ

Все вещества на земле состоят из мельчайших, невидимых даже в самый сильный микроскоп частиц — атомов. В самой крохотной пылинке не меньше десяти миллионов миллиардов атомов.

Различных сортов атомов не так уж много — чуть побольше ста.

Откуда же в природе неисчислимое количество веществ, так резко отличающихся одно от другого?

Объясняется это тем, что в каждом веществе атомы соединены в более крупные частицы—молекулы. Но соединены они по-разному. И вот от того, сколько каких атомов входит в молекулу и как они в ней расположены, зависят все свойства вещества: твердое оно или мягкое, прозрачное или мутное, кислое или сладкое.

Сало и хлопок, сахар и уксус состоят из одних и тех же атомов углерода, водорода и кислорода. Но ты не спутаешь уксус с сахаром, а сало с хлопком. Не спутаешь потому, что молекулы этих веществ построены неодинаково.

В этом смысле атомы можно сравнить с буквами. Букв у нас тоже немного — всего тридцать шесть. И эта страница журнала, и все предыдущие, и все следующие, да и вообще все страницы всех до одной русских книг составлены из одних и тех же тридцати шести букв.

Но хотя буквы повсюду одни и те же, слова и фразы составлены из них разные. И вот одна книга не похожа на другую, и ты никогда не примешь учебник алгебры за басни Михалкова.

Есть на земле вещества, молекулы которых очень просты и состоят всего из нескольких атомов. Таковы, например, молекулы воды, составленные из трех атомов: одного атома кислорода и двух атомов водорода.

Но большинство веществ живой природы построено из необыкновенно больших и сложно устроенных молекул. Эти молекулы-гиганты состоят из десятков, а то и сотен тысяч атомов, вытянутых в тонкую цепочку.

Первым, кто раскрыл секрет построения сложных молекул, был великий русский химик, профессор Казанского университета Александр Михайлович Бутлеров. Это было еще во второй половине прошлого века. Но хотя в то время ученые уже умели разлагать на составные части различные вещества, прошло немало лет, пока люди научились не только разлагать, но и составлять заново большие молекулы.

Потому что дело это далеко не простое. Иной раз только для того, чтобы сблизить частицы молекулы, надо применять давление в несколько тысяч атмосфер. А для того, чтобы эти частицы столкнулись и соединились в одно целое, нужна порой и температура в несколько сот градусов.

Ясно, что пока люди не научились создавать такое огромное давление и такую высокую температуру и к тому же делать аппаратуру, которая бы все это выдерживала, ничего у них не получалось.

Но зато, когда ученые добились и этого, выяснилась удивительная вещь: достаточно лишь чуть-чуть изменить строение молекул, как резко меняются многие свойства вещества.

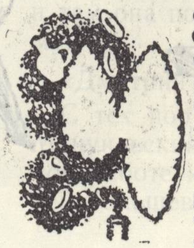
А если это так, то, значит, вполне возможно по своему усмотрению придавать веществу такие качества, какие нужно.

И вот химики стали производить небывалые опыты. Они начали взламывать построенные природой молекулы, раскладывать их на более мелкие, очищать от ненужных примесей, а затем соединять вновь. Но соединять уже по-своему.

Так ученые решили задачу, казавшуюся невыполнимой. Они научились создавать совершенно новые вещества. Такие, каких до сих пор в природе не было.

А за учеными научились это делать и инженеры.

ЧУЛКИ ИЗ УГЛЯ, ПОСУДА ИЗ ГАЗА

Человек неожиданно стал богачом. Оказалось, что вокруг него неисчерпаемые запасы сырья для самых различных изделий. И сырье это либо стоит очень дешево, либо вообще ничего не стоит.

Еще не так давно шелк, из которого ткали красивые и прочные материи и вязали тонкие, как паутинка, чулки, был по карману только богачам. Да это и не удивительно. Чтобы добыть шелк, надо было высадить рощу тутовых деревьев, развести в ней привередливых гусениц шелкопряда, собрать коконы и осторожно, на горячем пару, обжигая пальцы, разматывать нити.

А сегодня каждая девушка надевает на танцы нарядное платье и тонкие чулки из искусственного шелка. Потому что нити этого сделанного на заводе шелка, гораздо более крепкие и тонкие, чем нити шелкопряда, химики сначала научились изготовлять из самой обыкновенной сосны или осины, точнее, из целлюлозы, составляющей примерно половину их древесины, а сейчас изготовляют даже из нефти или угля.

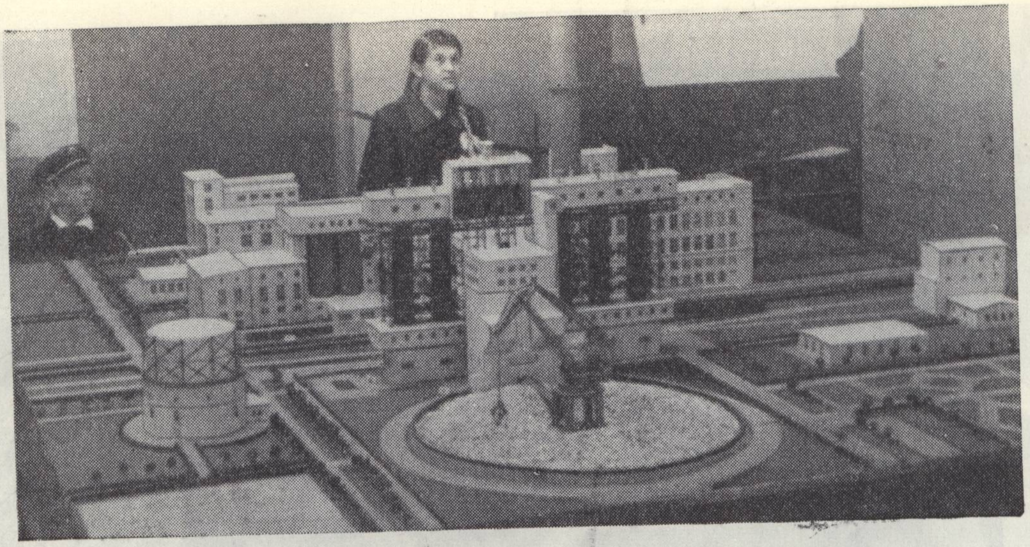
Скоро такими же дешевыми станут и шерстяные материи. Шерсть будут не только состригать с овец, но и добывать из каменного угля или отходов нефти.

Посуду химики делают сейчас из... газа. Из того самого газа, который и сегодня еще уходит в воздух из труб нефтеочистительных заводов. И посуда эта прочней, красивей и легче глиняной или чугунной.

Что же касается автомобильных шин, то для их изготовления можно использовать необычайно дешевое сырье — природный газ, который выделяется из недр земли во многих районах Советского Союза. Этих месторождений природного газа у нас так много, что будь у нас достаточно химических заводов, мы могли бы ежегодно вырабатывать из газа полмиллиона тонн искусственного каучука и снабдить новенькими шинами все наши грузовики и автобусы.

Теперь у нас есть полная возможность обеспечить хорошими и красивыми вещами всех советских людей. Но для этого надо не только научиться делать эти вещи из такого сырья, которого много и которое дешево. Надо еще иметь много громадных заводов, которые могли бы превращать уголь в шерсть и газ в посуду.

Вот почему Центральный Комитет Коммунистиче-

Макет Карагандинского завода синтетического каучука.

ской партии принял решение построить в ближайшие годы столько новых химических заводов, чтобы к концу 1965 года наша промышленность могла выпускать почти в пять раз больше искусственного волокна, в восемь раз больше пластических масс и в три с половиной раза больше синтетического каучука.

А покамест множество научных институтов и лабораторий разрабатывают все новые и новые рецепты для получения искусственных материалов, а наши химические заводы уже начинают эти материалы выпускать.

Что же это за новые материалы?

МЕХА НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ЗВЕРЕЙ

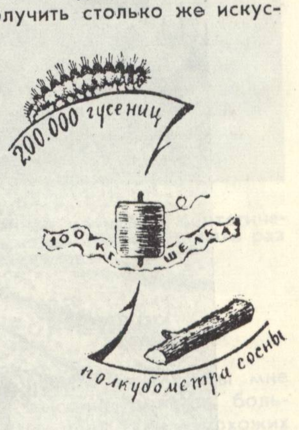
Мы привыкли считать, что тоньше и легче паутины ничего быть не может. А на химическом заводе в Мытищах давно уже делают такие искусственные нити, которые вдвое тоньше любой паутинки.

Правда, в цехах завода эти нити выпускают стальные пауки, брюшко которых сделано из платины. Только в драгоценной платине можно просверлить множество отверстий, в двадцать раз тоньше человеческого волоса.

Через такие крохотные платиновые ситечки-фильеры на заводе пропускают раствор целлюлозы, обработанной различными химическими веществами и превращенной в коричневатую жидкость. Проходя через мельчайшие отверстия фильер, эта жидкость превращается в быстро твердеющую на воздухе, легкую, как паутинка, нить.

Но на паутинку эта нить похожа с виду. Ведь паутина — самый непрочный материал. Достаточно на нее подуть — и она рвется. А нить искусственного шелка — анида или лавсана — очень крепка.

К тому же самый трудолюбивый шелковичный червь за всю свою жизнь вырабатывает не больше полграмма нити. Чтобы добыть сто килограммов натурального шелка, надо вывести двести тысяч гусениц. А для того, чтобы получить столько же искусственного шелка, достаточно полкубометра древесины сосны или ели.

Из той же сосны или ели химики научились приготовлять не только шелковые нити, но и шерстяные. По разработанным ими рецептам большой химический завод может за год наделать столько шерсти, сколько ее дало бы гигантское стадо в восемнадцать миллионов овец лучших пород.

Костюмы и кофточки из искусственной шерсти так же нарядны и теплы, как из натуральной, так же не мнутся. Но их не ест моль, и, главное, они дешевле в несколько раз, потому что приготовить искусственный шелк или искусственную шерсть неизмеримо быстрей и легче, нежели развести миллиарды червей шелкопрядов или вырастить необозримые стада овец.

А для новых сортов синтетического шелка или шерсти не надо даже рубить деревья и заготовлять сосновые и еловые чурки. На Калининском комбинате искусственного волокна эти материалы делают из химических веществ, добытых из угля. Из отходов нефти здесь изготовляют синтетическое волокно — лавсан. Нить из лавсана необыкновенно крепка. На сплетенной из нее веревке, толщиной всего в два сантиметра, можно подвесить груженый товарный вагон, и веревка выдержит такую огромную тяжесть. Из этого волокна делают также отличную шерсть.

— Однако овцы дают ведь не только шерсть. Они дают еще и каракуль — один из самых ценных мехов,— скажешь ты.

Это верно. Но на Московском комбинате имени Щербакова из синтетической капроновой или анидо-

Вот какой красивый искусственный каракуль делают на фабрике «Искождеталь» в городе Александрове Московской области. В 1960 году построят новый цех, и тогда фабрика будет выпускать два миллиона квадратных метров каракуля в год.

вой нити делают уже и искусственный каракуль. По красоте и прочности он мало отличается от настоящего, но обходится в пять—шесть раз дешевле.

И опять-таки его можно сделать очень много. А развести такие стада овец, чтобы одеть в каракулевые шубки всех женщин и сшить каракулевые шапки всем мужчинам, на это не хватит, пожалуй, и всех наших степей.

Химики не слепо подражают природе. Они научились изготовлять из синтетических нитей такие меха, каких в природе нет,— узорчатые и легкие, голубые и розовые, не боящиеся ни сырости, ни моли.

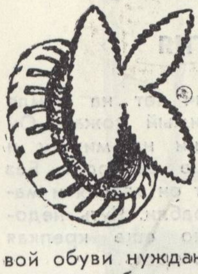
И не только меха. На химических заводах выпускают все новые удивительные волокна, каких природа никогда не создавала.

Вот, например, эластик. Носки из этого материала кажутся сделанными на грудного ребенка. Но их наденет и взрослый. Эластик легко растягивается на любой размер.

А вот ткань из волокна, содержащего кремний. Плащ из такой ткани не промокает под самым сильным дождем.

Сплетенную из капроновой нити сеть рыбакам не приходится ни смолить, ни сушить. Она не намокает и не гниет. Даже соленая морская вода ее не разъедает. Тонкий и гибкий нейлоновый канат прочнее стального троса, но во много раз легче.

ОБУВЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Как хорошо было бы изобрести такие башмаки, которые совсем бы не снашивались! Купил одну пару — и носи всю жизнь!

Для тебя таких башмаков, пожалуй, не придумать. Хотя бы потому, что ты все время растешь, и старые башмаки скоро будут тебе тесны.

Но прочная обувь нужна не только людям. В упругой резиновой обуви нуждаются все машины, имеющие колеса: автомобили, самолеты, колесные тракторы. Их обувь — шины.

Когда-то, когда автомобилей было мало, шины для них делали из натурального каучука. Но он очень дорог, да его и не хватило бы. Поэтому шины стали делать из каучука синтетического, приготовленного из спирта.

Но вот беда: шины из самого лучшего синтетического каучука, а тем более из натурального, при езде стираются довольно быстро. Каждый год их приходится менять. Иной раз сама машина того не стоила, сколько истрачено на ее шины.

Пришлось химикам и здесь начать соревнование с природой. Они пытаются создать синтетический материал, который обладал бы всеми достоинствами каучука, но был бы намного прочнее.

Сейчас первые образцы такого материала получены. Это полиуретан. Шины из полиуретана изнашиваются в пять раз медленнее каучуковых.

Но химики не удовлетворены и этим. Они твердо убеждены, что скоро дадут автомобилям такую обувь, которой будет хватать на всю жизнь машины.

Скажи мысленно спасибо химикам и тогда, когда услышишь в приемнике заветные сигналы «бип... бип... бип...» с проносящегося в звездных просторах искусственного спутника Земли.

Если бы не химики, мы не имели бы ни космических ракет, ни могучих реактивных самолетов, за несколько часов покрывающих расстояние от Москвы до Пекина.

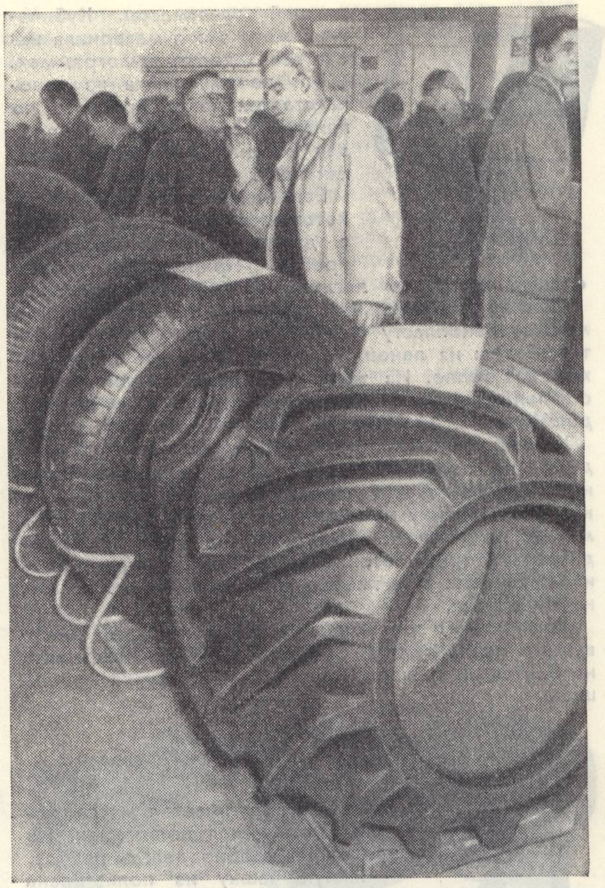
В одном только самолете «ТУ-104» сто двадцать тысяч деталей сделаны из различных синтетических материалов, в том числе и из искусственного каучука, не боящегося ни шестидесятиградусного холода Антарктики, ни стоградусного нагрева при взлете и посадке.

А в лабораториях уже получен такой каучук, который не плавится и не горит и при трехстах градусах.

Но скорости реактивных самолетов растут настолько быстро, что летчики требуют уже, чтобы им дали каучук, выдерживающий пятьсот градусов жары. И химики обещают приготовить и такой!

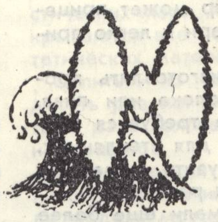
Мы не смогли бы и мечтать о межпланетных путешествиях, если бы у нас не было и сверхтвердого синтетического стекла, которое не пробивает даже пуля.

Через такую прозрачную броню биологи будут наблюдать жизнь на дне океанов, а будущие астронавты смогут безопасно рассматривать пейзажи на Луне и Марсе.

«Обувь» автомобилей, сделанная из новых синтетических материалов. Эти шины изнашиваются в пять раз медленнее каучуковых.

ПЛАВАЮЩИЕ КИРПИЧИ

На одной из строек Москвы мне показали высокий штабель больших толстых плит, с виду похожих на бетонные. Каждая плита метра два в длину и почти метр в ширину.

— Вот наши новые кирпичики,— сказал прораб.— Будем строить из них дом.

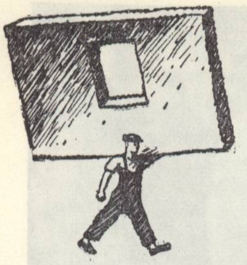
Я оглянулся, ища поблизости подъемный кран. Было ясно, что иначе как краном такой «кирпичик» не поднять.

Но в этот момент подошел рабочий и, словно Карандаш, выжимающий на арене цирка картонные гири, легко подхватил массивную плиту, положил ее на плечо и унес.

Наверное, у меня был очень изумленный вид, потому что прораб улыбнулся и сказал:

— Вы думаете, это бетон? Это пенопласт, он легче картона.

Оказывается, плиты были отлиты из особо приготовленной пластической массы — пенопласта. Под микроскопом пенопласт похож на застывшую пену; он состоит из миллиардов мельчайших пузырьков воздуха, заключенных в тонкую оболочку из затвер-

девшей пластмассы. Кубический метр этого материала весит всего десять килограммов.

Вот почему плита из пенопласта так легка. Брось такую плиту в воду — и она не пойдет ко дну, а будет плавать, как плот.

Есть такие сорта пенопласта, которые в сто раз легче воды, в двадцать пять раз легче пробки. Природа не сумела создать настолько легкий строительный материал.

Именно строительный. Потому что легкость не мешает пенопласту отлично заменять кирпич и бетон. Стены из пенопласта не пропускают влаги, сохраняют тепло. Из таких невесомых кирпичей, доставленных самолетами, строили дома работники дрейфующих научных станций «Северный полюс».

Химики считают, что вообще выгоднее строить дома, не пользуясь материалами природы. Тогда не придется тратить дерево на двери, рамы и паркет, возить глину на кирпичи и кафель, употреблять металл на дверные ручки, оконные шпингалеты, радиаторы и трубы отопления. Все это можно делать из различных пластмасс, изготовленных из шлака, нефти и газа.

Дома станут легкими, дешевыми и более красивыми и очень долговечными, потому что пластмасса не боится ни пожара, ни сырости, ни жучка точильщика.

МЯГКАЯ БОЧКА

сть такая пластическая масса, которая называется полиэтилен. Из нее очень удобно делать посуду.

Чайную чашку из полиэтилена можно бросить на пол, и она не разобьется. Можно скрутить и смять в комок — она тотчас расправится и примет прежнюю форму.

Полиэтилен не пропускает ни воду, ни воздух. Из него уже делают, например, мягкие цистерны для керосина. Такие цистерны держатся на воде, как поплавки. Буксир может прицепить целую гирлянду плавучих цистерн и легко притащить из Баку в Горький.

Из этого же материала начали изготовлять прозрачные и легкие бутылки для молока или пива. Для таких небьющихся бутылок не требуется бесчисленного количества ящиков, как для стеклянных. Полиэтиленовые бутыли можно грузить в машину прямо навалом, не боясь стукнуть и разбить.

А для бензина, например, придумали еще более удивительную упаковку — большие кирпичи из пористой, словно резиновая губка, пластмассы. Эти кирпичи пропитывают бензином. В таком виде их можно спокойно держать и на морозе, и на солнцепеке, и даже в воде. Когда же бензин понадобится, его попросту выжимают из упругого кирпича, как из губки.

ПОЖАР БЕЗ ОГНЯ

же несколько тысяч лет на земле свирепствует невидимый пожар. Он не прекращается ни на минуту и пожирает огромные ценности. Без разбора уничтожает он здания и машины, мосты и корабли. Чуть недоглядел — и недавно еще крепкая вещь рассыпается в прах.

Этот пожар без огня и дыма — коррозия, медленное горение металла от соединения его с кислородом воздуха или воды. Слой за слоем твердый металл превращается в рыхлую ржавчину. Ученые подсчитали, что каждый год коррозия уничтожает на земле сотни миллионов тонн одного только железа.

Единственное средство предохранить железо от коррозии — покрыть его тонким слоем нержавеющего металла — никеля, цинка, алюминия, или покрасить. Но краска — вещь непрочная. Каждую весну армии маляров красят заново крыши домов, железные ограды, днища и борта кораблей, а через год приходится красить вновь.

Стоит это недешево. Только за шестьдесят лет окраска самого высокого сооружения Парижа, Эйфелевой башни, обошлась дороже, нежели стоила сама башня.

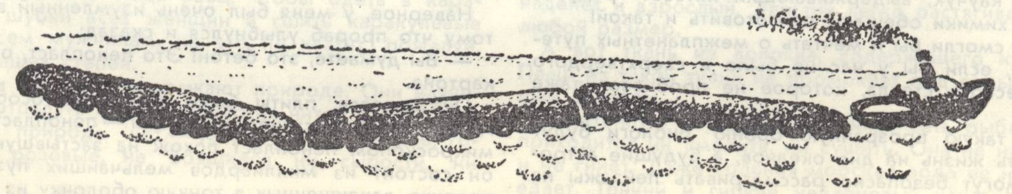
И опять на помощь приходят химики. Из угля, нефти и газа они научились вырабатывать удивительные пленки, абсолютно не пропускающие ни воздух, ни воду. Эти пленки необычайно прочны. Они не трескаются при самом сильном морозе и не плавятся в огне.

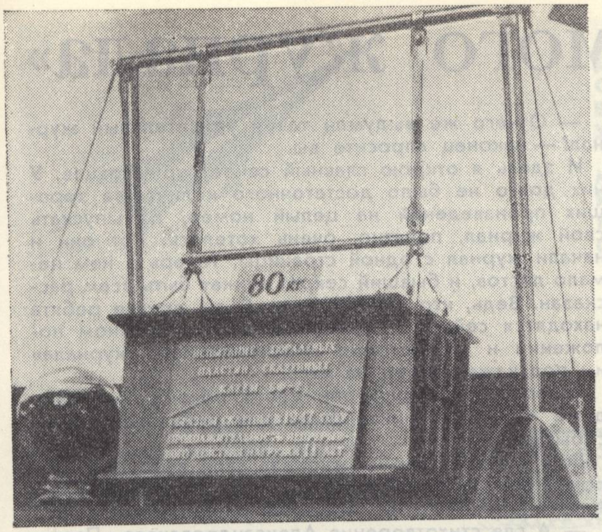
Такую пленку можно сделать довольно толстой и завернуть в нее, скажем, станок, запаяв ее края. И станок будет стоять под дождем и снегом год и два и не заржавеет. Пленка не пропустит к металлу ни воды, ни воздуха.

Можно изготовить тончайшую прозрачную пленку и покрыть ею, как краской, крышу и стены здания, забор, фермы моста, корпус корабля. Эта пленка способна держаться десятилетия. Такой пленкой ленинградцы уже покрыли стены Русского музея.

Есть у пленок из синтетических смол еще одно очень важное качество: они не пропускают электрический ток. Вместо изоляции из нескольких слоев шелка, резины и свинца можно покрыть кабель или провод тонким слоем пленки. Можно покрыть пленкой детали электрического мотора и спокойно погрузить его в воду — замыкания не будет.

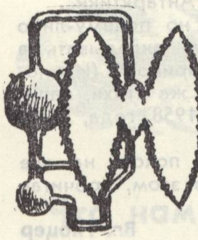
Без таких пленок нельзя было бы строить реактивные самолеты и ракеты. Любая другая изоляция мгновенно сгорит при движении с быстротой звука, а синтетические лаки и смолы выдерживают температуры в сотни градусов.

Вы видите здесь две дюралевые пластины (вертикальные), которые были в 1947 году склеены клеем БФ-2. Вот уже одиннадцать лет на них висит груз в 80 килограммов.

МЕТАЛЛУ ПОРА ПОТЕСНИТЬСЯ

На наших глазах идет борьба пластических масс с металлом. Созданные химиками искусственные материалы вторгаются в те области техники, где с давних времен полновластно царил металл. И металлу приходится уступать место пришельцам.

Всюду, где нужна прочность и твердость, до сих пор применяли сталь. Но сталь тяжела. Пустая железнодорожная платформа весит больше, чем груз, который на ней везут.

Тверже и легче стали было до сих пор только стекло. Но стекло хрупко да и легко плавится при нагревании.

А конструкторы скоростных самолетов и космических ракет, строители атомных двигателей требовали материал, который был бы прочнее стали, не боялся ударов, выносил огромную жару и при этом был бы очень легок.

И химики такой удивительный материал дали. Они научились пропитывать синтетическими смолами стеклянное волокно и получили армированный пластик.

Армированные пластики так прочны, что из них можно делать не только кузовы автомобилей, фюзеляжи самолетов и корпуса кораблей, но даже танковую броню.

Вместе с тем они в пять — восемь раз легче стали и вдвое легче алюминия. В Московском институте пластических масс из армированных пластиков строят сейчас большое судно для перевозки леса. Это судно не страшно посадить на мель: оно такое легкое, что несколько человек без труда перенесут его на руках через перекат.

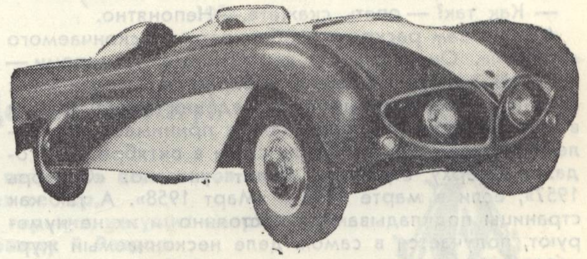
У некоторых армированных пластиков есть и еще одно ценное качество: они упруги. Если отлить из них кузов автомобиля, можно не опасаться небольших аварий. Столкнувшись с другой машиной, ваш автомобиль отскочит, как резиновый мяч. Его радиатор и крылья не треснут и не сломаются. Они лишь слегка вогнутся и выпрямятся снова.

Изготовленные из пластмасс шестерни движутся бесшумно и мягко, подшипники не требуют смазки, а пружины мягче и выносливее стальных.

А насколько проще иметь дело с пластическими массами, нежели с металлом! Любую металлическую деталь надо сперва отлить, потом резать, обтачивать, сверлить, фрезеровать на нескольких станках, а затем еще шлифовать. Иной раз в стружку уходит больше половины металла.

А пластические массы обладают замечательным свойством. В момент их получения они совсем мягкие, и им можно придать любую форму. Детали из пластмассы можно штамповать на прессах сразу в готовом виде, а затем они твердеют.

Особенно удобно изготовлять из пластмасс водопроводные трубы, которые до сих пор отливали на заводах из чугуна. Машина, выдавливающая из полиэтилена трубу, невелика. Ее можно установить на трактор с землеройным механизмом. Такой «комбайн» будет ползти по полю, вырывать траншею и укладывать в нее трубу, которую сам тут же на ходу будет изготовлять из брикетов полиэтилена.

Съемный кузов спортивного автомобиля «ЗИЛ-112», сделанный из полиэфирного стеклопласта.

Уже сегодня в нашем народном хозяйстве применяется более двух тысяч различных изделий из пластических масс. А перед учеными и инженерами открываются все новые возможности применения синтетических материалов.

Отлитый из пластмассы типографский шрифт в десять раз легче свинцового, вдвое дешевле, в четыре раза долговечнее и совершенно безвреден для наборщиков.

Синтетический клей соединяет металлы крепче, нежели клепка или сварка. В Чехословакии построили модель моста из ферм, склеенных таким клеем. И модель выдержала нагрузку в полтонны на квадратный сантиметр.

Хирургические инструменты из армированной пластмассы так же остры, как стальные, но прозрачны и не заслоняют хирургу место операции. А из нейлона начали уже делать протезы, заменяющие поврежденные кости и крупные кровеносные сосуды. Эти протезы отлично уживаются в организме человека...

Так на земле возникает совершенно новый мир. Мир, созданный не природой, а гением человека.

Из «Нескончаемого журнала»

Открылся не новый Суэцкий канал —
Итак, открывается... новый журнал.
Его в магазинах совсем не найти.
Журналу окрепнуть желаем в пути! —

таким шутливым напутствием начинается «Нескончаемый журнал».

— Что это за журнал? — спросите вы.— Отчего он так странно называется? И почему его появление на свет — хоть и в шутку — сравнивается с настоящим событием?

Не торопитесь: я вам все расскажу по порядку.

Прежде всего сообщу адрес редакции: Москва, Детская библиотека имени Ломоносова, литературный кружок.

А теперь назову его редакционную коллегию: Саша Александровский, Володя Лапин, Лена Минкина (редактор), Тамара Флягина и Женя Чибирев.

Эти-то ребята и выпускают свой машинописный (то есть отпечатанный на пишущей машинке, чтобы побольше было экземпляров) журнал. Они, как члены редколлегии, отбирают лучшие стихи, рассказы, сказки, очерки товарищей и свои собственные и помещают их в журнале, в котором вначале была всего одна страница...

— Как так? — опять скажете.— Непонятно.

А тут я вам раскрою особенность «Нескончаемого журнала». Он не выходит, как обычные, номерами — № 1, № 2 и так далее,— а собирается из отдельных страниц. Напечатанные произведения вкладываются в журнал в том порядке, как их принимает редколлегия. И если она одобрила стихи в октябре 1957 года, то вверху страницы будет указано: «Октябрь 1957», если в марте 1958 — «Март 1958». А так как страницы подкладываются постоянно и их не нумеруют, получается в самом деле нескончаемый журнал.

— Отчего же выдуман такой удивительный журнал? — наконец спросите вы.

И здесь я открою главный секрет кружковцев. У них долго не было достаточного количества хороших произведений на целый номер, а выпускать свой журнал, понятно, очень хотелось. Вот они и начали журнал с одной страницы. Теперь в нем немало листов, и бывший секрет может быть всем рассказан. Ведь, кто знает, может быть, другие ребята находятся сейчас в таком же затруднительном положении и эта история «Нескончаемого журнала» им подскажет выход из него.

Теперь вы, наверно, понимаете, почему появление даже одной странички было для ребят настоящим событием.

Есть у такой формы журнала свои выгодные стороны. Вот послушайте разговор редактора и Саши Александровского на заседании редколлегии.

— А где стихотворение Александровского «Поэту-подражателю»? — спрашивает редактор Лена Минкина.

— Я его вынул,— говорит Саша Александровский.

— Ты не имел права.

— А если человек за месяц умнеет?..

А через какой-нибудь год ребята уже совсем по-другому посмотрят на свои прежние стихи. Я думаю, например, что Володя Лапин сейчас не поселил бы пингвина в Арктике вместо Антарктики...

С другой стороны, свои старые, но почему-либо интересные стихи кружковцы могут вкладывать в раздел под названием «Тряхнем стариною! (Из пожелтевших тетрадей)». Не помечать же стихи, написанные года два назад, апрелем 1958 года, и не пропадать же им совсем!

А в остальном «Нескончаемый» похож на все школьные журналы. Вы убедитесь в этом, прочитав стихи из него.

Вл. Глоцер

Полкан

Ты сейчас прекрасный пес,
Как будто не было того,
Что я тебя за пазухой,
Мокрого и жалкого,
Домой к себе принес.
Спокойно, гордо ты идешь
На длинном поводке.
Совсем уже почти зарос
Шрамик на ноге...

Это я тебя нашел
Недалеко от школы.
Был ты мал и одинок,
Был ты мокр и весь продрог
И визжал от боли.

Кто-то лапку перешиб
Маленькому песику.
Ты тогда ко мне подполз
И нюхал землю носиком.
Завернул тебя в пальто
И отнес домой,
Лапу я перевязал
И обмыл водой.
Я в корзинке постелил,
Я тебя кормил, поил,
Лапку я твою лечил,
Никуда не отходил,
Ни на час не отходил...

Превратился ты уж в пса,
Стройного и гордого,
И с презреньем ты глядишь
На щенка задорного...
Ты прекрасный черный пес
С кроткими глазами.
А тем, что ты у нас живешь,
Ты обязан маме.

Лена Гулыга, 4-й класс

1957 г.

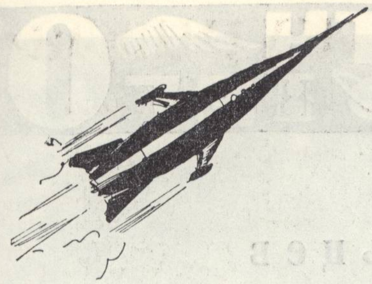
Белка

У кого же, кроме белки,
Шаловливые проделки!
Ведь не зайцы и не волки
Гриб повесили на елке!

Володя Лапин, 7-й класс

1957 г.

* * *

Друзья, ну кому же из вас не приятно
Слетать на Луну и вернуться обратно!
Все чудно сложилось, и, честное слово,
Уж место в ракете мне было готово.

Мой спутник лететь не хотел без собаки,
И дело о месте дошло бы до драки,
Но я уступил. А обидно признаться —
Собаке лететь, человеку остаться.

Володя Лапин.

1957 г.

* * *

Море бушует. Волну за волной
Ветер бросает на берег морской.
Парус, белеющий где-то вдали,
Ищет пристанища, твердой земли.

Таким я море представлял
Лишь потому, что не видал.

Саша Александровский, 9-й класс.

1957 г.

Что нам делать?

Говорит нам магазин:
«Я хочу здесь жить один».
Развалился во весь двор,
Не дает игре простор.
Что нам делать с магазином —
У крыльца торчат корзины,
Бочки тухлые лежат,
Убирать их не хотят.
Тут машины приезжают
И корзины разгружают.
Что нам делать! Ой, ой, ой!
Хоть не приходи домой!

Светлана Волкова, 4-й класс.

1957 г.

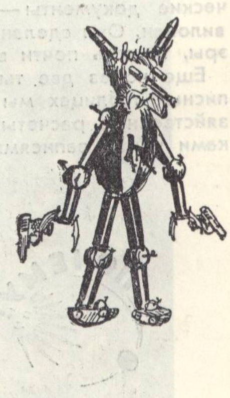
Пингвин ищет сына

Ищет в Арктике пингвин,
Где гуляет юный сын.
Поискал бы в зоопарке,
Где полярников подарки!

Володя Лапин.

1956 г.

Долой войну!

Всегда и везде, во веки веков
Гонят трех сестер,
Черных и горьких, несущих смерть:
Войну, Вражду и Раздор.
Уйдите подальше, дети Беды,
От мирной земли труда.
Уйдите туда, где нет детей,
Где солнца нет никогда.

Лена Гулыга.

1957 г.

Лес

О корни стучали копытами кони,
В погоне за солнцем катилась луна,
Деревья стояли, согнувшись в поклоне,
И с елями рядом осина одна

То жалась к деревьям, испуг выражая,
То вся трепетала от стука копыт...
Бесшумно слетела откуда-то стая,
А лес все качался, угрюм и сердит.

От злости трещали сучки под конями,
Еловые лапы старались схватить...
Но вот, шелестя, проезжаем кустами,
И кони бросаются к озеру пить.

Володя Лапин.

1957 г.

Рисунки *Саши Смирнова*, 6-й класс.

Почему и отчего

От десятка пальцев

Дорогая редакция!
Меня очень интересует, как и когда появилась математика.

Тамара Лифшиц,
г. Москва.

Как и когда появилась математика? Твой вопрос, Тамара, мы задали профессору Московского университета Софье Александровне Яновской, а Софья Александровна вместо ответа предложила нам далекое путешествие в глубь времен, к первобытным предкам человека.

Люди учились считать тогда же, когда они учились говорить, и первые названия чисел — ровесники первых слов.

Великий ученый Фридрих Энгельс писал, что десять пальцев на руках — самый древний источник математических знаний.

Но самые древние дошедшие до нас математические документы — это хозяйственные записи вавилонян. Они сделаны за шесть тысяч лет до нашей эры, то есть почти восемь тысячелетий назад!

Еще через две тысячи лет в вавилонских клинописных таблицах мы встречаем уже не только хозяйственные расчеты, связанные с торговыми сделками или с записями домашних расходов, а и настоящие задачи по математике. Расцвет математики вавилонян — это эпоха Хаммурапи. Здесь мы видим уже сложные алгебраические действия, например, решение квадратных и кубических уравнений. Эти задачи теперь умеют решать десятиклассники.

Математика не родилась сразу. В древнем Египте, например, знали только такие дроби, у которых в числителе единица: $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_{17}$, $^1/_{298}$. Это очень усложняло вычисления. Не так давно люди не знали ни десятичных дробей, ни действий с ними. Десятичные дроби изобрел самаркандский математик Джемшид ибн-Масуд аль-Каши всего пятьсот лет назад, а в употребление у европейцев их ввел еще на полтораста лет позднее фламандский математик Стевин.

В математике делаются открытия и сейчас; она, как и другие науки, все время движется вперед и развивается.

Е. Владимирова

Земля и поезд

Я читал, что Земля обращается вокруг Солнца со скоростью тридцати километров в секунду. Почему же тогда на поверхности Земли не наблюдается ветра?

Леонид Баранов,
г. Орел.

Что такое ветер, Леня? Это — движение воздуха. Чаще всего движение воздуха, вызванное тем, что Солнце не везде одновременно и не везде одинаково сильно нагревает атмосферу земного шара.

Бывает и другой ветер — «ветер в тихую погоду».

Тишина. Ни листок не шелохнется. Но ты быстро бежишь или едешь на велосипеде, и тебе бьет в лицо ветер. Тут не воздух движется мимо тебя, а ты движешься «мимо воздуха».

Возьмем-ка еще один пример. Ты едешь в поезде. Высунулся в окно — снова ударил тебе в лицо ветер. Ты сел на свое место — никакого ветра нет.

Почему воздух, находящийся в вагоне поезда, не образует ветра? Потому что он движется вместе с вагоном и вместе с тобой. А ветер, как мы уже выяснили,— это или когда воздух движется мимо тебя, или когда ты движешься «мимо воздуха».

Воздух, окружающий Землю, то есть земная атмосфера, не образует никакого ветра при движении нашей планеты вокруг Солнца, потому что он движется вместе с Землей, как и ты. Получается то же, что было в вагоне поезда.

Но, высунувшись из окна вагона, ты ощущал ветер, потому что снаружи—воздух, который не движется вместе с поездом.

Ты, может быть, думаешь, что и вокруг Земли, за пределами земной атмосферы, есть еще какой-то воздух, который не движется вместе с Землей и, значит, должен образовывать ветер?

Нет, Леня, за пределами земной атмосферы воздуха нет, а значит, с какой бы скоростью ни мчалась Земля вокруг Солнца, ветра все равно не получится.

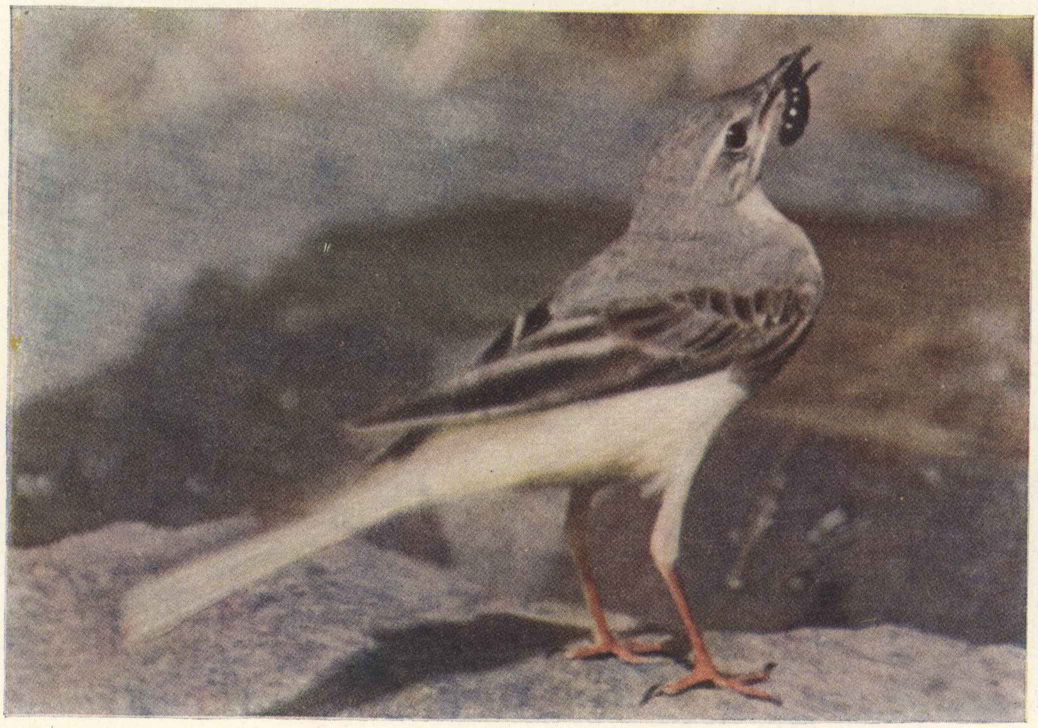
Е. Рубцова

Косуля. Фото Н. Немнонова.

АИСТЫ.

ТРЯСОГУЗКА.

Фото Н. Немнонова.

ГОРИ, КОСТЁР!

Последний лагерный костер! Прощальный костер! Он и торжественный, и веселый, и в то же время немного грустный.

Веселый потому, что весело чувствовать себя взрослее, сильнее, крепче, знать, что не зря прошло лето. Грустный потому, что оно прошло, милое зеленое лето.

Зажигаются костры по всем пионерским лагерям — от края до края советской земли. Зажигаем и мы прощальный костер нашего лагеря в журнале. Вот он полыхает, и трещит, и разбрасывает искры, как все пионерские костры, и уж, конечно, он загорелся, как полагается, от одной спички: зря, что ли, все лето ходили ребята походами, разжигали костры и в лесу, и у реки, и у себя «дома» — на лагерной площадке!

Хорошо у костра с друзьями, и хорошо, когда друзей много. А их много у нашего костра. Всем хочется рассказать, что им принесло лето и что они сами взяли у лета. Всем, пожалуй, не хватит времени, да и на страницах тесновато. Но если начнем по очереди, по порядку,— услышим больше.

Первыми спешат взять слово те, кто за лето стал богаче. Они спешат похвалиться своими богатствами, тем более что богатства-то особые: их в кошелек не спрячешь, их не разменяешь на мелочь, не растратишь зря, потому что это богатства новых знаний, богатства трудом и упорством приобретенной сноровки и новых навыков.

Итак, слово умелым мастерам.

Говорят пионеры, отдыхавшие в Калужской области, в лагере авторемонтных заводов, и пионеры лагеря имени М. Горького, Ивановской области.

Первые сорок километров

Летом в лагере я занимался в автокружке и научился водить машину.

У нас в школе в автокружок принимают только старших ребят: восьмиклассников, девятиклассников. Я перешел в седьмой класс, а мой товарищ Коля Молотков — только в шестой. Но в лагере нас приняли в автокружок.

Мы изучили устройство автомобиля «Москвич», правила уличного движения. Интереснее всего, конечно, самому сидеть за рулем и вести машину. К концу смены каждый из нас наездил уже по сорок — пятьдесят километров. Мы помогали лагерю: подвозили продукты, строительный материал.

Больше сорока ребят из нашего лагеря перед отъездом домой получили справку, что умеют водить машину.

Теперь моя мечта — продолжать занятия по автоделу в кружке в Доме пионеров и получить любительские права.

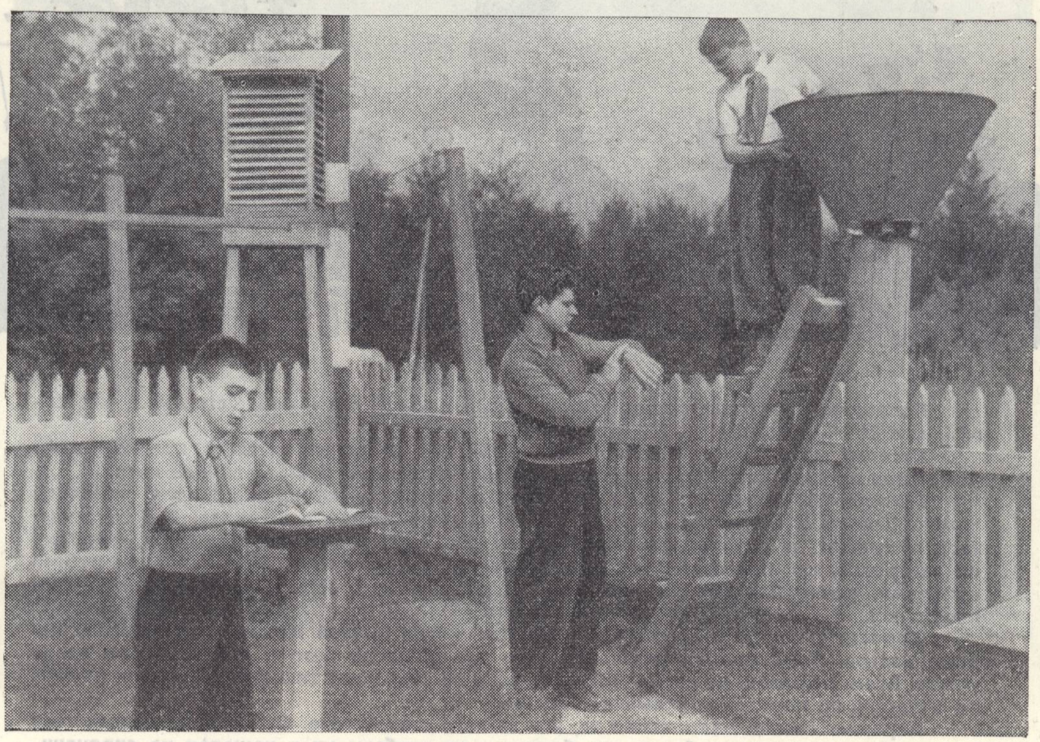
Леня Яблонский, 2-й отряд.

Наши предсказания

Каждый вечер перед отбоем наш лагерь слушал сводку погоды. Эту сводку составлял и передавал по местному радио наш географический кружок.

На специальной географической площадке мы три раза в день измеряли температуру

Географическая площадка в нашем лагере.

воздуха и почвы, влажность воздуха, количество осадков. Мы узнали, какие бывают виды облаков и что они несут с собой: дождь, ветер, град... Мы убедились сами, что если ласточки парят высоко в небе, комары толкутся тучами, с вечера туман покрывает землю, пчелы рано вылетают в поле, небо при закате золотисто-розовое, а вечером звезды мерцают слабо и отливают зеленоватым блеском, будет хорошая погода. Если ласточки летают над самой землей, птицы жмутся к гнездам, дым из трубы стелется по земле, а наш барометр показывает дождь, быть плохой погоде.

Как-то был такой случай. Целый день не переставая шел дождь. Беспросветные серые тучи заволокли все небо. Дождь не утих и к вечеру. А по показаниям наших приборов погода должна была измениться. И мы объявили в прогнозе на следующий день прояснение и солнце.

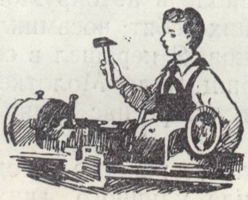
Просыпаемся на другой день утром — дождь. Нам нигде проходу не дают. Эх вы, горе-географы, говорят!

Мы уж было совсем приуныли. И вдруг после обеда ветерок разорвал тучи. Выглянуло солнышко, стало тепло, запели птицы.

После этого случая ребята стали с уважением относиться к нашим прогнозам. Да и мы сами поверили в свои силы. Ведь метеорологи мы были неопытные, только здесь, в лагере, начали учиться определять и предсказывать погоду.

Женя Юрченко, Наташа Сморчкова, 3-й отряд.

Своими руками

Я уверен, что каждый из вас работал молотком, забивал гвозди. А вот делать молоток, наверное, никому не приходилось!

В лагере я первый раз в жизни своими руками из шершавой некрасивой болванки сделал блестящий новенький молоток.

В нашем четвертом отряде почти все ребята, даже девочки, увлекались слесарным делом. Сначала мы учились владеть инструментом для обработки металла, обращаться со станками — токарным, сверлильным.

И наконец получили первое задание — сделать молоток. Нелегко отрезать от заготовки брусок нужной длины, потом обточить его, выровнять, сточить угол (у молотка ведь один угол бывает острым), просверлить отверстие для рукоятки. Но какое удивительное чувство испытываешь, когда видишь, что металл тебе подчиняется!

К концу лагерной смены мы сделали тридцать молотков (деревянные рукоятки приготовили ребята из столярного кружка), тридцать контрольных угольников и несколько гаечных ключей. Эти изделия мы сдали на авторемонтный завод. Сейчас ими пользуются рабочие.

Дима Филатов, 4-й отряд.

Нужная специальность

Мы с моим другом Вадимом Воронцовым каждый год вместе приезжаем в наш лагерь имени Горького, и еще не было случая, чтобы мы уехали отсюда, не научившись какому-то новому интересному делу.

Этим летом мы решили стать киномеханиками. Во-первых, потому, что мы оба очень любим кино. И потом специальность эта нужная в школе: на сборе, на уроке часто приходится показывать фильмы. Не приглашать же каждый раз «специалистов» из чужих классов!

В конце смены мы, как и многие другие ребята, получили звание пионеров-инструкторов по киномеханике. Это значит, что мы должны и других ребят научить обращаться с киноаппаратом.

Учить чему-нибудь других гораздо труднее, чем самому научиться. Но это интересно. И какое большое удовольствие испытываешь, когда твой ученик поймет и начнет делать правильно! Я с удовольствием буду учить ребят киномеханике.

Валерий Никитин, ученик 7-го класса.

Ситцевое платье

У нас в семье я младшая. Поэтому мама всегда считала меня маленькой. И я никогда дома ничего не делала.

И вдруг, вернувшись из лагеря, я говорю: «Хочешь, мама, я сошью наволочки и пододеяльник?»

Мама сначала очень удивилась, а потом, когда увидела, что я действительно научилась шить, подарила мне ситцу. И я сама сшила себе платье.

В лагере я работала в швейном цехе нашей детской фабрики. Мы шили карнавальные наряды и костюмы для танцевального кружка.

В нашем швейном цехе работали и мальчики. Вот, например, у Стасика Калинцева золотые руки. Застопорит у кого-нибудь машина — Стасик все исправит, объяснит.

Теперь маме не придется, как бывало, ночами готовить мои вещи для лагеря. Я еще и маме все перечинить успею.

Ляля Якушкина, ученица 5-го класса.

Миша Голиков — еще октябренок. Скоро его примут в пионеры, и в отряд он придет не с пустыми руками: он уже умеет демонстрировать кинофильмы и сможет научить этому других ребят.

Нас пятьдесят, не считая октябрят

Журналистка Елена Михайловна Каралина побывала у пионеров села Макеевки. Она расскажет вам, как провели лето макеевские пионеры.

Из школы Микола пришел хмурый; молча сел на лавку, молча пообедал. После обеда принялся готовить уроки. Сестренка что-то быстро, громко рассказывала матери, и он произнес недовольно:

— Ото завела! Тарахтит так, что иголку ткнуть некуда.

Микола не в духе с утра. Утром на ферме поил телят, а Мазун был такой скучный, и Зорька тоже вялая. Наверное, потому, что на ферме нет солилизунца. Телятам нужна соль, зоотехник сам говорил! В школе тоже вышло нехорошо: перед уроком дружок Миколы Витя стал рисовать на доске рожицу, подскочил Микола, изобразил поросенка на задних ножках. Тут в класс вошла учительница, и друзьям попало. А Микола не привык получать замечания. Держится он всегда спокойно, солидно, никто из соседей ни разу не пожаловался на него матери.

Распахнулась дверь, и вошел с лыжами Витя. Он тоже взял шефство над телятами, и карманы его куртки набиты хлебными корками. Микола оделся и, открыв шкаф, отрезал от буханки большой ломоть.

— Снова телятам хлеб переводишь,— упрекнула сестренка,— вот я маме скажу!

— Я и сам скажу, а тебе надо язык на защепку прищепить.

Микола взял свои лыжи, и друзья отправились. Село Макеевка расположено на двух больших холмах, разделенных яром. Вокруг села тоже холмы. Гладко лежит на них снег, и ребятам раздолье.

Микола и Витя мчатся — только свист в ушах! Кто-то со смехом обгоняет их. Конечно, это Оксанка из четвертого класса. На два года младше, а до чего отчаянная!

Хорошо на лыжах, жаль только, что зимний день короток. Солнце заходит, время отправляться на ферму. Мальчики идут по дороге и вскоре выходят на широченный выгон, по краям которого стоят хаты и длинное здание телятника. В дежурке телятница разливает из большого бидона подогретое молоко. Девочки, замотанные в платки, расхватывают ведра с молоком, несут их своим подшефным, а те, завидя девочек, громко мычат разными голосами. Тащит ведро и Микола. Зорька лижет его руки шершавым теплым языком, Микола гладит, поит ее и с тревогой поглядывает на Мазуна, понуро стоящего в сторонке. Обычно он нетерпеливо подталкивает Миколу под локоть. Неужели заболел? Молоко Мазун все же пьет, хотя и неохотно. Чистя его круглой щеткой, Микола спрашивает телятницу:

— Соли еще не привезли?

— Да ну...— отмахивается женщина,— три недели зоотехник все обещает. Везут и все не привезут никак.

Микола хмурится и говорит сердито:

— Вот пойду сейчас и скажу зоотехнику, чтобы доставал соль.

Решиться на этот разговор застенчивому Миколе нелегко.

Животных Микола любит. Была у них коза, и он ходил к ней в сарай, кормил ее, гладил, приговаривая: «Ты ж моя милая, ты ж моя хорошая!» И коза так привязалась к мальчику, что пастись без него не хотела. Сидит Микола на лугу, и коза пасется, но стоит ему спрятаться, коза начинает озираться и беспокойно мекать. Если не найдет Миколы, мчится домой.

Только беспокойство за своих подшефных заставляет Миколу отправиться на поиски зоотехника. Обошел все фермы — не нашел. В коровнике сказали, что зоотехник в конторе. Микола туда. В конторе толпились бригадиры, за столом сидел молодой, рослый председатель — давал наряды на завтра. Рядом с ним сидел зоотехник. Микола стал у окна, дожидаясь, пока все разойдутся. Сердце у него колотилось. Александр Иваныч — председатель хороший, все говорят. Работает недавно, а уже многое наладил. В войну ему было четырнадцать лет, столько, сколько сейчас Миколе. Фашисты увезли его в Германию, там он работал у помещика. Микола смотрит на усталое лицо председателя, так хочется чем-то помочь ему. Председатель внимательно слушает Миколу и взглядывает на зоотехника.

— Да привезли уже лизун! — оправдывается тот.— Не успели еще на фермы раздать.

* * *

Наступает весна. Сначала холодная, дождливая, но к середине мая уже устанавливается жара. И до чего же приятно видеть, как вдоль шоссе возле колхоза поблескивают первыми листиками молоденькие черешни и клены!

Всей дружиной сажали их. А кроме того, каждый пионер взялся посадить, где захочет, пятнадцать кустов или деревьев.

говорит Оксана.— Смотри, ее акация затеняет. А у меня, знаешь, сколько посажено? Девятнадцать!

Оксана любит быть первой, и, если все решили посадить по пятнадцати кустов, она посадила больше. Оксана очень довольна тем, что это от ее четырех кроликов, которых она отдала осенью в школу, расплодился целый крольчатник: пятьдесят два кролика. Ухаживают за ними семиклассники. Есть еще звено телятников, полеводов и — самое большое — звено овцеводов.

А началось все с того, что вожатая Людмила Федоровна прочитала на сборе газету «Зирка». В газете писали о том, что в каждой школе должна

Толя еще октябренок, но шефы позволяют иногда и ему поухаживать за теленком.

Подружки идут вместе из школы. Смуглая Оксана быстра, бойка, всегда смеются ее карие глаза. Галинка, маленькая, с большим выпуклым лбом, держится степенно, изредка улыбаясь. Подходят к хате, кладут на крыльцо портфели и, расхаживая по огороду и садику, смотрят, как принялись посадки Галины. Зеленеют кустики сирени, смородины, три вишенки, кленок, шелковица...

— Шелковицу зачем под забором посадила? —

быть бригада животноводов. «Поможем взрослым догнать Америку по производству молока, мяса и масла на душу населения!»

Ребятам понравилось это. Вместе со взрослыми они будут подымать животноводство колхоза. Дружина у них невелика: всего пятьдесят пионеров. Все пятьдесят и вошли в бригаду. Постановили: каждому вырастить по два цыпленка для колхоза и еще по два кролика.

Бригадиром единодушно выбрали Миколу Лучного. Этот тихий хлопец с синеватыми пытливыми глазами хорошо учится и лучше всего шефствует над телятами. Выбрали и звеньевых. Оксана — звеньевая овцеводов. Она отличница. Батько ее — чабан. В прошлом году Оксана пасла с отцом овец, заработала за лето сто тридцать пять трудодней.

Взрослому не пробежать столько, сколько бегает по крутым склонам Оксана, заворачивая овечек. Знает она и какие травы любят овцы. Она прочитала книгу про овец разных пород; если ребята спросят что-нибудь, она им все объяснит.

В первый раз на выпас явилось все звено, овцы напугались и побежали, а чабаны рассердились. Но потом договорились, что дежурные будут приходить по трое.

Заметила Оксана, что маленькие ягнята устают и вечером едва плетутся в конце отары, и теперь девчата ходят встречать ягнят, берут их на руки и несут до фермы.

...Сидят четыре девочки на зелени холма, вокруг пасутся овцы, и Оксана объясняет: в жару надо вести отару против ветра. И соль надо давать ягнятам, а то понаедятся солончака — животы заболят.

— Вот этот белый баран сердитый, смотрите...— Она подбегает к барану, дает ему кусок хлеба, а другой прячет за спину. Баран хочет получить и второй кусок, он крепко упирается в колени Оксаны и валит ее на землю, пытаясь добраться до хлеба. Оксана вскакивает, убегает, а баран семенит за ней, потом останавливается, глядя на смеющихся девочек, презрительно шевелит губами и уходит.

— Завтра за грибами поедем,— мечтательно говорит Галинка.— Людмила Федоровна сказала, что к девяти часам у школы будет машина.

— Опять Оксана больше всех наберет. Ты поедешь, Оксана?

Это Галинка и ее подружка, вместе с которой они выращивают цыплят. А на соседней фотографии — Оксана Бойко с одним из своих воспитанников. Такая же фотография висит на доске почета в коридоре школы, среди фотографий ребят, которые выработали больше ста трудодней.

Самый крупный кролик в крольчатнике. Оксана принесла его совсем маленьким, а теперь у него уже есть дети и внуки.

— Поеду. Батько и без меня тут управится. Будем купаться в Удае, да, девчата?

— Нам еще надо дров набрать для бабуни,—деловито замечает Галинка.— Насобираем в лесу и привезем на машине.

Бабуня, о которой идет речь,—единственная в селе старушка-одиночка. Колхоз ей помогает продуктами. У нее огород, коза с козлятами, куры. Пионеры решили помогать ей.

— Весной вышла во двор, а кругом грязюка, кучи снега, не пройти...— рассказывает бабка.— Смотрю, идут до меня девчатки, хлопцы в красных галстуках, лопаты у них, метлы. Как взялись убирать! Все чисто вымели. Потом в хату зашли. «Давайте еще что-нибудь сделаем! Мы теперь до вас, бабуня, всегда приходить будем». «Только не все разом,— говорю им,— а то у меня от шума голова болит». Вот и приходят девчатки по трое — по четверо. Воду носят, пол подметают. Потом сядут тихонько: «Что вам почитать, бабуня?» Стишки прочтут, сказку, таки гарни детки! И хлопцы ходят. Утром открыла дверь в сени, а деревина как загремит — притащили откуда-то.

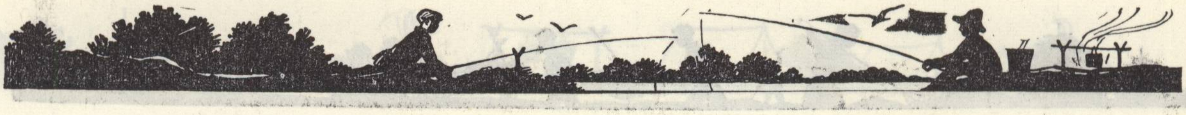
* * *

Красивы холмы с пышным травостоем! Сюда пригоняет пастух телят старшей группы. А младших телят пасут Микола и Витя, каждый по тридцать штук. По шестьдесят трудодней начисляют им в месяц да еще за каждые десять кило привеса доплачивают пять рублей.

Смешно было, когда выпустили впервые на траву малышей: обрадовались, скачут. А трава еще коротка — ухватить не могут, сердятся. Мальчики отыскивают для своих питомцев траву получше, следят, чтобы не объелись люцерны. На выпас Микола приносит книжку и тетрадь с карандашом: рисует в ней холмы, дубки, облака и телят; больше всего ему нравится рисовать животных.

Сегодня Микола выйдет пасти с обеда. Он берет велосипед — у них с батькой общий — и едет по селу. Останавливается у крольчатника, осматривает кроликов, делает замечание дежурным, и девочки тут же начинают приводить в порядок клетки и загончик. Он объявляет, что в воскресенье намечен трехдневный поход по историческим местам их района. Ночевать будут в палатках, а потом пойдут в Чернухи, на слет туристов.

На краю села работает звено полеводов — закладывают в яму кукурузу на силос для телят; Микола и полеводам сообщает о походе. На обратном пути, подъехав к школьной спортплощадке, где старшеклассники шумно играют в волейбол, он соскакивает с велосипеда, устремляется к перекладине, подпрыгивает и, ухватившись за нее руками, с удовольствием раскачивается. Вдруг Микола замечает: мелькнула среди зелени кустов вышитая рубашка директора, он идет сюда своей быстрой походкой, и вьющийся чуб его разлетается по ветру. Простой и веселый этот Николай Родионович! Работает у них в школе недавно, а живо перезнакомился с учениками и родителями, у многих побывал дома, захо-

дил и к Миколе... Сейчас он сообщает о том, что после туристского похода будет экскурсия в Полтаву, двадцать пять лучших учеников поедут. Могут поехать и Микола с Витей.

— Да не знаю...— произносит Микола нерешительно,— а как же телята...

* * *

Накануне отъезда я разговариваю с директором.

— Школа и колхоз у нас одно,— говорит он,— труднее всего в колхозе с кадрами, не хватает людей, но в этом году поможет школа; сейчас передаем в колхоз большое звено девчат, окончивших десять классов. Вообще-то народ здесь трудолюбивый! Какой-нибудь дед семидесяти лет отобьет косу и отправляется обкашивать холм, где косилке не пройти... Школьники приходят сгребать сено. Куда ни брось наших ребят — выполнят любое задание! А к началу занятий наша дружина торжественно отправится к правлению колхоза, каждый пионер принесет по две курицы и по два кролика, которых сам вырастил. Октябрята, и те выращивают цыплят. Так что птицеферма получит хорошее пополнение! Насчет кроликов председатель мне говорил: «Забирайте и тех, что остались у нас, не привыкли наши колхозники их разводить... Вот мы и устроим для колхоза настоящую кролеферму и своих кролеводов передадим. Вообще, это все только начало нашей работы... Есть в школе свой трактор, думаем завести комбайн, будем готовить для колхоза механизаторов. Животноводством займемся еще основательней...

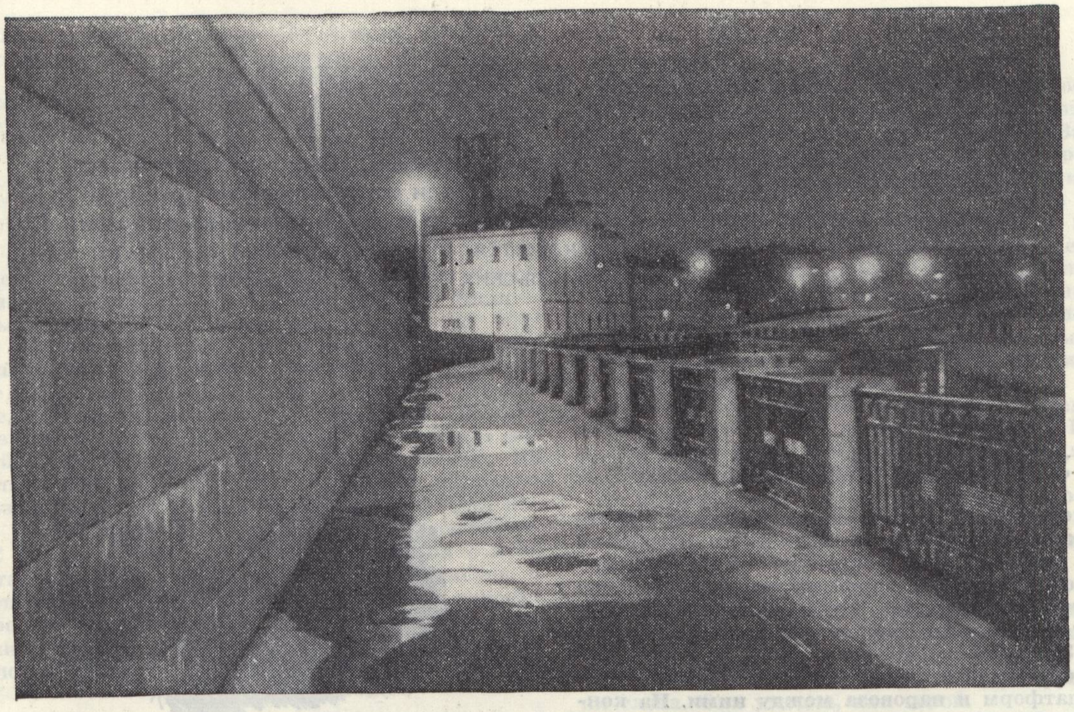
Утром возле школы стоит грузовик, в кузове ряды стульев, толпятся ребята, и Николай Родионович тут же. В кабине машины еду в Полтаву и я. Выезжаем на зеркально отблескивающее вдали асфальтированное шоссе Киев — Харьков. По сторонам его покачиваются тоненькие деревья. Кругом яркая, свежая от частых дождей зелень. Среди полей кое-где видны новенькие вышки: недавно в районе Чернух найдено месторождение газа... А дальше — холмы и леса березовые, дубовые, с цветами и грибами, с кукушками и соловьями... Старая ветряная мельница у дороги, давно уж она не машет крыльями...

Мелькнул указатель — дорога на Миргород. Яреськи, Дидова балка — чудесные гоголевские места! Кажется, вот сейчас из-за поворота появится воз, влекомый волами. Идут машины по шоссе, стайкой проносятся на велосипедах девушки в платочках, женщины, пристроив к велосипедной раме бидон и кошелку с курами. Блестя стеклами, мчится автобус-экспресс. Вдруг повеяло прохладой: у шоссе выстроился тенистый заслон тополей.

И мне вспоминаются тоненькие черешни у Макеевки, посаженные пионерами маленькой дружины, где все трудятся так дружно и весело.

В саду при школе любят собираться ребята. Заиграл баян, и тотчас нашлись плясуны.

Фотоконкурс «ПИОНЕРА»

«Набережная после дождя».
Игорь Загребельный, Москва.

«Наша кошка помогает собаке выкармливать щенков».
Андрей Бакланов, Ровно.

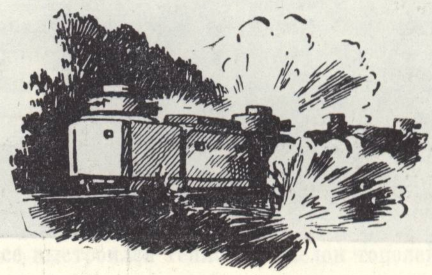

Рассказы о подвигах

На костер пришли юные путешественники. Они рассказывают у костра о том, что услышали, увидели, узнали о героическом прошлом комсомола в своих походах, и кажется, будто с ними на костер пришли комсомольцы разных поколений, кажется, будто в пламени костра колышутся алые складки комсомольских знамен, блестят ордена комсомола.

У разъезда Паленый Лог

На перегоне между Кыном и Лысьвой Уральская железная дорога делает много изгибов и не раз проходит через глубокие выемки: справа откос, слева откос. У одной из таких выемок, на разъезде Паленый Лог, колчаковцы развинтили рельсы и устроили засаду на красный бронепоезд. Это было в 1918 году.

Бронепоезд состоял из двух легко бронированных платформ и паровоза между ними. На концах платформ стояли орудия, а у бортовых амбразур — пулеметы. Экипаж — матросы с крейсеров «Аврора» и «Рюрик» и рабочие — уральские металлурги. Среди них — молодежь, первые комсомольцы.

И вот темной ноябрьской ночью враги устроили засаду. Передняя платформа бронепоезда с ходу прошла через развинченный рельсовый стык, а тяжелый паровоз застрял.

Отбивая непрестанные атаки, экипаж чинил путь и старался поставить паровоз на рельсы. Но на второй день этой героической обороны — 30 ноября 1918 года — осколок колчаковского снаряда пробил у паровоза сухопарник. Теперь уже бесполезно было поднимать на рельсы тяжко раненный паровоз. Оставалось только держаться до последнего, ждать помощи от своих.

Третьи сутки боев на исходе. Боеприпасов еще много, но продовольствие кончилось, а из пятидесяти человек осталось в живых всего шестнадцать, да и то многие ранены. И вот в ночь на 2 декабря комиссар повел уцелевшую горстку храбрецов на прорыв. В холодном вагоне у двух пулеметов остался лишь командир бронепоезда матрос Иван Шерстобитов — прикрыть товарищей огнем.

Несмолкающей пулеметной очередью он прижал к земле колчаковцев, выбежавших из деревни по сигналу своих часовых. Но колчаковцев было больше полка, а бойцов с бронепоезда — всего полтора десятка.

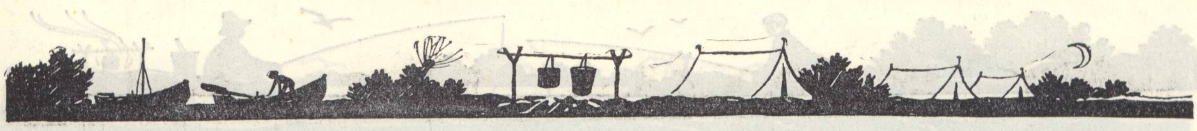
Неравный бой подходил к концу. Уже тринадцать человек были убиты, а двое тяжело ранены, когда вдруг загремело, загрохотало, и черный столб взрыва встал над путями. Это Иван Шерстобитов, видя гибель товарищей, взорвал бронепоезд и себя вместе с ним. Но и двое раненых бойцов не дались в руки белым. Помогая друг другу, они выбрались из окружения и, напрягая последние силы, доползли до своих.

Историю бронепоезда № 2 разведали юные туристы Урала. По их ходатайству Лысьвенский горисполком установил мемориальную доску на месте последней битвы бронепоезда, у разъезда Паленый Лог.

В борьбе с кулаками

В селе Кузьминец, Гайсинского района, Винницкой области, жил Феодосий Терещук, один из первых комсомольцев в этих местах. То было трудное, опасное время. Кулаки еще были сильны на селе, они действовали и угрозами и оружием. Терещук не боялся кулаков, смело выступал против них и объединял сельскую молодежь на борьбу за новую жизнь.

Злобой кипели кулаки против Феодосия Терещука. Однажды подстерегли они смелого комсомольца и зверски убили его. Но убить комсомольца не значит убить дело, за которое он борется. Товарищи и сверстники Феодосия продолжали борьбу. Они организовали колхоз в селе Кузьминец. Кузьминецкие колхозники и сейчас помнят и чтут имя Феодосия Терещука, комсомольца.

Юные туристы Винницкой области пришли в село Кузьминец. Они беседовали с колхозниками, слушали воспоминания тех, кто лично знал Феодосия Терещука, и записали историю его мужественной жизни в свои походные дневники.

Под свист фугасок

День, другой, третий ловит в эфире Колю Пьяных радист партизанского отряда. Коля — юный партизанский разведчик — ушел на боевое задание: выяснить расположение вражеского аэродрома. Маленькая Колина рация все молчит и молчит. Наконец радист поймал ее позывные, принял радиограмму: «Аэродром обнаружен». И снова молчание. Так долго не было вестей от Коли, что в отряде решили: погиб. Но Коля вовсе не погиб. Он установил по радио связь с частями Советской Армии и вызвал наши бомбардировщики на фашистский аэродром.

С ревом пикировали самолеты, падали с неба фугаски, кругом свистела и грохотала смерть, а Коля не покидал зоны бомбежки. Он вел корректировку, пока вражеский аэродром не был стерт с лица земли. Лишь после этого разведчик вернулся в отряд.

За операцию на аэродроме комсомольцу Николаю Пьяных присвоено звание Героя Советского Союза. А узнали о нем пионеры-туристы от боевого товарища Коли — партизана Беляева.

Нина Хрусталева

Среди глухого леса, в землянке, идет собрание комсомольцев-партизан. Принимают в комсомол троих: Нину Хрусталеву, Толю Лукина, Валерия Гаврилина. Вчерашние школьники-пионеры, они уже имеют боевые заслуги в борьбе против гитлеровских оккупантов.

Семиклассница Нина — организатор и командир подпольной пионерской группы в селе Столбове. Толя и Валера — бойцы этой группы. Ребята на свой страх и риск, как могли, вредили немцам: рассыпали гвозди на дорогах, портили продукты, разбрасывали листовки, которые сами и писали. Потом ушли в лес, к партизанам. И вот их принимают в комсомол.

Есть вопрос, который комсомольцы всегда задают вступающему в организацию: «Почему идешь в комсомол?» Задали этот вопрос и Нине Хрусталевой на собрании в лесу.

— Я родилась на советской земле,— просто ответила Нина.— Я хочу быть с теми, кто в первых рядах сражается за ее свободу. Если будет надо, отдам жизнь за Родину.

Прошло совсем немного времени с этого собрания. Комсомолка Нина Хрусталева, посланная отрядом в разведку, попала в руки фашистов. Они жестоко пытали ее, чтобы вырвать сведения о партизанах. Но Нина не сказала фашистам ни слова. Она умерла, как герой.

Юные туристы Ленинградской области отыскали в селе Столбове людей, знавших Нину: ее бывших одноклассников, ее товарищей-партизан.

Встреча на острове

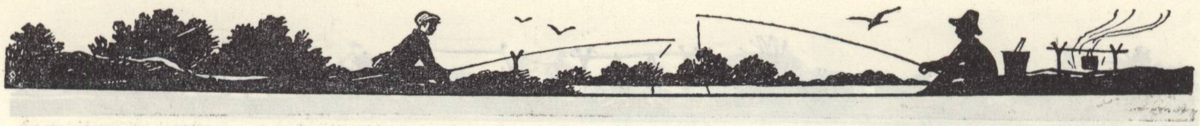
Как только начались каникулы, отряд № 67 юных путешественников отправился из Владивостока на остров Путятина. На острове, недалеко от прибрежного рыбачьего поселка, раскинулось озеро Лебяжье. Озеро знаменито своими лотосами, и ребята очень жалели, что еще не пришла пора цветения.

С самой высокой горы острова — сопки Старцева — юные путешественники увидели как на ладони весь остров и омывающее его море.

Директор Путятинского зверосовхоза повел ребят в царство пятнистых оленей. Шли дубовой рощей. Ноги утопали в высокой, сочной траве. Где-то рядом на дне оврага весело журчал ручеек. Олени подпустили путешественников довольно близко. Ребятам хотелось подойти еще ближе, потрогать оленей, погладить. Но, увы, этого не хотелось оленям. Легкий прыжок — и они исчезали в чаще.

Кроме оленей, здесь живут черно-серебристые лисы. Лучший лисовод Мария Камушкина показала ребятам лисиц в вольерах и рассказала о том, как их выращивают. Это дело трудное. Нужно строго соблюдать режим питания, режим света, уметь отбирать лучшие экземпляры.

Незаметно за разговорами, за путешествиями по звериному царству наступил вечер. Сумерки

обнимают остров. Первые звезды загораются в вышине, пахнет сыростью, травами, сосновой хвоей. Тишина. Только шум леса, похожий на шум моря, да приглушенные человеческие голоса. Ребята на крыльце разговаривают с Григорием Ивановичем Силиным, старым, опытным звероводом.

Силин исколесил весь Дальний Восток и горячо любит его могучую, удивительную природу. Он с увлечением рассказывает о жизни оленей и лисиц, об острове, о лучших людях зверосовхоза. И вдруг из случайно оброненных слов ребята узнают: в годы гражданской войны подросток Гриша Силин участвовал в борьбе с интервентами и белогвардейцами. Он был разносчиком большевистской газеты «Красное знамя». Газета выходила подпольно, за ее распространение грозила суровая кара, может быть, смерть. Но это не страшило газетчиков-подростков.

«Так вот он какой, Григорий Иванович!» — думали ребята, слушая неторопливый рассказ. И перед ними раскрывалась связь прошлого с сегодняшним, незримая, но крепкая. Сотни тысяч юных путешественников вот так же встречают скромных, на первый взгляд ничем не приметных людей и вдруг под будничной оболочкой открывают героев, которые сражались за будущее, ставшее сегодня настоящим.

Вы, конечно, поняли, что просемафорили здесь сигнальщики морского звена? А тем, кто еще не научился читать семафор, мы, так уж и быть, скажем. Тут написано одно слово: **«Внимание!»**

Слушайте, что говорит на нашем прощальном костре вожатый морского звена капитан I ранга А. А. МИКУЛЬШИН.

В море, как дома

Флаг пионерской навигации спущен. Но это не значит, что мы навсегда распрощались с морем. Кто по-настоящему любит море, тот и на берегу остается моряком. Вот я принес на костер несколько фотографий. Посмотрите их внимательно. Это сняты ребята, которые занимаются в кружке юных моряков Рижского дворца пионеров. Штурман Военно-Морского Флота Петр Михайлович Берзите уже четырнадцать лет руководит этим кружком.

За лето ребятам не так уж часто случалось выходить в море, но они круглый год считают себя моряками, и девиз замечательного русского ученого, путешественника и боевого адмирала Степана Осиповича Макарова навсегда стал их девизом.

«В море — значит дома», — гласит этот девиз.

Совсем не просто чувствовать себя в море, как дома. Привыкнуть к сложностям морской жизни — к тесной каюте, к штормам, к качке, к частой смене погоды — нелегко, но этого мало. Чтобы по-настоящему уверенно чувствовать себя в море, нужно еще многое знать. Ведь у себя дома в темноте, с закрытыми глазами каждый без ошибки найдет любую дверь, любую вещь, а на море, даже в ясный день, даже вблизи берегов, человек, незнакомый с наукой кораблевождения, чувствует себя, как в дремучем лесу. И недаром много столетий подряд поколения изобретателей и ученых трудятся, чтобы дать морякам верный способ ответить на два простых как будто вопроса: куда идет и где находится твой корабль?

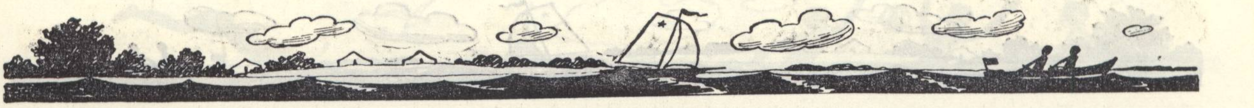
Ответы на эти вопросы дает наука кораблевождения. А изучать ее совсем не обязательно только в море. Даже настоящие моряки изучают ее сперва на суше.

В наше время все знают, что самый главный мореходный инструмент — компас. Где-то в глубине веков затерялось имя изобретателя этого замечательного инструмента. Известно только, что в XII веке из Китая через индийцев и арабов компас попал в Европу. В то время это была просто подвешенная на нитке намагниченная игла.

Прежде, когда не было компаса, у моряков, потерявших ориентировку, оставалась одна надежда — взойдет солнце, укажет точку востока на горизонте, и тогда с грехом пополам можно будет решить, верным ли путем идет корабль. Отсюда и пошли, между прочим, слова «ориентировка», «ориентир», потому что «ориент» по-латыни значит «восток».

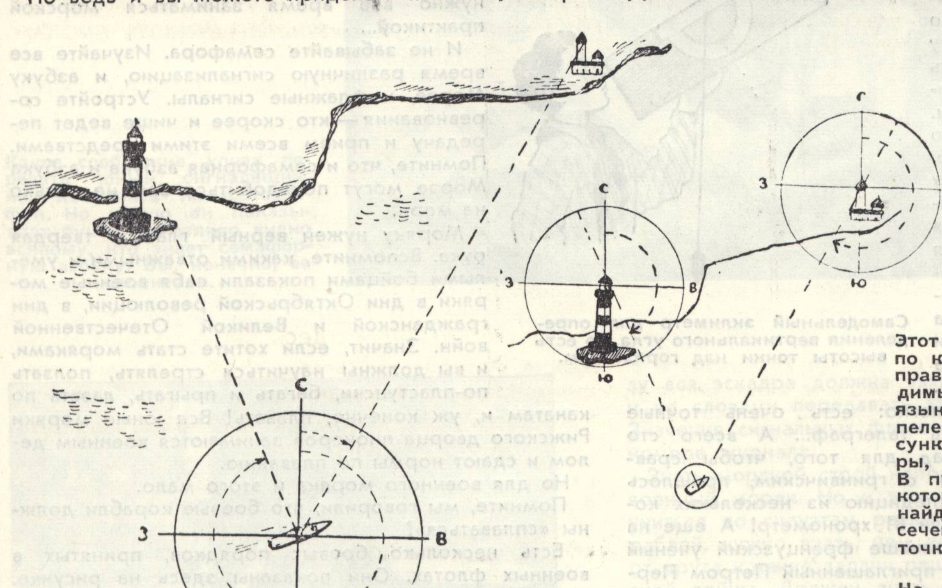
С компасом и в беззвездную ночь и в тумане судоводитель всегда знал направление, по которому идет его корабль.

Компас помог и в другом важном деле.

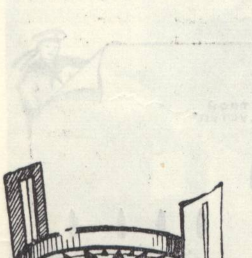
Помните, как мы снимали карту нашего маленького «моря»? Вот так же шаг за шагом, с помощью компаса моряки положили на бумагу настоящие берега, заливы, острова и проливы. Так появились карты морей. Моряк, вооруженный картой и компасом, едва завидев берега, мог без ошибки найти точку, в которой находилось его судно. А чтобы лучше и проще решать такие задачи, к компасу пришлось добавить приспособление, которое моряки называют «пеленгатором».

Но ведь и вы можете приделать к своему «морскому» компасу простенький самодельный пеленгатор, с его помощью составить карту школьного двора и играть в морское плавание: установив в любом месте двора свой компас («корабль»), по двум пеленгам двух отмеченных на карте предметов указывать место на карте. Эти навыки пригодятся вам когда-нибудь не только в морских, но и в сухопутных делах: летчику, геологу, разведчику, артиллеристу приходится так же вот находить свое место на карте. Ну, а если встанут перед вами какие-нибудь трудности, какие-нибудь неясности в этой игре, об-

Этот рисунок объясняет, как по компасу определяют направление на различные видимые предметы, или, говоря языком моряков, как брать пеленги. В левой части рисунка — корабль и ориентиры, которые он пеленгует. В правой части — карта, на которой штурман положил найденные углы и на пересечение двух прямых нанес точку нахождения корабля.

На фотографии — юные моряки Рижского дворца пионеров. Как видите, они учатся брать пеленги не только на море, но и на суше, в помещении своего кружка.

Вот самый обыкновенный компас с самодельным пеленгатором. Глядя в один прорез, вы поворачиваете компас так, чтобы волосок другого прореза лег на предмет, пеленг которого вы берете.

ратитесь к учителю математики за ответом, и он, я могу поручиться, обязательно вам поможет. Ведь в основе тут лежит математика!

Можно и по-другому определить свое место на карте. Определив долготу и широту места, штурман без труда может нанести его на карту.

Совсем недавно решать эту задачу было много труднее. Широту еще умели определять приблизительно по высоте Полярной звезды. А вот с долготой дело обстояло совсем плохо. Чтобы узнать долготу места, скажем, хоть Пулкова, где помещается главная обсерватория нашей страны, по отношению к Гринвичу, нужно точно знать, на сколько часов, минут и секунд разнится местное время этих пунктов. Сейчас это сделать легко: есть очень точные часы, есть радио, есть телеграф... А всего сто с небольшим лет назад для того, чтобы сравнить пулковское время с гринвичским, пришлось снаряжать морскую экспедицию из нескольких кораблей, на которых везли 81 хронометр! А еще на сто с небольшим лет раньше французский ученый Делиль де ла Кроайер, приглашенный Петром Первым для определения долготы Архангельска и других городов, так и не сумел выполнить это. А чтобы оправдаться как-то перед Петром, Делиль «на глазок» определил долготу этих пунктов, а вычисления «подогнал под ответ», как делают школьники, у которых не решается задача.

Самодельный эклиметр для определения вертикального угла, то есть высоты точки над горизонтом.

Определить долготу своего места вам пока что даже приблизительно не удастся. А широту вы можете определить в любую звездную ночь. Только придется сделать прибор для определения вертикальных углов — «эклиметр». Этот же прибор поможет вам решать и другие задачи: узнавать высоты зданий, деревьев, холмов.

Для того, чтобы стать настоящим моряком, нужно еще знать, как строится и как плавает ваше судно — изучить теорию и устройство корабля,— и нужно все время заниматься морской практикой...

И не забывайте семафора. Изучайте все время различную сигнализацию, и азбуку Морзе, и флажные сигналы. Устройте соревнования — кто скорее и чище ведет передачу и прием всеми этими средствами. Помните, что и семафорная азбука и азбука Морзе могут понадобиться вам не только на море.

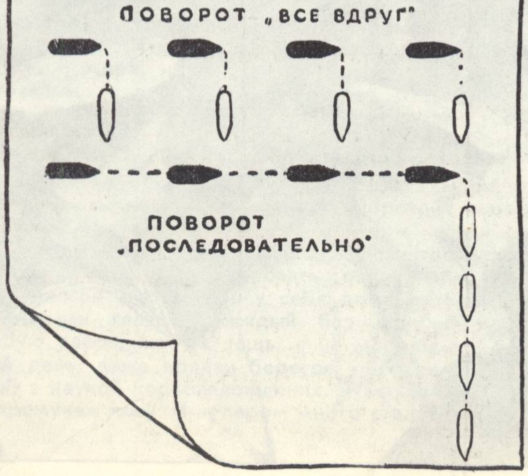
Моряку нужен верный глаз и твердая рука. Вспомните, какими отважными и умелыми бойцами показали себя военные моряки в дни Октябрьской революции, в дни гражданской и Великой Отечественной войн. Значит, если хотите стать моряками, и вы должны научиться стрелять, ползать по-пластунски, бегать и прыгать, лазать по канатам и, уж конечно, плавать! Все юные моряки Рижского дворца пионеров занимаются военным делом и сдают нормы по плаванию.

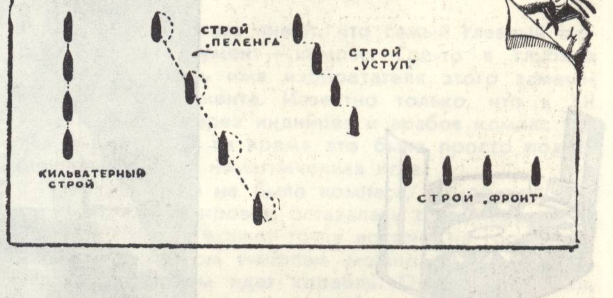
Но для военного моряка и этого мало.

Помните, мы говорили, что боевые корабли должны «сплаваться»?

Есть несколько боевых порядков, принятых в военных флотах. Они показаны здесь на рисунке. Там же показано, как поворачиваются и перестраиваются корабли в бою и в походе.

Чтобы лучше понять и запомнить все это, можно играть в такую игру: каждый участник считает себя кораблем. Командир — флагман — называет тот или иной строй, тот или другой поворот, и по его прика-

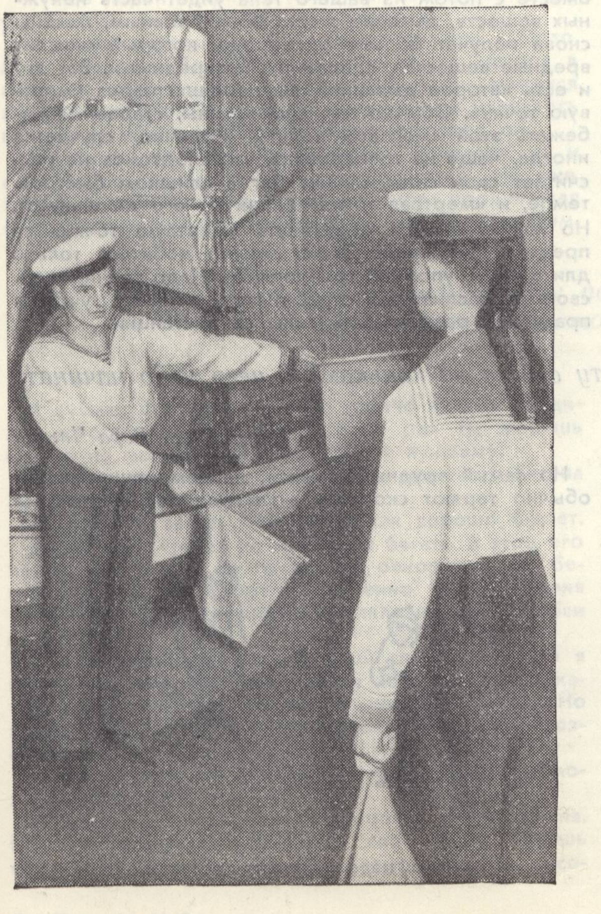
На правом рисунке изображены различные построения кораблей, а на левом — как делаются повороты. Вы видите, что корабли в кильватерной колонне, идущие курсом 90°, сделав поворот «все вдруг вправо на 90°», окажутся уже в строе «фронта вправо курс 180°». Напоминаю, что курс определяется по отношению к линии север — юг. Поворот на любой другой угол, кроме 180°, переведет их в строй «пеленга». А что будет при повороте «все вдруг на 180°»? Ну-ка, ответьте!

Как уже сказал вам вожатый, надо побольше заниматься морской практикой. Юные моряки Риги так и поступают. Вот они вяжут узлы, да не на бечевочках, а на настоящих корабельных канатах. Это потрудней!

Какое сообщение хочет передать юный сигнальщик, нам не узнать по фотографии. Но какую он показывает букву, отчетливо видно всякому, кто знает семафорную азбуку. Вы, конечно, ее прочитали.

зу вся эскадра должна выполнить маневр. Можно и не словами передавать эти команды, а флагами. Значение сигнальных флагов мы давали в прошлом номере журнала.

Знать морской строй непременно должен каждый военный моряк. Но и этого мало. Нужно еще научиться по силуэтам различать классы боевых кораблей, нужно знать, чем корабли отличаются друг от друга и какие задачи решают они во время морской войны. Должен знать моряк и славные дела нашего флота.

Вот я вам здесь, у костра, задам пять вопросов. Тот, кто даст мне самые лучшие ответы, получит от меня подарок: комплект карточек с изображением сигнальных флагов военно-морского свода. Таких, по которым учатся сигнальщики на флоте.

ВОТ МОИ ВОПРОСЫ:

1. Какой русский флотоводец руководил в морском сражении не только русской, но и английской эскадрой! Какой английский адмирал был под его командованием!

2. Какой русский адмирал при обороне крепости командовал не только кораблями, но и сухопутными войсками!

3. Какие офицеры русского флота прославились своими путешествиями!

4. Назовите два боевых корабля, один из которых участвовал в революции 1905 года, а другой — в Великой Октябрьской революции.

5. Назовите три города-героя, где советские моряки покрыли себя славой в боях против гитлеровских захватчиков.

Советы чемпиона мира

Вожатый нашего спортивного звена чемпион мира Олег Гончаренко пришел на прощальный лагерный костер в журнале. Ну, как тут ребятам не спросить у него совета, не задать ему вопросов о спорте, о тренировках, о своих затруднениях! Вопросов много. Каждый задает свои. Олег ГОНЧАРЕНКО отвечает.

Мне нравится легкая атлетика. А вот бегаю я все-таки неважно. Быстро устаю, как будто воздуха мне не хватает. И если быстро бегу на коньках, тоже выдыхаюсь. Как правильно дышать при беге, чтобы не уставать?

Спрашивает *Валерий Синицын.*

Главное — не горячиться. Пока не научитесь дышать глубоко и ритмично, бегайте медленно, небольшими дистанциями, в 60—100 метров. После 8—10 таких тренировок увеличьте дистанцию и пробегайте ее с переменной скоростью — то очень быстро (метров 20—40), то снова замедленно.

Каждый раз перед бегом «проветривайте легкие». Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов. Ваши легкие обогатятся кислородом, и бежать вам будет значительно легче. На дистанции старайтесь дышать свободно, не задерживайте дыхание, не учащайте. Увеличивайте скорость бега постепенно.

А что такое «второе дыхание»? Когда оно приходит? Зачем оно нужно?

Спрашивает *Рита Гусарова.*

Наверное, со многими из вас так случалось: и с конькобежцами, и с лыжниками, и с легкоатлетами. Идете вы на дистанции и чувствуете, что сил у вас больше нет. Бывает, что и финиш уже близко, а все равно не дойти. Хочется все бросить, сойти с дистанции, состояние у вас угнетенное, тяжелое. Вы больше ни на что не способны. Такое состояние называют «мертвой точкой». Происходит это потому, что в ваших мышцах в результате большой нагрузки вырабатываются вредные вещества. Они действуют на центральную нервную систему, движения ваши становятся неуверенными, неточными.

Но бояться этого не надо. Если заставить себя продолжать бег (в умеренном темпе), вам станет легче. Вместе с потом из вашего тела уйдет часть ненужных веществ, дыхание станет более ровным, мышцы снова получат больше кислорода, который окислит вредные вещества, сделает их безвредными. Вот это и есть «второе дыхание», вы перешли через «мертвую точку». Обычно мы, спортсмены, стараемся избежать этой «мертвой точки». Конечно, случается иногда, чаще на тренировках, что спортсмен не рассчитает свои силы, начнет бег в слишком быстром темпе, и «мертвая точка» застигнет его до финиша. Но мы стараемся отодвинуть «мертвую точку» за пределы дистанции. Этого можно добиться только длительной, упорной тренировкой. Надо тренировать свою выносливость, отрабатывать технику, учиться правильно рассчитывать силы на дистанции.

А как развивать быстроту в беге на коньках? С чего надо начинать тренировки?

Спрашивает *Вера Чвырь.*

Хотите научиться быстро бегать на коньках? Не торопитесь. Научитесь сначала хорошо бегать по прямой. Главное — отработать правильную посадку. Тренируйтесь непременно в медленном темпе.

Правильно держитесь, не клюйте носом, или, как мы говорим, не «завешивайтесь», это затрудняет дыхание. Многие думают, что если они завесили корпус вперед, хотя бы и на прямых ногах, то все в порядке — посадка у них правильная.

Старайтесь принять более низкую посадку, сгибайте сильнее колени. А для этого обязательно развивайте мышцы ног, «накачивайте» их силой. Ежедневно делайте приседания, но смотрите не переусердствуйте с первого раза, а то на следующий день ни согнуться, ни разогнуться не сможете.

Хорошо во время приседания держать за спиной небольшой груз (до двух—трех килограммов весом). Очень развивает мышцы ног велосипед.

Но самый трудный момент, на чем конькобежцы обычно теряют скорость,— это поворот, вираж. На

Вираж надо проходить вот так.

повороте легко потерять устойчивость, вас с силой относит в сторону. Не суетитесь на повороте, идите плавно, ритмично, не подскакивая... Иначе упадете...

Очень важно еще тренироваться, чередуя быстрый темп с замедленным так, как тренируются бегуны по системе Затопека. Попробуйте пробежать сто метров как можно быстрее, а потом двести метров медленно, почти как при обычном, спокойном катании. Потом снова сто метров быстро и двести — медленно. Пробегайте так полторы — две тысячи метров. Переменный бег поможет вам выработать качества, нужные и спринтеру и стайеру: скорость и выносливость.

А что делать, если ты уже больше не можешь добиться лучшего результата? Вот я беру высоту 1 м 20 см. Как перейти свой предел?

Спрашивает *Юра Брюховецкий.*

А достаточно ли вы тренируетесь? Ничто не приходит само собой. Хорошего спортсмена создает упорный труд. Возможно, вам не хватило каких-то качеств. Может быть, быстроты, может быть, резкости или прыгучести? Попытайтесь понять, чего вам недостает. Для прыгунов в высоту, например, очень полезно бегать на 60 и на 100 метров.

Побольше играйте в волейбол, баскетбол. Эти игры вырабатывают прыгучесть, быструю реакцию на меняющуюся обстановку. Разносторонняя подготовка поможет вам добиться успехов в соревнованиях, перейти предел, которого вы достигли.

И еще перейти предел помогает собранность, неудержимое желание добиться лучшего.

Я помню состязания на первенство мира в Осло. Мне пришлось бежать тогда пять тысяч метров в паре со шведом Эрикссоном. Эрикссон считался лучшим стайером в мире. Ни разу мне не удавалось показать таких результатов, каких достигал он.

Все были уверены, что выиграет Эрикссон, да и сам он, по-моему, не сомневался в этом. Но мне хотелось победить его. Я снова и снова продумывал свою тактику, искал, где Эрикссон мог быть уязвим. И решил вот что. В начале бега не брать инициативу на себя, пустить Эрикссона вперед, а когда ему будет казаться, что он уже победил меня, ошеломить его неожиданностью.

И вот старт взят. Я иду вслед за Эрикссоном, не пытаясь его обогнать. Видимо, он уверился, что это мне и не по силам... Когда первая половина дистанции уже была пройдена, я появился рядом с ним и даже вышел вперед. Как я и ожидал, Эрикссон резким рывком обогнал меня. Но я не стал его снова обгонять, зная, что из-за преждевременного рывка у Эрикссона не осталось сил для хорошего финиша.

Когда остался последний круг, Эрикссон шел метрах в десяти впереди меня. И тут я собрал всю свою энергию и сделал еще один рывок... Я достал его и обошел! На финише Эрикссон оказался в десяти метрах сзади меня.

Эту дистанцию я прошел за 8 минут 7,7 секунды. Никогда раньше мне не удавалось пройти ее быстрее, чем за 8 минут 18 секунд. Перейти свой предел помогли мне воля, желание победить, чтобы честь первенства принадлежала моей Родине.

А зачем нужны победители, соревнования? Почему надо стремиться быть чемпионом? Разве это — главное в спорте?

Спрашивает *Дима Иванов.*

Я думаю, что главное — это горячо любить то дело, которым ты занимаешься. А раз ты любишь его, то не можешь не стремиться к лучшему.

Как-то я прочитал у знаменитого чешского бегуна Затопека такую мысль:

«Спроси-ка зайца, почему он так хорошо бегает. Да потому, что он не может не бегать. В этом его жизнь. Так и я. Я не гонюсь за рекордами, но бегаю потому, что спорт и особенно бег для меня выражение радости жизни, проявление моей любви к жизни».

Я очень люблю конькобежный спорт. Когда-то я начинал с того, что мне просто хотелось ловко кататься на коньках. Теперь я чемпион мира. Но всегда мне хотелось использовать все свои возможности.

А как узнать, на что ты способен. Чего ты можешь добиться?

Конечно, и спортивная тренировка очень важна. На тренировке ты пробуешь свои силы, видишь свои недостатки. Но только на соревнованиях, в соперничестве с другими, ты полностью проявляешь себя. Ты сравниваешь свои результаты с результатами других, знакомишься с другой техникой, перенимаешь опыт лучших. Спорт немыслим без состязаний.

Достижения в спорте помогают повысить уровень спорта. Идущий впереди прокладывает путь другим.

Прошлой весной в Финляндии проводилось первенство мира по конькам. Когда мы уезжали, председатель конькобежного союза Финляндии сказал: «Русские заставили нас пойти вперед. Это потому, что они создали очень большую конкуренцию как нам, так и другим».

Рекорды помогают передвигать предел возможностей спортсменов все дальше и дальше.

И вам мне хочется пожелать: непременно стремитесь к лучшему, побеждайте, выигрывайте!

Только не зазнавайтесь, будьте настоящими товарищами, помогайте слабым, учите их и все время учитесь сами.

Зоосад переезжает в школу

Говорит вожатый лесного звена Игорь Петрович Сосновский

Вот вы, ребята, задавали разные вопросы чемпиону мира Олегу Гончаренко, а теперь я хочу задать вам вопрос: что вы сделаете с вашими лагерными зверушками?

В самом деле, у вас в пионерских лагерях за лето собирается настоящий зоосад. Тут и лисята, и ежи, и черепахи, и различные птицы, и ящерицы. Ребята заботливо ухаживают, растят их, и осенью так грустно бывает им расставаться со своими лесными друзьями.

Как с ними поступить? Увезти ли в город или выпустить в лес?

Конечно, если у вас в школе есть место для живого уголка, забирайте своих питомцев с собой. Но всем им нужно светлое, проветриваемое помещение, хорошее питание и внимательный уход, без этого они погибнут у вас. Поэтому, если вы не можете создать хороших условий, лучше выпустите своих питомцев в лес.

Не беда, если у вас нет клеток, аквариумов и террариумов,— вы можете сделать их. Только помните, что белкам, сусликам, суркам и другим грызунам нужны металлические клетки. Деревянные они легко прогрызают своими острыми зубами. Совсем несложно сделать и террариум. У него деревянный каркас, две стенки стеклянные, а две из мелкой сетки. Крышка может быть стеклянная, фанерная или сетчатая. Аквариум самим сделать сложнее, но для содержания рыбок годятся и большие стеклянные банки.

Не забывайте о том, что клетки и террариумы должны быть в полной исправности и все заперты. Иначе могут быть большие неприятности.

Вот какой случай произошел со мной, когда я был еще в вашем возрасте. Как-то поймал я в лесу под Москвой несколько безногих ящериц веретениц. Эти безобидные и полезные ящерицы, уничтожающие массу вредителей леса, очень похожи на змей. Их частенько путают со змеей медянкой, кстати сказать, тоже неядовитой, и нередко бесцельно уничтожают.

Так вот, представляете, какой был переполох, когда ящерицы выползли из террариума, который я забыл запереть, и расползлись по всему дому?!

А недавно произошел случай посерьезнее. Как-то звонят мне из одной пригородной птицеводческой фермы, просят приехать и помочь выяснить, какой хищный зверь повадился на ферму и таскает уток и цесарок. Много ночей дежурили работники на ферме, никак не могут уследить за ним.

Поехал я. Как раз в эту ночь выпал первый снежок, и на нем четко отпечаталась цепочка лисьих следов.

Но откуда взялась лиса на ферме? Оказывается, она убежала из живого уголка соседней школы. Недосмотрели юннаты, и их воспитанница принесла ферме большие убытки и сама погибла — пришлось ловить ее капканом.

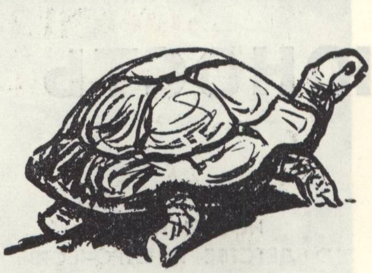
Хочется договориться с вами еще вот о чем. Нередко бывает, что ребята увлекаются животными в лагере, а в городе забывают о них. Плохо ухаживают за ними, плохо кормят и в конце концов выпускают из теплого живого уголка прямо на мороз певчих птичек, белочек и других животных. Это уж совсем никуда не годится. Ведь они обязательно погибнут.

Ребят, которые так поступают, нельзя считать юннатами. Животных надо любить. И уж если вы привезли их в школу или домой, то создайте для них такие условия, чтобы неволя не была им в тягость, а отсутствие свободы, к которой они привыкли в лесу, восполнялось вашей лаской, вашим добрым словом. Животные отлично их чувствуют. Всех своих питомцев вы должны сохранить до весны.

Часто ребята привозят с собой черепах. Но как только наступает осень, черепахи перестают есть, делаются вялыми и этим доставляют много беспокойства ребятам, которые не знают, что температура тела всех пресмы-

кающихся — змей, ящериц и черепах — зависит от температуры окружающей среды. Поэтому с наступлением холодов они прячутся в глубоких норах, под корнями деревьев, на дне водоемов и спят там до наступления весны. Но если в вашем террариуме будет тепло, они будут бодрствовать всю зиму. Террариум с черепахами устраивайте поближе к отопительным батареям, обогревайте его электрической лампой с жестяным абажуром. При температуре воздуха 22—25° тепла черепахи чувствуют себя великолепно и едят с аппетитом.

Сухопутных черепах кормите капустой, белым хлебом, намоченным в молоке, вареной морковью, яблоками и другими фруктами. Водяные черепахи — хищники, они едят сырое мясо и рыбу, нарезанные кусочками.

Мелкие ящерицы — зеленая, прыткая, живородящая и другие — питаются насекомыми, которых трудно раздобыть зимой. Для них нужно развести в нескольких больших стеклянных банках мучных червей — личинок мучного хруща. Этот корм можно покупать и в зоомагазинах.

Мелкие певчие птицы тоже неплохо себя чувствуют в комнате. Зерноядных птичек: чижа, овсянку, щегла, зеленушку, зяблика — нетрудно прокормить зимой. Они едят просо, овсяную крупу, белый хлеб, крутые яйца, конопляное, репейное семя и семена других растений. А вот для насекомоядных птиц: синицы, мухоловки и славки — обязательно сделайте запасы муравьиных яиц, мучных червей. Синицы не прочь полакомиться кусочками колбасы, сальца, они едят хлеб и фрукты.

Ребята часто ловят добродушных и полезных ежей. Ежик хорошо живет в неволе. Он быстро привыкает к людям, охотно пьет молоко, ест сырое мясо, яйца. Но увозить его в город не стоит: в лесу он нужнее, он истребляет там вредных насекомых, гусениц, голых слизней, мышей и даже ядовитых змей.

В лагерных зоосадах нередко можно встретить и лисят. Лиса тоже полезное животное, она питается мелкими грызунами: мышами, полевками, водяными крысами. Маленькие лисята очень забавны, их интересно воспитывать, но зато когда они вырастут, они доставляют много забот. Им нужно хорошее сырое мясо, молоко и масло, за ними надо тщательно убирать и все время быть начеку: взрослая лиса кусается. Поэтому, если лисенок, живущий у вас, подрос, выпустите его на свободу.

Белка долго может жить в неволе. Питается она орехами, семечками, хлебом, сушеными грибами, ягодами, фруктами, ест хлеб, сахар, охотно пьет молоко. На вид это кроткий и симпатичный зверек, но не очень доверяйте ей — она может нанести глубокую рану своими длинными резцами.

Чтобы в вашем зоосаду был образцовый порядок, установите дежурства. Дежурный должен каждый день убирать клетки и весь живой уголок, собирая мусор в железные ведра или бочки с крышкой, проветривать помещение, следить за температурой воздуха.

Кормить обитателей живого уголка надо два раза в день — утром и вечером. Надо также следить, чтобы у них всегда была чистая питьевая вода. Оберегайте своих питомцев от сквозняков, табачного дыма и чрезмерного тепла. Разводите побольше комнатных цветов, они украсят живой уголок, освежат воздух.

Но даже в хороших условиях ваши воспитанники могут болеть, и вам придется их лечить, обращаться к ветеринарному врачу. И здоровые животные могут распространять блох, мухоедов, клещей и глистов, опасных для человека. Поэтому необходим постоянный ветеринарный надзор за вашим зоосадом.

Уходя из зоосада, обязательно мойте руки с мылом.

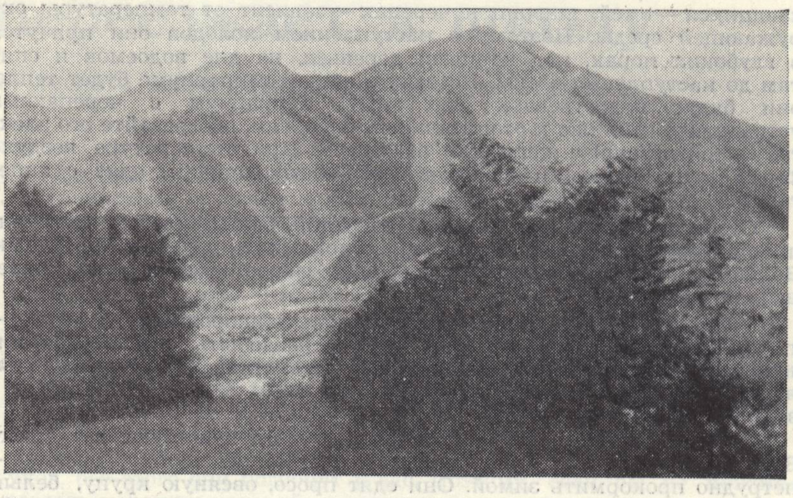
Если вы будете внимательно следить за повадками своих питомцев, вы узнаете много интересного. Обязательно записывайте свои наблюдения в дневник, делайте зарисовки, а если что-либо вам будет непонятно или возникнут какие-либо затруднения, пишите мне. Я постараюсь ответить на ваши вопросы.

Я уверен, что жители вашего небольшого школьного зоосада доставят вам много радости. Если вы подружитесь с ними, они откроют вам свои лесные «секреты».

Мятежная юность

НОВЫЙ ФИЛЬМ
О ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Р. КАНДЕЛАКИ

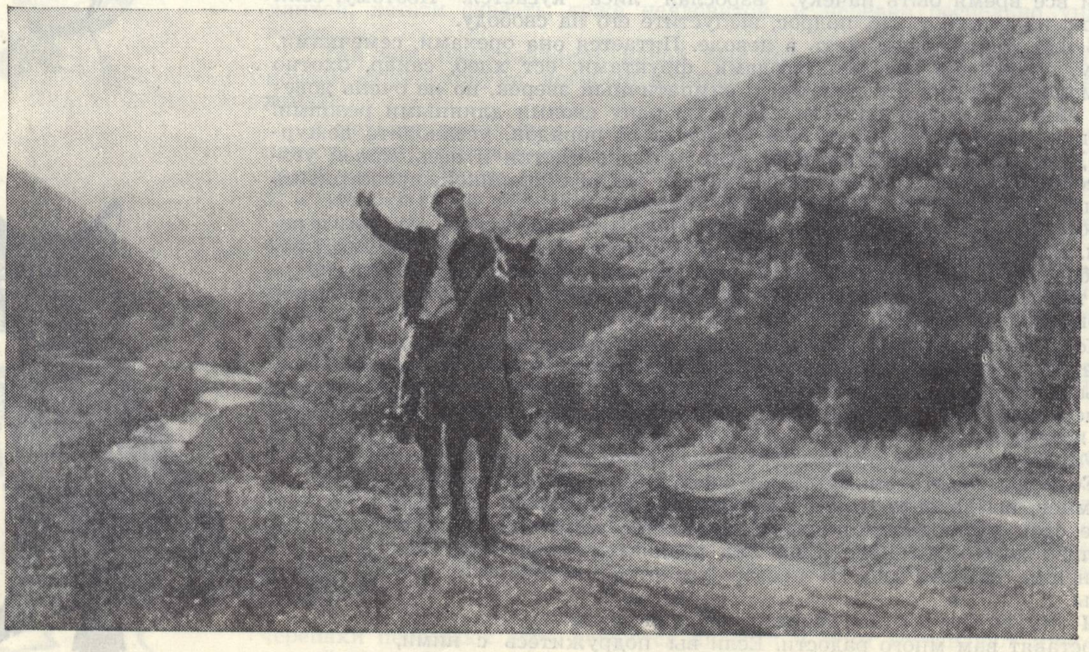
Все изменилось. Только горы те же — в седом тумане и в глубоких морщинах ущелий.

Грузия. Багдадское лесничество. Хребты гор, покрытые вековым могучим лесом.

У подошвы горы, на повороте быстрой и чистой реки Ханис-Цхали, стоит дом на столбах. Верх дома — жилой — сложен из толстых каштановых бревен. Каштан — прочное, не поддающееся гниению дерево. Пожалуй, можно подумать, будто строитель, зная, что дому этому суждено когда-нибудь стать знаменитым музеем, так и строил его на века.

Здесь шестьдесят пять лет назад поселился с семьей багдадский лесничий Маяковский. И летом 1893 года в этом доме родился у него сын Володя.

Любившие лесничего объездчики и лесни-

Лесничий Маяковский (артист А. Хорава) в горах ищет сына, зовет его: «О-гей, Володя, гей!»

ки примчались на конях из самых дальних лесных углов, чтобы по грузинскому обычаю дружным залпом из ружей поздравить отца с рождением сына. Сын — большая радость в семье. Простодушные лесники прокричали свои поздравления, выпили заздравную чашу и ускакали.

Но (хочется так думать!) эхо отдало громовые раскаты залпа с невиданной силой в горах: ведь родился большой поэт!

Было это давным-давно. Много воды утекло с тех пор в реке Ханис-Цхали.

И вот сегодня, в солнечное утро 1958 года, вновь к старому дому у излучины реки, как встарь, прискакали лихие лесники, осадили коней и дали дружный залп в воздух из старых ружей.

Что за чудо? На веранде появился живой лесничий Маяковский — он самый, в белом кителе, с черной бородой, сияющий здоровьем и радостью. Вскинул руку: «Спасибо, друзья!»

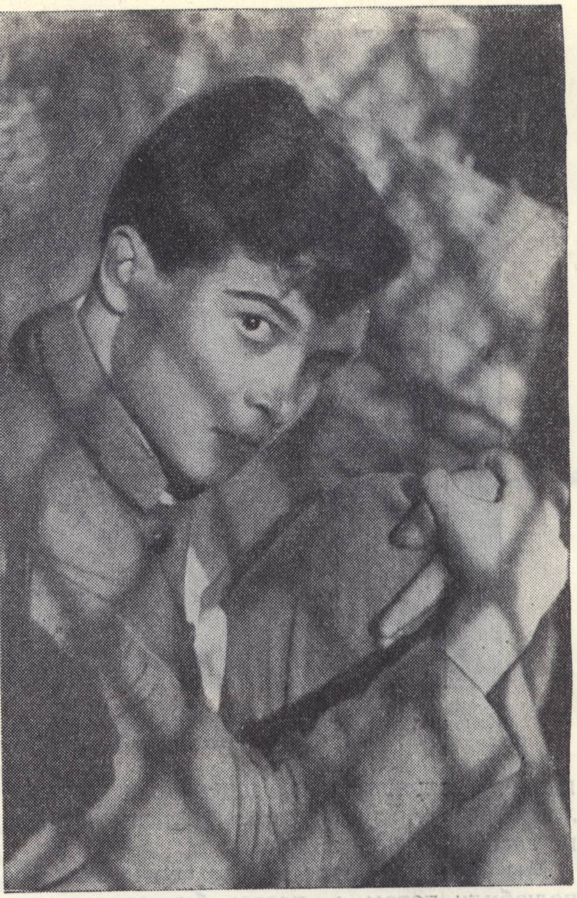
Началась киносъемка.

Ослепительный свет юпитеров, громовая команда режиссера, наезд киноаппарата на лесничего («крупный план»), потом вновь обратно («общий план»), чтоб охватить киноглазом старый дом, реку, величественные горы...

Сегодня снимается фильм о детстве великого поэта. Снимается именно там, где Володя рос, бегал, дрался, играл с крестьянскими ребятами в войну; где, забравшись в огромный пустой кувшин для вина, впервые читал он стихи, пробуя силу голоса. На экране перед нами появится красивый и дикий уголок земли — ущелье, реки, потоки,— где Володя носился вольной птицей, чувствуя себя дома...

А вот новые кадры: семья Маяковских перебирается в Кутаиси. (Какой смешной старинный экипаж!) Это Володю везут учиться. Квартирку в городе ищут с густым садом, подальше от «центра». И перед нами новый Володя, серьезный мальчуган в гимназической форме. Сначала учится примерно. (Вы помните в его автобиографии строчку: «...иду первым. Весь в пятерках».)

А потом... Оживает на экране революционная гроза 1905 года. Мы видим необычайное бурление толпы на улицах провинциального Кутаиси. Видим налет свирепых казаков на молодежь, разгон революционной демонстрации. Попробовал казацкой плетки и Владимир Маяковский. И это боевое крещение запомнил на всю жизнь. Новый, суровый взгляд у мальчика. Пытливо всматривается он в жизнь, ищет ответа на острые, жгучие

Забрался в сад жандармского полковника и — попал за решетку. (В роли Володи Радам Челидзе.)

вопросы: за что притесняют рабочих? Чего хотят они, почему бастуют?

Володе не до учебников. Вот он вместе с другими в Язоновой пещере, на тайной гимназической сходке. За словами идут и дела: двенадцатилетний мальчик тащит, никого не спросясь, отцовские берданки из дому. Несет их к подпольщикам, в революционный комитет.

Неожиданно наступают дни иных житейских испытаний. Мы видим, как от трагической случайности — от пустой царапины на пальце—погибает в тяжелых мучениях здоровяк лесничий. Упал могучий дуб, который, казалось, ничто не должно было сломить. Тринадцатилетний Володя теперь опора семьи. Прощай, кутаисская гимназия! Прощайте, вольный край, бурный Риони, пещеры, сходки, печальные грузинские напевы!

Маяковские перебираются в Москву. Трудно живется без отца. Бедные комнатки на Бронной. Копеечный заработок: выпили-

Консультант фильма — сестра поэта Людмила Владимировна Маяковская рассказывает участникам фильма о нелегальных гимназических сходках.

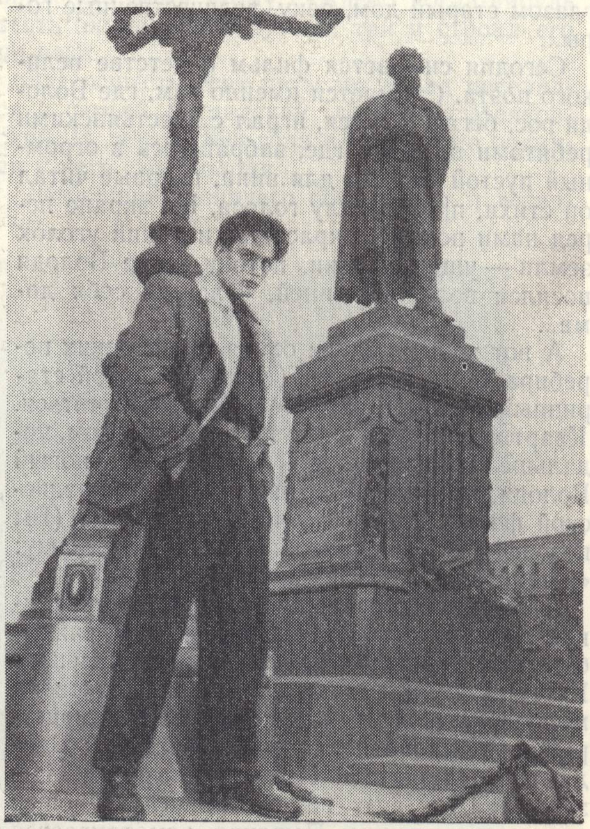
вание, раскрашивание деревянных шкатулок и рамок на продажу. Нужда и лишения не гасят в юноше задора.

Мы узнаем в подростке те черты, которые полюбили потом в поэте: бунтарство, насмешку, острый и ясный взгляд на жизнь, нетерпимость к мещанской пошлости, боевую отвагу. Быстро находит он себе новых, взрослых товарищей. И мы увидим, как пятнадцатилетний Володя Маяковский сдает в Москве самый трудный, самый суровый экзамен — тот, которого требовала его совесть: экзамен на пропагандиста.

...Впервые в истории советского кино на экране детство Владимира Маяковского. Разворачивается история его школьных лет, проходят неповторимые события и люди.

И снято все это в тех самых местах, где происходило в действительности. Родная сестра поэта, Людмила Владимировна Маяковская, ходит по комнатам кутаисского дома, где прошла ее юность. Взволнованно указывает: «Вот здесь спал мой брат. Здесь мы прятали листовки. Там висели его рисунки. Поставьте три тахты. Передвиньте шкаф так, как это было при нем». И вот по ее указанию построен павильон для съемок.

Пройдет время. Работа над фильмом будет закончена, он выйдет на экран. И мы увидим те далекие годы такими, какими они были «при нем», при Владимире Маяковском.

Маяковский у памятника Пушкину. (В роли Маяковского артист В. Лановой.)

СКАЗКИ НЕГРОВ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Перевод **Ю. Хазанова.** Рисунки **В. Федяевской.**

Ашанти — область в Западной Африке. Вот где родился этот фольклор, негритянские сказки, героем которых является умное и веселое, хитрое и ловкое существо Эненси — паук!

Когда заходит солнце, почти в каждой деревне дети собираются вокруг старой женщины и слушают сказки про умного Братца Эненси и про его друзей: Ворону, Козла, Тигра, мышь Мус-Мус, кошку Кизандер и других.

В сумеречном свете перед глазами ребят возникают различные животные, которые ведут себя, как люди. Слушатели смеются над тем, как ловко Эненси обманывает крупных зверей, радуются, что он берет верх над теми, кто гораздо больше и сильнее его самого, подшучивают над его недостатками и слабостями.

Народ Ашанти вместе с братскими народами Фанти и Эве в течение многих лет вел на своей земле борьбу против колонизаторов, которая закончилась победой и образованием независимой Республики Гана.

ВСЕ СКАЗКИ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭНЕНСИ

Вначале все сказки и всевозможные истории принадлежали Ниаме — богу неба. Но Эненси, паук, захотел, чтобы все сказки принадлежали ему. Он пошел к Ниаме и сказал, что купит их у него.

Ниама ответил:

— Я охотно продам тебе сказки, но это будет стоить недешево. Многие уже приходили ко мне с предложением купить их, но цена оказывалась слишком большой для них. Даже богатые и могущественные не смогли приобрести этих сказок. Неужели ты, Эненси, сможешь сделать это?

Эненси ответил богу неба:

— Смогу. Назови цену.

Деревянная скульптура

— Мне нужно три вещи,— сказал бог неба.— Прежде всего мне нужны Миоборо, шершни, затем Онини, большой питон, и, наконец, Озебо, леопард. За них я продам тебе право владеть всеми сказками на свете.

Эненси сказал:

— Я достану все это.

Он отправился домой и начал думать.

Потом он сделал бутылку из коры дерева и прорезал в ней маленькую дырку. Затем взял большую тыквенную бутыль и наполнил ее водой.

После этого он отправился к дереву, где жили шершни. Он окатил себя водой так, что она

текла с него ручьями, затем как следует облил водой шершней, после чего надел тыкву на голову, словно защищая себя от дождя, и громко закричал шершням:

— Вы что же, глупцы! Почему вы сидите здесь, когда идет такой ливень?

Шершни ответили:

— Куда же нам деваться?

— Идите сюда, на сухое место,— сказал Эненси, подставляя бутылку.

Шершни поблагодарили его и влетели в бутылку через маленькое отверстие. Когда влетел последний шершень, Эненси заткнул дыру комом травы, говоря:

Маска бога неба /Камерун/

— О, да вы действительно глупый народец!

И он отнес бутылку, полную шершней, к Ниаме. Ниама взял ее и сказал:

— Осталось выполнить еще два условия.

Эненси вернулся в лес и срезал длинную бамбуковую палку и несколько крепких лоз. Затем он направился к дому Онини, питона. Всю дорогу он бормотал такие слова:

— Моя жена глупа. Я говорю ей, что он длиннее и крепче, а она говорит мне, что он короче и слабее. Я уважаю его больше, а она — меньше. Кто же прав: она или я? Я прав — он длиннее. Я прав — он крепче...

Когда Онини, питон, услышал, что Эненси разговаривает сам с собой, он спросил:

— О чем ты там споришь сам с собой?

Паук ответил:

— Да у меня был спор с женой. Она говорит, что ты короче и слабее, чем бамбуковый шест, а я говорю, что ты длиннее и крепче.

Онини сказал:

— Глупо и бесполезно спорить, когда ты можешь убедиться сам. Давай шест, и мы измерим.

Эненси положил шест на землю, и питон растянулся рядом с ним.

— Нет, ты кажется, все-таки немного короче,— сказал Эненси.

Питон растянулся еще.

— Еще немного,— сказал Эненси.

— Я больше не могу,— сказал Онини.

— Когда ты вытягиваешься с одного конца, то становишься короче с другого,— сказал Эненси.— Давай-ка я привяжу тебя спереди, чтобы ты не скользил.

Он привязал голову Онини к шесту. Затем пошел к другому концу и привязал его хвост. Он обвязал лозу вокруг всего его туловища так, что питон не мог двинуться.

— Онини,— сказал Эненси.— Оказывается, моя жена была права, а я нет. Ты короче шеста и слабее его. Но ты, оказывается, еще и глупее меня, и вот теперь ты мой пленник.

Эненси отнес питона Ниаме, и тот сказал:

— Теперь осталось только одно.

Следующим был Озебо, леопард.

Эненси пошел в лес и вырыл глубокую яму в том месте, где леопард обычно проходил. Он покрыл яму ветками и листьями и посыпал землей.

Затем он отошел в сторону и спрятался.

Когда Озебо, крадучись, вышел ночью на охоту, он попал прямо в ловушку.

Утром Эненси подошел к яме и увидел там леопарда.

— Озебо,—спросил он,— что делаешь ты в этой дыре?

— Я попал в ловушку,— сказал Озебо.— Помоги мне выбраться.

— Я бы охотно помог тебе,— ответил Эненси.— Но боюсь, что, когда я вытащу тебя, я не получу за это никакой благодарности. Ты проголодаешься и захочешь съесть меня и моих детей.

— Клянусь, что этого не будет,— сказал Озебо.

— Ну, ладно. Раз ты клянешься, я вытащу тебя,— сказал Эненси.

Он взял нож и разрезал ту веревку, которая держала дерево наклоненным к земле. Дерево с треском выпрямилось и вытащило Озебо из ямы. Он повис вниз головой, крутясь и извиваясь. И пока он так висел, Эненси убил его.

Затем он взял тело леопарда, отнес его Ниаме и сказал:

Посуда
/Племя Ашанти, Гана/

Гири и разновески для взвешивания золотого песка

Он наклонил к земле высокое молодое деревцо так, что его верхушка оказалась над ямой, и связал его в таком положении. Затем он прикрепил к его верхушке веревку и другой ее конец опустил в яму.

— Привяжи ее к хвосту,— сказал он.

Озебо привязал веревку к хвосту.

— Она крепко привязана? — спросил Эненси.

— Да, крепко,— ответил леопард.

— В таком случае ты глуп не наполовину, как я думал, ты полный дурак,— сказал Эненси.

— Вот и третье условие выполнено. Теперь я заплатил обещанное сполна.

Ниама сказал ему:

— Кваку Эненси, самые отважные воины и вожди пытались сделать это, но не смогли. Это сделал ты. Поэтому я отдаю тебе все сказки. С этого дня они принадлежат тебе. Кто бы ни рассказывал сказку, он должен помнить, что это сказка Эненси.

Так Эненси, паук, стал владеть всеми сказками, которые у нас рассказывают. Все они принадлежат ему.

Скамейка

СОСТЯЗАНИЕ ЛЖЕЦОВ

Однажды муха, мотылек и москит отправились вместе на охоту. В лесу они встретили Эненси.

— Вот где мясо,— сказали они и схватили Эненси. Завязалась борьба. Но Эненси был сильнее, чем казался, и они не смогли справиться с ним. Наконец они остановились, чтобы перевести дух.

Эненси спросил:

— Почему вы охотитесь за мной?

Они отвечали:

— Мы голодны. Как тебе известно, все живые существа должны есть.

Эненси сказал:

— Я тоже должен есть. Почему бы мне не съесть вас?

— Ты недостаточно силен, чтобы одолеть нас,— сказали они.

— А вы недостаточно сильны, чтобы одолеть меня,— ответил Эненси.— Знаете что: давайте заключим договор. Вы рассказываете мне самую невероятную историю. Если я скажу, что не верю ей, можете съесть меня. Я тоже расскажу вам историю. Если вы скажете, что это неправда, я съем вас.

Все трое охотников согласились. Первым начал рассказывать мотылек.

— Еще до того, как я родился,— начал мотылек,— мой отец поселился на новом участке земли, но в первый же день он порезал себе ногу и не смог работать. Тогда я вылетаю, расчищаю лес, обрабатываю землю, сажаю семена, полю траву, собираю урожай и складываю его в амбар. Когда через несколько месяцев я наконец родился, мой отец был уже богатым человеком.

Мотылек, муха и москит посмотрели на Эненси, ожидая, что он скажет: «Я этому не верю»,— и тогда они смогут съесть его. Но Эненси сказал:

— Как правильно ты говоришь! Как все это верно!

Тогда начал рассказывать свою историю москит.

Он сказал:

— Однажды, когда мне только исполнилось четыре года, я мирно сидел в лесу, пережевывая слона, которого я незадолго перед тем убил. Но этого казалось мне мало, и поэтому, когда я увидел пробирающегося мимо леопарда, я погнался за ним. Я уже был готов схватить его, но он обернулся и раскрыл свою пасть, чтобы проглотить меня. Тогда я быстро засунул руку в его горло и, дотянувшись до хвоста, вывернул леопарда наизнанку. Перед этим он съел овцу, и теперь она вышла наружу, а леопард оказался внутри нее. Овца поблагодарила меня и отправилась пастись.

Москит, муха и мотылек ждали, что Эненси скажет: «Это все чушь»,— и тогда они смогут съесть его. Но Эненси сказал:

— О! Как это правдиво! Как все это верно!

Тогда наступила очередь мухи. Она сказала:

— Вот моя история. Однажды я охотилась в лесу и выследила антилопу. Я прицелилась из ружья, выстрелила, потом побежала и схватила антилопу. Я повернула ее на бок, содрала шкуру и разрезала мясо. Там я увидела пулю, которой я выстре-

лила. Я взяла эту пулю и снова зарядила ею свое ружье. Так как я была голодна, я отнесла мясо на верхушку высокого дерева, развела костер на суку и сварила себе еду. Я съела всю антилопу целиком. Когда надо было сойти вниз, оказалось, что живот мой раздулся от пищи и я была слишком тяжелой, чтобы спуститься на землю. Тогда я вернулась в свою деревню и достала там веревку. Затем я снова взобралась на дерево, обвязала веревку вокруг пояса и осторожно спустилась на землю.

Муха, мотылек и москит спокойно ждали, что Эненси скажет: «О, что за бред!» Но вместо этого он сказал:

— Это самая правдивая история из всех правдивых историй.

Теперь наступила очередь Эненси.

— В прошлом году я посадил кокосовое дерево,— начал он.— Через месяц оно выросло. Я был голоден и сбил три кокосовых ореха. Я открыл ножом первый орех, и из него вылетела муха, открыл второй — из него вылетел мотылек, открыл третий — оттуда вышел москит. Так как дерево, на котором они выросли, посадил я, то они, все трое, принадлежали мне. Но когда я попытался их проглотить, они улетели. С тех пор я ищу их, чтобы съесть. И теперь наконец я нашел вас, моя муха, мой москит, мой мотылек.

Все три охотника молчали.

Эненси спросил:

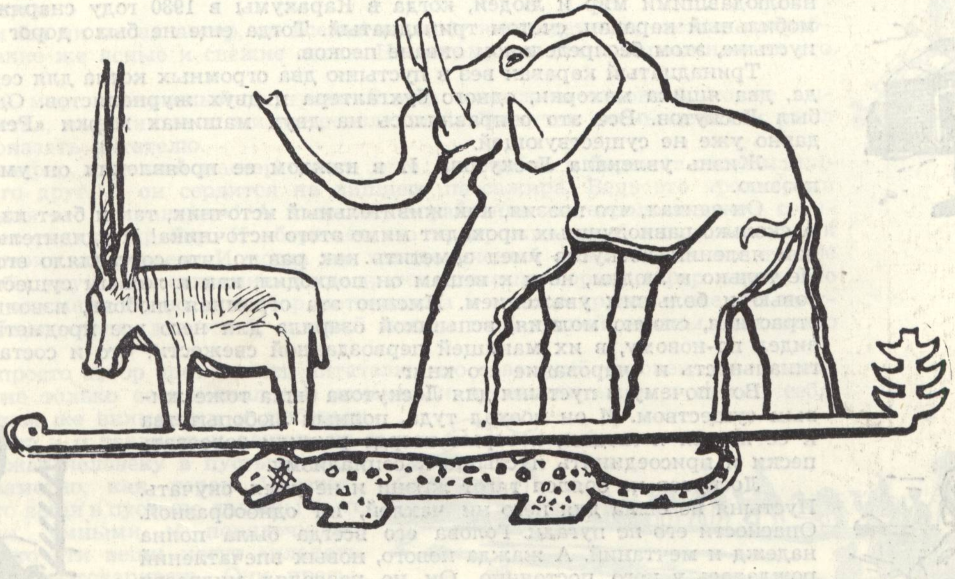
— Разве вам нечего сказать?

Они хотели было сказать, подобно Эненси: «Как это верно, как правдиво»,— но не решались, потому что тогда Эненси будет вправе считать их своей собственностью и съесть.

Не могли они также сказать, что он солгал, потому что в этом случае они нарушат уговор и проиграют и Эненси все равно их съест.

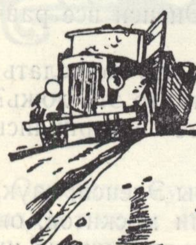
Они так и не могли решить, что же делать: говорить, что это правда или что это ложь? В конце концов они просто повернулись и улетели.

И с тех самых пор, когда бы Эненси, паук, ни ловил мух, мотыльков или москитов, он их съедал, потому что ведь он перехитрил их в состязании лжецов.

Необыкновенное в обыденном

Книги, как и судьбы людей, бывают разные. Одни из них рассказывают о необыкновенных событиях, быстро завлекают читателя, порой легко приобретают славу, а потом почему-то вдруг тускнеют, меркнут и забываются. Другие повествуют как будто о неприметных людях, о простых явлениях, читаются медленно, вдумчиво, но страница за страницей властно захватывают читателя. И мир в них раскрывается так увлекательно, что все: и люди, и события, и вещи,— как по волшебству, начинают сверкать и радужно трепетать, словно луч солнца, отраженный стеклянной гранью.

Эти книги живут долго. И время не старит их. Напротив, уходящие годы придают им еще большую глубину и ценность.

Такие книги писал Михаил Петрович Лоскутов. Время, когда он пришел в литературу, было необыкновенное. Чудесное, неповторимое время первой пятилетки, когда молодая наша страна крепла, мужала и буйно строилась на удивление всему миру, возводя даже в зыбучих песках Каракумов первый серный завод.

Поколения советской молодежи, формировавшиеся в годы тревог гражданской войны, разрухи, голода и нищеты, с удивлением и восторгом приветствовали страну, которая, одолев многочисленного врага, возрождалась из руин, словно сказочная птица Феникс из пепла.

И какие же люди сражались на трудовых фронтах первых пятилеток! И каких чудес добивались они!

Лоскутов был очень молод, еще юноша, с синими глазами, пристально наблюдавшими мир и людей, когда в Каракумы в 1930 году снаряжался автомобильный караван, счетом тринадцатый. Тогда еще не было дорог в песчаной пустыне, этом беспредельном океане песков.

Тринадцатый караван вез в пустыню два огромных котла для серного завода, два ящика махорки, одного бухгалтера и двух журналистов. Один из них был Лоскутов. Все это отправлялось на двух машинах марки «Рено-Сахара», давно уже не существующей.

Жизнь увлекала Лоскутова. И в каждом ее проявлении он умел уловить поэзию.

Он считал, что поэзия, как живительный источник, так и бьет из-под земли. А сколько равнодушных проходит мимо этого источника! И удивительно! В каждом явлении Лоскутов умел заметить как раз то, что составляло его сущность. Не только к людям, но и к вещам он подходил, как к живым существам, с любовью и большим уважением. Именно эта огромная любовь, взволнованная и страстная, словно молния, вспышкой озаряла для него все предметы, и он их видел по-новому, в их манящей первозданной свежести, что и составляло оригинальность и очарование его книг.

Вот почему и пустыня для Лоскутова была тоже живым существом. И он поехал туда, полный любопытства к ее жизни и людям, которые твердо решили завоевать пески и присоединить пустыню к социализму.

Лоскутов не боялся тягот жизни и не умел скучать. Пустыня не была для него ни чахлой, ни однообразной. Опасности его не пугали. Голова его всегда была полна надежд и мечтаний. А жажда нового, новых впечатлений рождалась у него постоянно. Он не разделял мудрости бесстрастных людей.

Поэтому в Каракумах внимание его привлекало все: и горячий ветер, который подметал улицы Ашхабада, потому что «пустыня ежедневно приходила в город в виде зноя и мириадов песчинок. Она оседала на зубах, и ее

нужно было сплевывать каждую минуту». И «остроумнейшее изобретение на Востоке» — верблюд, который может долго не пить, вынослив и красив. «Когда он шагает через пески — это шествует сама история!» И египетский таракан и священный жук «скарабей», ползающий по бархану по каким-то своим очень важным делам.

Многим людям пустыня кажется мертвой. Но для Лоскутова пески — это большое зеркало. Вся жизнь большой желтой страны видна на песке. След — «вот великая сила в мире песков». Это карта, компас и ключ к истории. «Все большие и маленькие трагедии пустыни регистрируются на песке. И только ветер один иногда вдруг возьмет да сметет все карты и очистит скатерть для новой игры».

И вот что однажды случилось в этом зыбучем мире. Впервые за много столетий на верблюжьей тропе появился невиданный след. «Кто ворвался в тысячелетие песков? Должно быть, гигантские змеи?» — так думали кочевники. А след был проложен резиной марки «Красный треугольник». В пустыню пришла революция. В ней запахло бензином и маслом. В песках взметнулась высокая мачта. И человек в наушниках из тесной землянки послал первое радиоизвестие в большой и далекий мир.

О том, как осуществлялась смелая мысль создать в пустыне индустриальный центр, и рассказывает книга «Тринадцатый караван». Автор вспоминает первых строителей поселка, давно позабытых отважных людей, из которых, однако, никто не считал себя героем.

Удивительна манера автора показывать людей. Так метко! Так умно! И так своеобразно! Вот перед нами молодой человек. Ему на вид лет двадцать пять. А партия, говорит автор, поручила ему пустыню. Да! Поручила пустыню! И он один представляет собою Советскую власть на территории, равной трем Австриям. У него старенький порыжевший портфель, «полный песчаных проблем». А работы пропасть. Надо создавать аулсоветы, кочевые советы в песках, где вся жизнь ютится возле колодцев.

Какую бы страницу ни раскрыть в книгах Лоскутова, всегда поражаешься обилию глубоких и интересных мыслей, умных наблюдений, которые и читателю навевают хорошие раздумья.

Трудно было Советской власти побеждать темноту, суеверия и суровый быт кочевника пустыни.

Как же об этом пишет автор?

Однажды, узнаем мы, простая бедная женщина взяла своего ребенка и вышла с ним за порог дома. Она решилась отдать ребенка в ясли. Ей нужно было всего лишь перейти пустую площадь. Но для нее этот шаг означал восстание против вековых обычаев песков. И она шагала, как красногвардейцы через площадь у Зимнего дворца в хмурую, непроглядную ночь 25 октября 1917 года. Она пересекла площадь решительно и смело, как путник, отправляющийся к далеким берегам.

О чем бы ни писал автор, он всегда находит неожиданные, свежие подробности и такие же ясные и свежие слова. Не потому ли так и запоминаются его герои!

Новый мир, прекрасный внутренний мир советского человека, новые высокие чувства, вызванные к жизни революцией, Лоскутов очень ценил и умел хорошо показать читателю.

Вот шофер, хороший мастер своего дела. Он любит и бережет свою машину. Она его друг. И он сердится на лишнего пассажира. Ведь это чрезмерная нагрузка для его «тарантаса»! А пассажир — работник метеорологической станции — везет редкий прибор. И оберегает его и дорожит им больше, чем своей жизнью, своим здоровьем. И когда на холоде ученый снял с себя все теплое белье, чтобы укутать и сохранить свои драгоценные приборы, шофер понял, что не только его машина, но и прибор метеоролога и многое другое — все это нужно для общего дела, для иной, лучшей жизни всей нашей страны, для всего народа.

Так просто автор дает понять читателю, что советский человек, завоевывая природу, не только ее изменял, но изменял и перевоспитывал и самого себя.

С таким же вниманием и любовью автор пишет и о различных вещах, которые служат человеку в пустыне молча и незаметно, как герои. Читатель узнает, что вещи в пустыне должны быть полезными, умными и порядочными, и верит, что эти вещи могут «плакать, смеяться и разговаривать. Они просыпаются в трудные минуты». «В пустыне не нужны веера и трусики», — говорит автор. Там нужна хорошая кошма. На ней можно спокойно спать. Ибо «насекомые не выносят запаха барана».

Опасную, полную тревог жизнь песков автор показывает так заманчиво, что читатель невольно заражается этим, и у него возникает желание самому испытать прелесть смелой жизни, где есть риск и опасность.

Читатель верит автору: пустыня будет побеждена, в ней воскреснут оазисы и города. Так верит, что ему хочется схватить лопату, теодолит и веревку и идти вместе с учеными и разведчиками покорять пески. И в этом огромная, неотразимая сила и обаяние книг Лоскутова.

Таланту его свойствен тонкий, изящный юмор. Он хорошо писал веселые рассказы для детей про Деда Бороеда, про говорящую собаку и волшебную палочку. Эти рассказы печатались в журнале «Пионер», где Лоскутов был всегда самым желанным другом.

Бывало, в редакции выдавались незадачливые дни, когда и работа не клеилась, и сотрудники, и даже сам неутомимый, изобретательный редактор «Пионера» Ивантер грустил, что очередному номеру журнала не хватает изюминки. И вдруг приходит Миша Лоскутов. Он вынимает из внутреннего кармана пальто новый, веселый рассказ. И какой же это изумительно смешной рассказ. Скуки как не бывало! А Лоскутов придумывает еще что-нибудь очень интересное: даст новую мысль, подскажет заголовок, тему для обложки, сделает набросок рисунка. Талантливый был человек! Он прекрасно владел самыми разнообразными жанрами: писал повести, сказки, рассказы, очерки и острые фельетоны.

Он был в полном расцвете своего дарования, когда смерть трагически оборвала его жизнь.

Он умер. Но поэзия не умирает. Она живет вечно, и вот почему книги Лоскутова всегда будут служить украшением и гордостью нашей литературы.

Р. Фраерман.

Друзья книги

Почти на границе между Уралом и Сибирью расположена деревня Яр. В яровской библиотеке много читателей-ребят. При библиотеке работают три кружка. Кружок «Друзья книги», где ребята учатся переплетать и ремонтировать книги, брошюровать журналы, подшивать газеты. В библиотеке нет порванных, неряшливых книг. Старенькие книги аккуратно подклеены и переплетены. Эта работа проделана заботливыми руками участников кружка.

Второй кружок — «Умелые руки». Кружковцы мастерят небольшие книжные витрины, пишут библиотечные плакаты и пригласительные билеты на вечера и конференции, проводимые библиотекой.

Третий кружок — кружок художественного чтения. Здесь ребята овладевают выразительным чтением, разучивают стихи и литературные монтажи. Членов этого кружка можно встретить в бригадах, на полевых станах, куда они приезжают выступать перед колхозниками.

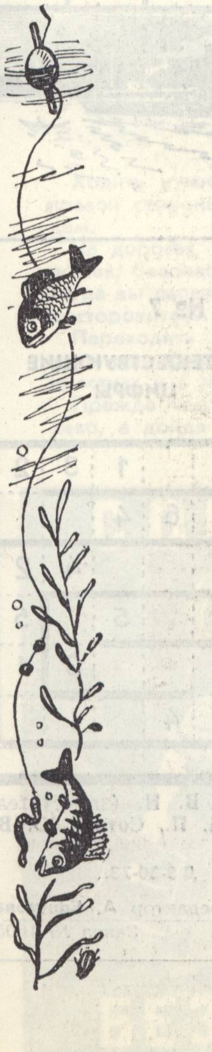
Есть среди активистов яровской библиотеки и книгоноши. В колхозе «Путь к коммунизму» нет теперь такого дома, в котором не было бы читателя библиотеки.

На снимке: кружок «Друзья книги» за работой. Кружком руководит заведующая библиотекой А. Т. Колапова.

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

Юные рыболовы!

Берега нашей Родины омываются четырнадцатью морями и тремя океанами, по территории страны протекают более ста тысяч рек, нанесенных на карту и имеющих название, и бесчисленное количество безымянных речушек и ручейков. Многочисленные озера, пруды, созданные и создаваемые водохранилища. Сколько возможностей для рыбной ловли! Прочитав книги, о которых здесь говорится, вы узнаете много необыкновенного о жизни рыб и рыбной ловле, и если вы еще не рыболов, то непременно захотите испытать радость от удачной рыбалки.

Аксаков С. Т. «Записки об ужении рыбы». Собрание сочинений. Т. IV. Прекрасный знаток русской природы, С. Т. Аксаков открывает вам всю красоту и поэзию рыбной ловли, все тонкости этого вида охоты.

Заборский М. А. Календарь молодого рыболова. О назначении книги хорошо говорит сам автор. «Календарь молодого рыболова» не руководство к рыбалке. Это скорее памятка о том, что каждое из четырех времен года можно с успехом использовать для увлекательного занятия. Вы узнаете, как, когда и какую рыбу лучше ловить.

Заборский М. А. Советы молодому рыболову. Автор книги, один из опытнейших мастеров рыболовного спорта, дает вам дружеские советы, рассказывает о снастях и снаряжении, о рыбьих вкусах и капризах, в книге есть сведения по ихтиологии — науке о рыбах — и небольшие рассказы о рыбной ловле.

Колганов Д. И. Юный рыболов. В этой небольшой книжке начинающие рыболовы найдут много интересного об особенностях и повадках рыб, наиболее распространенных в водоемах нашей страны. Вы узнаете о том, на что надо прежде всего обратить внимание, чтобы правильно выбрать место ловли, как приваживать и прикармливать рыбу, как подсекать и вытаскивать рыбу, и о многом другом.

Кунилов Ф. П. Советы юному рыболову. Здесь собраны простейшие сведения о рыбах, о приманках, о местах лова, об удочке и ее изготовлении, о некоторых правилах, соблюдение которых необходимо для успешной ловли.

Меркульева К. А. Происшествия под водой. Это сборник очерков о жизни рыб, о рыбном хозяйстве нашей страны. Вы узнаете, как разные породы рыб выводят свое потомство, как защищаются от хищников, как живут и чем питаются.

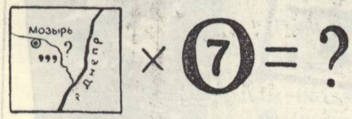
Колганов Д. И. Ловля рыбы спиннингом. Никольской М. Н. Охота со спиннингом. Эти книги помогут вам освоить один из интереснейших способов спортивной ловли рыбы.

Шубин И. (составитель). Юный рыболов. Сборник — хорошее руководство по спортивному ужению рыбы, в нем полно представлены разнообразные сведения по рыболовному спорту. Книга будет полезна и начинающим рыболовам, но особенно ценна она для тех из вас, кто уже имеет в этом некоторый опыт.

Е. Жолтко

РЕШИТЕ ЭТИ ПРИМЕРЫ

Составил А. Завьялов.

КУБИКИ

Всего лишь половину этих кубиков нужно поменять местами, чтобы по всем горизонтальным,

вертикальным и диагональным рядам получилась одинаковая сумма, а из букв составилось название одного из классических произведений русской литературы. Назовите это произведение и его автора.

Составил Е. Калачев.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

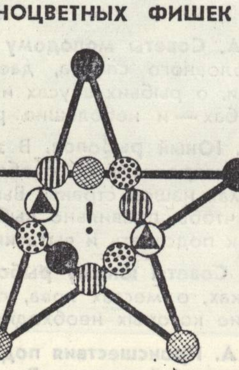
Маршрут путешествия, которым мы предлагаем вам совершить путь от берегов Лены до Камы, не совсем обычен и возможен только в головоломке. Для этого надо лишь вспомнить, как решаются задачи путем превращения слов. В начальном слове (в данном случае это название реки — Л е н а) надо переменить одну букву так, чтобы получилось название другой реки. Но и эта река — только промежуточный пункт: стоит и в ее названии переменить только одну букву — и получится название третьей реки... Продолжая преобразование слов таким же образом дальше и переходя от реки к реке, попытайтесь добраться от Лены до Камы. Для этого вам придется пройти всего лишь через пять промежуточных пунктов, каждый из которых является названием реки.

Составил А. Левшин.

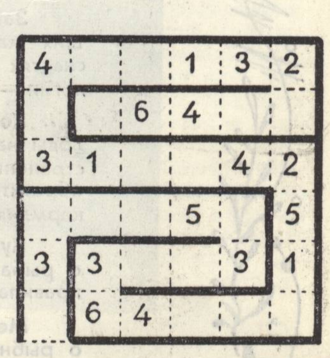

ОТВЕТЫ
на задачи, помещенные в № 7

ПО ПЯТИ РАЗНОЦВЕТНЫХ ФИШЕК

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ ЦИФРЫ

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор А. Ефимова.

А 03545. Подписано к печати 2/VIII 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 882. Заказ № 1605.
Формат бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

ОПАСНО! ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Виснуть на трамвайной подножке или цепляться к кузову проходящего автомобиля не геройство, а глупое и опасное озорство.

Не затевайте игр на мостовой, не катайтесь по проезжей части дороги на коньках, самокатах. Вы рискуете попасть под машину.

Толпясь на тротуаре, вы мешаете другим прохожим, заставляете их сойти на мостовую. Это опасно.

Помните, что основная причина всех несчастных случаев — нарушение правил уличного движения.

ЗАПОМНИТЕ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ДВИЖЕНИЯ ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ!

Ходить нужно только по тротуару, придерживаясь правой стороны, чтобы не мешать встречным пешеходам.

На дорогах, где нет тротуаров или пешеходных дорожек, безопаснее всего идти по левому краю дороги. Тогда вы своевременно увидите встречный транспорт и посторонитесь.

Переходить улицу можно только при зеленом сигнале светофора по пешеходным дорожкам, на перекрестках и в местах, где есть знак «Переход».

Прежде чем сойти с тротуара, надо посмотреть налево, а дойдя до середины улицы — направо, пропустить близкоидущий транспорт, а затем уже перейти на другую сторону.

СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА

Переходить улицу надо прямо, а не наискось, идти спокойно, не торопясь. Опаснее всего метаться на дороге из стороны в сторону.

Обходите стоящие у тротуара машины, автобусы, троллейбусы только сзади. Обходя их спереди, вы можете не увидеть другой автомобиль, проходящий мимо.

Трамвай и поезд безопаснее обходить спереди — тогда вы сразу увидите встречный трамвай или поезд.

Не проходите мимо ребят и взрослых, нарушающих правила уличного движения. Остановите нарушителя, объясните ему, какой опасности он подвергается. Потребуйте, чтобы он соблюдал правила.

БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ

Цена 2 р. 50 к.

